

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

”ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ“

КАФЕДРА “ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ-3”

Е. Ю. Бутенко

**Концептуальная
парадигма
мировоззренческого
феномена «CLASS»
в аксиологической
системе британской
лингвокультуры**

МОНОГРАФИЯ

МОСКВА · 2014

УДК 811.111
ББК 81.2Англ
Б93

Рецензенты:

профессор, доктор филологических наук *А.П. Миньяр-Белоручева*
(МГУ им. М.В. Ломоносова)
профессор, доктор экономических наук *М.В. Мельничук*
(Финансовый университет)

Бутенко Е.Ю.

Б93 Концептуальная парадигма мировоззренческого феномена «class» в аксиологической системе британской лингвокультуры: монография / Е.Ю. Бутенко – М.: Финансовый университет, 2014. – 228 с.

ISBN 978-5-7942-1231-0

Монография отражает основные результаты моделирования концептуальной парадигмы мировоззренческого феномена «class» в аксиологической системе британской лингвокультуры. На базе методов лингвоконцептологии и филологической герменевтики автор выявляет как доминантные, так и вторичные способы смыслопостроения ценностного концепта CLASS, акцентируя ноэматические смещения и особенности рефлексирования относительно изучаемого объекта в различных лингвокультурных областях: фразеологии, публицистике, художественной литературе.

Публикуется в авторской редакции.

УДК 811.111
ББК 81.2Англ

ISBN 978-5-7942-1231-0

© Е.Ю. Бутенко, 2014
© Финансовый университет, 2014

FEDERAL STATE-FUNDED EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION

“FINANCIAL UNIVERSITY UNDER THE GOVERNMENT
OF THE RUSSIAN FEDERATION”

FOREIGN LANGUAGE DEPARTMENT-3

E. BUTENKO

**CONCEPTUAL PARADIGM
OF IDEOLOGICAL
PHENOMENON «CLASS»
IN AXIOLOGICAL SYSTEM
OF THE BRITISH
LINGUISTIC CULTURE**

Monograph

MOSCOW · 2014

UDC 811.111

Reviewers:

Professor, Doctor in Philology *A.P. Minyar-Belorucheva*
(Lomonosov Moscow State University)

Professor, Doctor in Economics *M.V. Melnichuk*
(Financial University)

Butenko E.

Conceptual paradigm of ideological phenomenon «class» in axiological system of the British linguistic culture: monograph / E. Butenko – M.: Financial University, 2014. – 228 p.

ISBN 978-5-7942-1231-0

The monograph contains the main results of building the conceptual paradigm of ideological phenomenon «class» in the axiological system of the British linguistic culture. Basing on the methods of linguo-conceptology and philological hermeneutics the author reveals both dominant and secondary means of semantic construction of value-bearing concept CLASS. The research accentuates noematic changes and features of interpreting the object of study in various linguocultural fields: phraseology, journalism, fiction.

Published in author's edition.

UDC 811.111

ISBN 978-5-7942-1231-0

© E. Butenko, 2014

© Financial University, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

«The Englishman always has in his hands an accurate pair of scales in which he scrupulously weighs up the birth and rank and wealth of the people he meets»

(a French traveller Jean Rouquet)

Процесс переосмысления роли языка в генерировании и функционировании основных механизмов когниции человека и культуросозидательной деятельности остается актуальным в современной лингвистике. При этом язык осмысляется не просто как средство коммуникации, а в свете лингвокультурологического подхода как культурный код нации и важное условие ее существования.

В связи с динамичным расширением коммуникативных процессов на межкультурном уровне неизменно актуальными остаются исследования, посвященные проблемам изучения особенностей менталитета, определяющих лингвокультурную специфику бытования и ценностные ориентиры того или иного этноса.

Система социального статуса и методы его обозначения имеют место в каждой культуре. Однако классовое деление в Англии существовало и продолжает существовать по своим специфическим законам. Несмотря на политические и культурные перемены, происходящие в обществе, сознание представителей английской лингвокультуры все также подчиняется классовым нормам, что подтверждает богатейшая семантическая сфера концепта CLASS.

Цель данной работы в попытке осмысления уникальности английского феномена CLASS и доказательства гипотезы, что многие элементы концептосферы английской ценностной картины мира детерминируются классово-зависимым сознанием.

К основным задачам исследования относятся следующие: установить лингвокультурологические категории, отправляющие к ментальным единицам с культурным и ценностным компонентом, методологически необходимые для исследования феномена классовости в рамках лингвоконцептологического направления; представить понимание терминов «лингвокультурный концепт» и «понятие» и провести дистинкцию между ними; смоделировать ноэматическую структуру

концепта и обосновать целесообразность применения герменевтического подхода для исследования ценностных концептов как средств конструирования смысловых отношений в лингвокультуре; обсудить основополагающие свойства ценностной картины мира (ЦКМ), процедуру моделирования ее смыслового пространства и выделения ценностного компонента в концепте, а также определить место ЦКМ в системе картирования мира в сознании языковой личности; провести онтологический анализ феномена «класс» в английской лингвокультуре; провести лингвокультурологический анализ семантической сферы концепта CLASS и показать социальную стратифицированность английского языка в Британии; представить ноэматическое содержание концепта CLASS в наиболее значимых для английской культурной традиции лингвокультурных областях: во фразеологии, публицистике и художественной литературе и выявить возможные ноэматические смещения в исследуемом концептуальном поле.

Следует констатировать, что чувство классовой принадлежности приобретает все более имплицитную форму опредмечивания в британской лингвокультуре. Это вызвано многими причинами, например, явлением политкорректности и политическим курсом развития Великобритании, но тем не менее оно продолжает оставаться базисным в миропорядке представителей английской нации.

Именно имплицитный характер концептуализации понятия «класс» как ценности английской культуры обусловил выбор основных методов проведенного исследования: герменевтический и концептуальный анализ. Более того, такой подход обеспечивает возможность исследования явлений на интертекстуальном уровне, что в дальнейшем позволяет делать обобщения о культуре и менталитете нации в целом.

Исходя из соображений, что лингвистический категориальный аппарат и, в частности, терминология лингвокультурологии перенасыщены эклектичными наименованиями для обозначения единиц, связывающих элементы из пластов языка, культуры и менталитета, мы придерживались позиции применения уже имеющихся терминов с объяснением понимания их специфики в рамках данного изыскания. Помимо базовых категорий «лингвокультура», «лингвокультурный концепт», «картина мира», «концептосфера», «концептуализация», «ценность», мы оперируем понятиями «ноэма», «концептуальное сращение», «концептосочетание», «деконцептуализация», «ноэматическое смещение».

Г л а в а 1

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ КОНЦЕПТОВ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА

1.1. БАЗОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Лингвокультурология – молодая динамично развивающаяся лингвистическая дисциплина, оформившаяся в 90-е годы XX века. Областью исследования новой науки стала диада «язык – культура», которая получает воплощение в идеях языковой и концептуальной картин мира, а также национальных лингвокультур. Человек погружен в культурную среду знаковым способом, а языковой материал признается подлинным хранителем культуры. Необходимо представить и проанализировать ряд базовых категорий лингвокультурологии и их основные свойства, которые являются важными для решения задач данного исследования.

Современная интерпретация проблемы межкультурной коммуникации как проблемы общения национальных сознаний восходит к ставшей классической идее В. фон Гумбольдта о том, что «разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее, ... в каждом языке заложено самобытное миро-созерцание» [Цит. по: Ларина, 2004, с. 284]. Язык через культуру выводит лингвокультурологов на сознание ее носителей; в этом векторе (язык → культура → сознание) усматривается коренное отличие лингвокультурологии от других направлений антропологической лингвистики (когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвострановедение и т.д.).

В лингвокультурологии рассматривается, каким образом культурные смыслы «рассеяны» в языке, то есть способы лексикализации единиц культуры. Основным объектом лингвокультурологии следует считать лингвокультуры как некие типы взаимосвязи языка и культуры. В зависимости от целей исследования лингвокультуру можно рассматривать как совокупность текстовых произведений, созданных на национальном языке и моделирующих этнокультуру и самосознание. С другой же стороны, под лингвокультурой можно понимать совокупность феноменов и продуктов культуры, объективированных и «читаемых» в языке. Лингвокультурологическому анализу подвергается либо целостная лингвокультура, либо ее фрагмент – отдельная лингвокультурная область внутри некоторого лингвокультурного типа, обладающая смысловой обособленностью. Непосредственным предметом лингвокультурологии может стать некоторая часть лингвокультуры или лингвокультурной области, имеющая специфические характеристики и свойства.

В сфере интереса лингвокультурологии значатся любые языковые единицы, приобретшие символическое значение и отражающие культурную информацию (фразеологизмы, метафоры, паремии и т.д.). Для эффективности исследования национального своеобразия лингвокультур их можно рассматривать через призму концептосферы, которая условно сегментирует все лингвокультурное пространство на «пучки смыслов» – концепты. Теория концепта, функционирующая в рамках лингвокультурологии, позволила интегрировать разноуровневые языковые единицы для выявления особенностей этнокультурного восприятия действительности.

Существенно, что лингвокультурологические единицы изначально не принадлежат одной семиотической системе – языку, а воплощаются также в различных срезах культуры: мифах, ритуалах, обрядах, суевериях, стереотипах, в речевом поведении. Как новая «стыковая» дисциплина лингвокультурология встала перед проблемой формирования такой терминологической системы, которая не представляла бы собой результат суммирования двух ее образующих наук – лингвистики и культурологии. Следует признать, что общая обеспокоенность лингвистов состоянием терминологии не обошла и лингвокультурологию: упорядочение и эволюция ее категориального аппарата еще не окончены. Причина относительной размытости перечня базовых понятий и их синонимичности лежит отчасти в неод-

нозначности предмета исследования, ведь как было сказано выше, предметом внимания лингвокультурологов являются культурно маркированные языковые единицы. В связи с этим необходимо отметить, что критерии культурной маркированности языковых единиц, к сожалению, трудноопределимы, так как фактически любая языковая единица содержит культурно значимую информацию. Кроме того, существуют различные способы ее воплощения. И все же максимум данных о культурных смыслах можно получить, анализируя семантическое наполнение лексем и их контекстные связи.

По мнению В.Н. Телия, существует два типа единиц: «те, в которых культурно значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения (это слова, обозначающие реалии материальной культуры или же концепты культуры духовной и социальной), и единицы, в которых культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте» [Телия, 1996]. Для лингвокультурологии релевантно изучение единиц обоих типов, вне зависимости от статуса их культурных смыслов. При рассмотрении единиц второго типа исследователь культуры сталкивается с необходимостью охватить широчайший круг их внутриязыковых связей, эксплицируемых в текстах.

На наш взгляд, к базовым категориям лингвокультурологии следует относить понятия, максимально способствующие раскрытию национальной специфики репрезентации культурной информации, заложенной в любых знаках языка. По такому принципу в актив лингвокультурологии могут быть включены следующие понятия: *лингвокультура*, *лингвокультурная область*, *языковая картина мира* (далее – ЯКМ), *менталитет / ментальность*, *лингвокультурный концепт*, *культурный смысл*. На данном этапе не будем перечислять другие понятия, пришедшие в лингвокультурологический обиход вместе с теорией концепта, так как они будут детально дифференцированы в разделе, посвященном лингвоконцептологии.

Концепт признается одной из центральных единиц изучения в контексте проблемы «язык – культура», так как обозначает многоуровневое ментальное образование, лежащее в сознании, языке и культуре. Лингвокультурный концепт содержит в себе культурные смыслы, установив которые, можно охарактеризовать соответствующий фрагмент лингвокультуры. От других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, стереотип, гештальт и т.д.), линг-

вокультурный концепт отличается акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [Карасик, Слышкин, 2001, с. 75]. С точки зрения структуры, концепт не имеет четких границ, так как сознание синкретично по своей природе. Однако в концепте присутствует ядро, где сконцентрированы смыслы – культурные основы, идентифицирующие концепт в лингвокультуре; приядерная область со смыслами – доминантами, также значимыми для статуса концепта, и периферия, куда входят менее актуальные смыслы для носителей языка и индивидуальные ассоциации. Ключ к пониманию концептов и, следовательно, лингвокультур предоставляют слова. В случае с лингвокультурными концептами слово или ключевое слово – это прежде всего имя концепта, как правило, доминанта синонимического ряда, эксплуатируемая исследователем для удобства именованя. Такие слова, как *Privacy, Freedom, Weather, Stiff Upper Lip* открывают лишь вершину глубокого айсберга британской лингвокультуры. В целом же вербализованный концепт «живет» не в отдельном слове, а в семантическом пространстве языка как таковом, и может быть отождествлен с целым речевым произведением.

Фоном для изучения концептов становятся лингвокультуры или языковые картины мира, которые в основном в современных научных изысканиях предстают как синонимичные понятия. Однако такое вольное словоупотребление не вполне обосновано, так как отличия этих понятий раскрываются в особенностях их структуры, классификации и исследовательских принципов. Лингвокультуру и ЯКМ можно соотнести как общее и частное, так как в лингвокультуре как особом типе взаимосвязи языка и культуры находят отражение не только языковая, но и концептуальная, культурная, ценностная картины мира. Лингвокультура – явление более широкое, чем ЯКМ. Процессы межкультурного взаимодействия, а также перевод как особый тип культуры создают глобальное лингвокультурное пространство, что позволяет констатировать существование мировой лингвокультуры. ЯКМ – это выражение этноспецифики языкового мышления и менталитета, и в этом смысле ЯКМ всегда национальна.

Лингвокультура, по нашему мнению, выражает результат культурно языковой деятельности как минимум группы людей и складывается из совокупности ЯКМ лингвокультурного сообщества. Так как

лингвокультура влияет на формирование ЯКМ каждого ее носителя, то можно полагать, что понятия «индивидуальной лингвокультуры» быть не может по определению.

ЯКМ предполагает наличие у носителей языка определенного набора общих фоновых знаний, связывающих культурно маркированные единицы языка с «квантами» культуры [Опарина, 1999, с. 29]. В то же время имеет смысл выделять индивидуальные/авторские ЯКМ, которые реализуют специфику языкового видения мира отдельного человека. Феномен лингвокультуры сосредоточивает внимание ученых на преемственности культурно-языковых традиций и процессов, что предопределяет диахронный срез подобных исследований.

Взгляд на культурное в языке ретроспективен и историчен. Он аналогичен припоминанию. При лингвокультурологическом подходе к языку доминируют идеи культурной трансляции, коллективной культурной воспроизводимости и трансформации [Брагина, 1999, с. 132].

Лингвокультура формируется из ЯКМ всех временных этапов с момента зарождения языка, и, как нам представляется, ЯКМ могут исследоваться как самостоятельные системы на любом этапе своего онтогенеза.

Типологизация ЯКМ в первую очередь должна основываться на языковом признаке. Лингвокультуры в этом плане – разноэтносные комплексы, репрезентирующие культурно-языковые установки людей, объединенных по национальной принадлежности. Так, в качестве формантов швейцарской лингвокультуры могут рассматриваться французская, немецкая и итальянская ЯКМ. В то же время французская ЯКМ может изучаться через призму бельгийской, канадской, нигерийской и других лингвокультур. Несмотря на существование лингвокультур, в основу которых положен один язык (например, английский язык для британской/американской лингвокультур), полное совпадение их ЯКМ невозможно. Этот факт лишает язык абсолютной созидательной силы и показывает, что ЯКМ трансформируется под влиянием культурно-исторических процессов и преломляется через призму менталитета.

Лингвокультуру можно понимать как комплексное семиотическое образование, реализующее способы актуализации культуры в языке. В отличие от лингвокультуры ЯКМ рассматривается как си-

стема представлений, посредством которых человек осмысливает действительность и ориентируется в ней при помощи языка. При всей своей метафоричности фразеосочетание «языковая картина мира» очень точно передает идею упорядочения потока информации в сознании субъекта. Правомерно считается, что ЯКМ являются производными национальных менталитетов [Корнилов, 2003]. Менталитет обуславливает строение концептуальной и языковой картин мира, которые оказывают непосредственное влияние на формирование лингвокультуры.

Выделение и лингвокультурологическое описание отдельных лингвокультурных областей внутри лингвокультуры относятся к проблемным вопросам, требующим глубокого теоретического осмысления. Лингвокультурные области демонстрируют определенный тип мышления и адекватный ему язык. Основанием для обозначения некоторого образования в качестве отдельной лингвокультурной области служит его смысловая и лексическая обособленность. Сферы философии, художественной литературы, мифологии, фольклора, паремий могут быть рассмотрены в качестве обособленных лингвокультурных областей, так как они представляют собой самостоятельное смысловое пространство. Это выявляется при их анализе как со стороны культуры, так и со стороны языка. По нашему мнению, значимость этих областей измеряется плотностью культурной информации, закодированной в языковых единицах. Лингвокультурные области являют собой динамичные образования, расширение их границ детерминируется эволюционным развитием культуры, возрастанием количества культурных текстов, а также изменениями актуальности этих текстов на разных этапах развития общества. Перечень основных лингвокультурных областей довольно статичен, что можно объяснить относительным постоянством разновидностей культурной деятельности. Исчисление лингвокультурных областей затрудняет и то, что очертания некоторых из них весьма размыты, например, внутри фольклора можно рассматривать эпос, сказки, легенды, песни, притчи и т.д. Думается, что исследователь вправе сам задавать объем лингвокультурной области, при этом ее моделирование должно соответствовать поставленным целям и задачам. Состав значимых лингвокультурных областей в национальных культурах различается, так как каждая национальная культура, как известно, есть совокупность ценностей определенной нации и аксиологических установок, вырабаты-

ваемых историей из системы естественных реалий, артефактов и ментефактов (термин Телия).

Наиболее трудноопределимым термином в лингвистических штудиях представляется термин «менталитет», который составляет одну из центральных категорий лингвокультурологии. Сложности в дефинировании данного термина вызваны существованием смежной категории – ментальности, которая явилась русифицированным вариантом немецкого слова *Mentalität*. Введение понятия «менталитет» в оборот антропологической лингвистики стало результатом осознания различий мировидения представителей различных лингвокультур. Большинство ученых сходятся во мнении, что обсуждаемый термин легче описать, чем дефинировать. Несмотря на попытки словарей иностранных слов разграничить эти термины, они едва ли разводимы. В новейшем «Большом словаре иностранных слов» можно прочитать: «Менталитет (нем. *Mentalität*, от лат. *mens*, – *ntis* = разум, мышление) – совокупность психических, интеллектуальных, идеологических, религиозных, эстетических особенностей мышления народа, социальной группы или индивида, проявляющихся в культуре, языке, поведении и т.п.; мировосприятие, умонастроение». «Ментальность (от ментальный) – духовность; характерный для личности или общественной группы образ мышления, его социальная и биологическая обусловленность; образ мыслей» [БСИС, 2008, с. 350].

В дефинициях лингвокультурологов также не наблюдается единства во взглядах на эти термины.

Ментальность – совокупность мыслительных процессов, включающих построение особой картины мира [Маслова, 2001, с. 15].

Ментальность – мирозерцание в категориях и формах языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях [Колесов, 2004, с. 55].

Менталитет – глубинный уровень культуры, на котором осознанное соединяется с бессознательным и который служит основой устойчивой системы смыслов и представлений, укорененных в сознании и поведении многих поколений [Ерасов, 1996, с. 20].

Менталитет – множество когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов нации [Воркачев, 2003 в, с. 269].

Сопоставив лексикографические и лингвокультурологические дефиниции обсуждаемых понятий, можно заключить, что менталь-

ность толкуется как образ мышления, совокупность мыслительных процессов. Менталитет же больше акцентирует национальный компонент мировосприятия этноса.

В рамках лингвокультурологии правомерен термин «культурный смысл» в том плане, что смысл понимается как явление, детерминированное культурой и материализованное в языке. Это универсальный термин для лингвокультурологической науки, он приложим ко многим другим базовым категориям дисциплины: лингвокультуре, концепту, концептуальной картине мира, лингвокультурной области, так как культурные смыслы – это те «ячейки», которые составляют содержание вышеперечисленных единиц и связывают языковое и когнитивное сознание. Поскольку культуры познаются в сравнении, то и «культурное» в смысле выявляется в сопоставительном анализе и задается менталитетом народа. Сама природа смысла порождает множество вопросов: как соотносится смысл и значение, смысл и концепт, возможно ли именование смысла, как выделяется «культурное» в смысле, и т.п. По этим и другим вопросам лингвокультурологии предстоит занять определенные позиции. Мы считаем релевантным разграничивать «культурный смысл» и «культурную сему» как разноуровневые категории. Культурная сема в учебном пособии В.А. Масловой дефинируется как более мелкая и более универсальная, чем слово, семантическая единица, семантический признак. Например, у слова *щи* можно выделить сему «пища русских» [Маслова, 2001, с. 48]. Если культурные семы – это единицы значений, зафиксированные в культуре лексикографическими изданиями, то «культурные смыслы», как и смыслы вообще, возникают в интертекстуальном пространстве в результате рефлексии. Термин «культурный смысл» неотъемлем для лингвокультурологии, так как смысл как частный случай мыследеятельности (по Щедровицкому) – это всегда принадлежность сознанию субъекта той или иной лингвокультуры. Например, в семантическом пространстве немецкого лингвокультурного концепта ANGST можно выделить такие культурные семы, как: «условие возникновения», «неопределенность переживания», «продолжительность действия», «каузация», «эмоциональная реакция» (эти семы отсутствуют в русской лексике соответствующего концепта) [Бутенко, 2006, с. 65]. Смысловую структуру концепта ANGST в немецкой лингвокультуре составляют такие культурные смыслы, как: «советчик», «попутчик», «друг», «тюрьма», «вещь, имеющая размер, вес, вкус» [там же, с. 92]. Приведенный пример иллю-

стрирует целесообразность выявления культурных сем и культурных смыслов даже относительно онтологически универсальных явлений действительности.

Подводя итог вышеизложенному, надо отметить: 1) лингвокультурология представляет собой комплексную научную дисциплину, изучающую взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры через призму культураносных ментальных единиц, облеченных в вербальную форму; 2) корреляция понятий «лингвокультура» и «ЯКМ» неизбежна, так как вопросы организации той или иной ЯКМ выводят на поиск ответов в сфере культуры, как самом надежном средстве хранения и передачи языковой информации. Лингвокультурология призвана давать объяснения причин и принципов модификации ЯКМ; 3) лингвокультурная область – обособленный в культурном и языковом отношении фрагмент лингвокультуры, демонстрирующий специфические способы актуализации культурных смыслов и их вербальной экспликации; 4) менталитет – область пересечения коллективного и индивидуального сознания, которая обуславливает формирование этноспецифического в культуре – национальной культуры. ЯКМ – опосредующее звено между менталитетом и лингвокультурой (Менталитет→ ЯКМ↔ Лингвокультура).

1.2. ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИЯ КАК НОВОЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

На изломе тысячелетий лингвистическая научная мысль вышла на новый уровень развития, при котором исследователи на материале языка и на базе лингвистических методов способны делать выводы о внеязыковых явлениях, привнося новое знание в смежные гуманитарные дисциплины – культурологию, психологию, когнитологию, аксиологию и др. Мы ставим задачу не просто акцентировать внимание на интегральных процессах, протекающих в лингвистике, но и обсудить возможные пути развития одной из новых междисциплинарных областей знания – лингвистической концептологии.

В теоретической основе концептологии лежит представление о том, что концепт является базовой единицей сознания и через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно определить его структуру, статус в концептосфере и дать его описание. Моделирование концептов стало одним из наиболее активно раз-

вивающихся направлений в современной отечественной науке о языке, что убедительно подтверждает немалое число защищенных диссертационных исследований по этой тематике. На сегодняшний день также известны опубликованные разными авторами концептуарии культуры, предлагающие, как правило, дескрипции национальных концептов, в их числе такие авторитетные работы, как: монография Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры», «Словарь культуры как проблема лингвокультурологии» Т.В. Евсюковой, «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь», написанный коллективом авторов под редакцией И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. По мнению С.Г. Воркачева, лингвистическая концептология имеет смысл как самостоятельная научная дисциплина в той мере, в которой она исследует содержательные свойства языковых двуплановых единиц, как бы широко эти планы ни были разведены, от идиосимвола универсального предметного кода до лексико-грамматического поля [Воркачев, 2003 а, с. 6].

В ряду номинативных единиц, соперничающих за обозначение национальной специфики репрезентации языковых знаний, наиболее жизнестойким оказался термин «*концепт*» (Арутюнова, Лихачев, Степанов, Ляпин, Нерознак и др.). Такие терминологические новообразования как лингвокультурема [Воробьев, 1997, с. 44–56], мифологема [Базылев, 2000, с. 130–134] или логоэпистема [Верещагин, Костомаров, 1999, с. 70; Костомаров, Бурвикова, 2000, с. 28] уступили свое место концепту по частотности употребления.

В лингвоконцептологических работах допускается, что в области идеального среди ментальных объектов, не обладающих общим специфическим родовым признаком (значение, смысл, идея, мысль, понятие, представление, образ, гештальт и пр.) и находящихся в отношениях сходства, концепт – базовая аксиоматическая категория, неопределяемая и принимаемая интуитивно. Концепт – гипероним в ряду терминов: понятие, представление, схема, фрейм, сценарий, гештальт. Став предельно широким понятием, в любой интерпретации концепт остается операционной единицей мысли, способом и результатом категоризации информации, а его объектом – ментальные сущности, содержание которых в значительной степени задается самим концептом. Таким образом, считается, что концепт не только описывает свой объект, но и создает его.

Ключевая цель концептуальных исследований – исследование особенностей и признаков фрагментов картин мира в разных языках; изучение трансформации ценностных ориентиров в ходе динамического развития концептосферы. Анализ фрагментов картины мира происходит на основе выделения языковых единиц, вербализующих исследуемые концепты и выявления этноспецифических смыслов, формирующих ядро лингвокультуры, что возможно лишь при сопоставительном модусе исследования.

Характерной чертой развития лингвоконцептологии на современном этапе является то, что темпы разработки практических проблем опережают изучение их теоретических оснований. При наличии объекта исследования продолжается выработка собственной интенциональности, то есть очерчивание круга эпистемологических задач.

На наш взгляд, лингвоконцептология должна решить следующие теоретические задачи: 1) более строго очертить свое место среди других смежных направлений лингвистики, четко определив свой предмет и методы; 2) преодолеть теоретическую эклектику и устранить неточности в терминопотреблении (например, концептосфера как чисто ментальное пространство должна быть более строго отграничена от семантического пространства языка); дефинировать и детально охарактеризовать базовые понятия; 3) уточнить специфику лингвоконцептологического подхода к исследованию языковой картины мира; 4) прийти к четкому пониманию природы концепта и разработать развернутую типологию концептов; 5) провести дистинкцию между объектом и предметом исследования в лингвоконцептологии, то есть исключить смешение и отождествление концепта и средств его репрезентации в языке. Ведь именно лексические единицы плана выражения концепта или экзистенциальные, культурные смыслы, стоящие за ними, становятся предметом интереса лингвоконцептологов. При наличии многомерного объекта исследования – концепта, предметом в лингвоконцептологии может стать любая из его частей, имеющая специфические характеристики.

Как известно, зрелость и эффективность любой науки обусловлены степенью сформированности ее категориального и методологического аппарата. Категориальный аппарат лингвоконцептологии по определению должен быть нацелен на исследование ее центральной единицы – концепта, его структуры, специфических свойств, класси-

фикации, топологии, а также взаимосвязей с другими концептами и категориями данного направления.

Безусловно, существуют различия в дефинировании «концепта», в методах и приемах исследования, которые можно наблюдать в работах нескольких лингвоконцептологических школ, где осуществляется систематическое описание концептов (З.Д. Попова, И.А. Стернин; С.Г. Воркачев; В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Н.А. Красавский). Сам термин «концепт» стал «зонтиковым», по выражению С.Г. Воркачева, ввиду многомерности своей архитектоники и покрывает области нескольких научных направлений: когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, эмотиологии, лингвопсихологии и т.д. [Воркачев, 2003 а].

Из существующих направлений современного лингвистического концептуализма наибольшую дифференциацию получили лингвокогнитивная концептология (сюда можно отнести и психолингвистические исследования, посвященные концептам) и лингвокультурная концептология. Первая научная область использует понятие «концепт» как обозначение формируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания для моделирования и описания национальной концептосферы. Задача лингвокогнитивной концептологии – определить статус концепта в национальной концептосфере, выявить его содержание как глобальной ментальной единицы в ее национальном своеобразии, представив состав языковых средств, репрезентирующих исследуемый концепт, и описав максимально полно семантику этих единиц (слов, словосочетаний, паремий, текстов), применяя методику когнитивной интерпретации результатов лингвистического исследования. Путь исследования «от семантики единиц языка к концепту» надежен, так как анализ языковых средств позволяет наиболее простым и понятным способом выявить признаки концептов (по сравнению с трудностями описания концептов, выражаемых средствами несловесных искусств – музыки, живописи, архитектуры, скульптуры и т.п.) [Попова, Стернин, 2007]. Надо отметить, что в традиции когнитивной лингвоконцептологии признается существование невербализованных концептов, которые представлены в сознании в виде чистых смыслов, а в языке – в виде лакун.

Лингвокультурная концептология выделилась в обособленное направление в рамках лингвокультурологии в ходе переакцентуации

и модификации компонентов в трихотомии «язык, культура, языковая личность». При этом в лингвокультурной концептологии «языковая личность» понимается как носитель совокупности «сгустков смысла» – концептов и на первый план выходит сознание как этноидентификационный признак субъекта и участника лингвокультуры.

По мнению Г.Г. Слышкина, предпосылками развития лингвокультурной концептологии как нового исследовательского направления стали такие факторы, как: 1) смена лингвистического системостроения антропоцентризмом; 2) связанная с этим экспансия междисциплинарности в лингвистике; 3) общий «культурологический поворот» в методологии гуманитарных наук; 4) торжество тезиса о неабсолютной константности ментальной природы человека во времени и пространстве [Слышкин, 2004, с. 20].

В лингвокультурной концептологии концепт – это непременно вербализованный культурный смысл, хотя и «не привязанный» к какой-либо одной языковой единице. В акте речи вербализуется коммуникативно-релевантная часть лингвокультурного концепта. Исследование семантики языковых единиц, вербализующих концепт, – путь к описанию вербализованной части концепта.

Ведущим отличительным признаком лингвокультурного концепта является его этнокультурная отмеченность и внимание к языковой плоскости, ее выражающей. Понятие лингвокультурного концепта достаточно четко определено и охарактеризовано: «это условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [Карасик, 2002 б]. К числу важнейших характеристик лингвокультурных концептов относят: *комплексность бытования, ментальную природу, ценностность, условность и размытость, изменчивость, ограниченность сознанием носителя, трехкомпонентность, полиапеллируемость, многомерность, методологическую открытость и поликлассифицируемость* [Слышкин, 2004]. Концепт в лингвокультурной концептологии обозначает некие духовные ценности национальной культуры.

Необходимо отметить, что представители обоих направлений, лингвокогнитивного и лингвокультурного, единодушны в признании того факта, что данные подходы не являются взаимоисключающими, различия же связаны в основном с принципом отбора единиц исследования и методикой их описания. В.И. Карасик формулирует соотношение когнитивного и лингвокультурного концепта следующим

образом: «...эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик, 2002 б, с. 139]. В связи с соотношением концепта и языкового знака необходимо напомнить, что лингвокогнитивный концепт может вербализовываться с помощью одной языковой единицы, лингвокультурный концепт же обладает свойством полиапеллируемости, то есть репрезентируется фрагментом языковой и речевой картины мира. Каждое слово представляет собой лингвокогнитивный концепт, включая научные термины и даже служебные слова, в то время как именем лингвокультурного концепта избирается лишь культурно маркированная языковая единица.

Таким образом, можно констатировать, что лингвокультурная концептология находится в отношениях взаимодополняемости с когнитивной концептологией и любое исследование в рамках лингвокультурной концептологии является одновременно и когнитивным, так как непосредственно включает в себя дихотомию «язык – сознание». В этом смысле лингвокультурная концептология («язык – сознание – культура») предлагает исследователям более широкое поле для анализа по сравнению с общей лингвокультурологией, объектом внимания которой является взаимодействие языка и культуры.

Концепт как сложное полиструктурное образование имеет разноуровневую представленность в языке. С этой точки зрения, лексический уровень является наиболее содержательным. Методика исследования концептов зиждется, прежде всего, на особенностях в понимании объекта исследования и заключается в интерпретации языковых средств, служащих для таксономии отдельных феноменов действительности. Невозможно составить универсальный алгоритм исследования концепта, но тем не менее оно включает несколько этапов: 1) предварительное определение слова/словосочетания в качестве имени концепта и анализ его лексического значения и внутренней формы; 2) выявление синонимического ряда лексемы – репрезентанта концепта; 3) описание способов категоризации концепта в языковой картине мира; 4) определение способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующей лексемы, исследование концептуальных метафор и метонимий; 5) возможно исследование сценария, который представляет собой событие, разворачивающееся

во времени/пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий возникновения, времени и места действия и обусловленное конкретными причинами, послужившими его появлению.

Помимо концепта к наиболее частотным единицам изучения в лингвоконцептологии относятся: *концептосфера, концептуальная картина мира, концептуальная область, концептуальное поле, мета-концепт, концептуализация, языковое сознание, вербализация, константа культуры, языковая личность, языковая картина мира, семантическое пространство языка, семантическое поле.*

Категориальный аппарат лингвоконцептологии можно условно разделить на две группы: термины для обозначения комплексных ментальных образований и термины, служащие для обозначения лексикализирующих их языковых единиц. В самом общем виде тенденции их соотношения могут быть представлены следующим образом:

	V_s
Концептуализация	←→ Вербализация/Языковая концептуализация
Концептуальная картина мира	←→ Языковая картина мира
Концептосфера	←→ Семантическое пространство языка
Концептуальное поле	←→ Семантическое поле
Концептуальная область	←→ Синонимический ряд
Концепт	←→ Слово / Словосочетание

В данной работе остановимся лишь на некоторых категориях лингвоконцептологии, способствующих раскрытию природы концепта. В теорию концепта входят идеи *языковой картины мира* (далее – ЯКМ) и *концептуальной картины мира* (далее – ККМ), предлагающие системный подход к решению проблемы, который заключается в сопоставлении данных нескольких наук (например, лингвистики – культурологии / аксиологии или лингвистики – этнопсихологии / когнитологии) и уточнении полученных результатов. Исследование отдельных языковых единиц для выявления этноспецифического компонента в языке представляется весьма ограниченным без привлечения вышеуказанных категорий (ЯКМ, ККМ).

Факт бытования картины мира в сознании человека не ставится лингвоконцептологами под сомнение. Совокупность идиоматических

выражений свидетельствует о существовании определенного мыслительного конструкта, объединяющего эти выражения, и специфическом различии в форме, привязывающей соответствующую идею к реальности; только совокупность этих выражений может дать нам основания для определения тех или иных тенденций в картировании реальности [Карасик, 2001, с. 3–16].

Е.О. Опариной ЯКМ определяется как система ценностных ориентаций, закодированная в ассоциативно-образных комплексах языковых единиц и восстанавливаемая исследователем через интерпретацию ассоциативно-образных комплексов посредством обращения к обусловившим их знакам и концептам культуры [Опарина, 1999]. ЯКМ предполагает наличие у носителя языка определенного набора фоновых знаний, связывающих культурно маркированные единицы языка с «квантами» культуры. Как утверждает А.Т. Хроленко, идея ЯКМ носит эвристический характер [Хроленко, 2004, с. 60].

ККМ – картина мира, составленная из концептов и их взаимосвязей. Национальное своеобразие ККМ проявляется в наличии / отсутствии тех или иных ментальных ячеек в сознании индивида – концептов, в их статусе для лингвокультуры, системе взаимосвязей и их смысловой структуре. ККМ является опосредующим звеном между менталитетом и лингвокультурой, так как выводит в смысловое пространство, важнейшие единицы которого получают воплощение в ЯКМ.

Проблема соотношения ЯКМ и ККМ является одной из центральных в лингвоконцептологии и, по нашему мнению, может быть раскрыта в свете соотношения языка и мышления. Так как не все воспринятое и познанное человеком имеет вербальную форму и отражается с помощью языка, ККМ разнообразнее ЯКМ. Однако определенная часть сформировавшихся в сознании человека концептов и понятий имеет свое языковое воплощение. Мы единодушны с авторами коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке» в том, что ККМ шире ЯКМ, ввиду того что язык беднее мышления. Хотя бы потому, что мышление отражает окружающий человека мир непосредственно во всем богатстве и во всем многообразии различных свойств и связей [Роль человеческого фактора в языке, 1988, с. 79]. ККМ представляется богаче ЯКМ, поскольку в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе невербальные [Тхорик, Фанян, 2006, с. 50]. Б.А. Серебренников вычленяет следую-

щие типы мышления: словесное мышление, практическое мышление, образное мышление, редуцированное мышление, поисковое мышление, авербальное мышление [Роль человеческого фактора в языке, 1988, с. 81–83]. Выделение вышеобозначенных типов мышления позволяет шире взглянуть на проблему соотношения языка и мышления. Б.А. Серебренников подчеркивает, что «утверждение многих лингвистов и философов, будто бы язык отражает действительность, основано на недоразумении. Звуковой комплекс, образующий слово, ни к какому отражению сам неспособен. Фактически результатом отражения являются концепты или понятия. Язык связан с действительностью через знаковую соотнесенность. Язык не отражает действительность, а отображает ее знаковым способом» [там же].

Для феноменов ЯКМ и ККМ характерно свойство изменчивости, что объясняется постоянным развитием окружающего нас мира, вследствие чего одни фрагменты действительности теряют свою актуальность, стираются из сознания носителя лингвокультуры, количество языковых средств апелляции к соответствующему концепту уменьшается, а другие насыщаются новыми смыслами и наращивают объем языковых единиц, составляющих семантическое пространство того или иного концепта.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что ЯКМ – определенный способ языковой категоризации действительности. В то время как ККМ – это определенный способ восприятия действительности, который выражается в членении сознания на «смысловые пучки» – концепты. Точкой пересечения ЯКМ и ККМ является лексема. ЯКМ демонстрирует, какие компоненты концепта попадают в семантическое пространство языка и как они в нем «рассеяны». Соотношение ЯКМ и ККМ подтверждается языковой манифестацией концептов.

Обратимся к явлениям концептуализации и вербализации (языковой концептуализации), между которыми прослеживается принципиальное и очевидное различие.

Концептуализация интерпретируется в лингвоконцептологических работах как некий процесс структуризации и категоризации знаний в сознании субъекта, как процесс формирования концептуальной картины мира. Под *вербализацией* (языковой концептуализацией) понимается, исходя из определения А. Вежбицкой, совокупность приемов семантического представления плана содержания лексических единиц, отождествляющих концепт [Вежбицкая, 1997, с. 238].

Мы полагаем, что данные ментальные процессы соотносятся друг с другом в той же мере, что и явления ЯКМ и ККМ, с той лишь разницей, что сравниваемые феномены имеют разную динамику – концептуализация/вербализация – акциональные сущности, тогда как ЯКМ/ККМ более или менее консервативны, их можно изучать соответственно как результаты вербализации/концептуализации, сформировавшиеся в определенный временной срез.

Концептосфера и семантическое пространство языка разграничиваются в лингвоконцептологии также согласно критерию принадлежности разным пластам концепта: сознание – язык соответственно. *Семантическое пространство языка*, как сфера объективации концепта, может рассматриваться как совокупность средств апелляции к концепту с помощью языка.

Под *концептосферой* традиционно понимают совокупность концептов, из которых складывается ментальность носителя языка. Национальная языковая личность формируется под влиянием компонентов концептуального мира. В структуре концептосферы можно выделить зоны:

1) ядро, к которому относятся ключевые концепты – константы культуры, то есть те концепты, которые появились в сознании этноса в глубокой древности, присутствуют в ЯКМ элитарных и рядовых носителей лингвокультуры в настоящее время и эксплицитно раскрывают идиоэтнические черты мировидения народа;

2) приядерную зону, к которой принадлежат все базовые концепты культуры, отсылающие к важнейшим феноменам действительности и кодирующие информацию об универсальных и этноспецифических составляющих национальной лингвокультуры;

3) периферию – куда входят индивидуальные и менее значительные для культурной идентификации концепты.

Вне зависимости от статуса в концептосфере все концепты содержат сведения о национальном характере, о таком уникальном явлении, как дух народа.

От термина «концепт» было образовано множество новых терминов, которые функционируют в лингвоконцептологических работах: концептуальное сращение, концептуальное сознание, концептуальные метафора, метонимия и др.

Возвращаясь к объекту исследования лингвоконцептологии, представляется релевантным указать, что ученые выделяют централь-

ные, доминантные, базовые, ключевые концепты, константы культуры и т.д., желая подчеркнуть их особую значимость для носителей той или иной лингвокультуры. Такая вариативность именованья в лингвоконцептологии, на наш взгляд, еще раз подтверждает необходимость устранения неточностей в терминопотреблении.

Степанов употребляет понятие «*константа культуры*» в двух значениях: 1) это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время; 2) некий постоянный принцип культуры [Степанов, 1997, с. 84]. Понимая «константу культуры» как устойчивый концепт культуры, независимо от того, является он «априорным, доопытным» или «опытным, эмпирическим» [Степанов, 1997, с. 85], Степанов не делает акцента на наличии у такого концепта этнокультурных смыслов. Между тем целесообразно разграничить термины «базовый концепт» и «константа культуры», употребляемые исследователями зачастую как взаимозаменяемые. Отличительным признаком концепта как константы культуры, по нашему мнению, может стать полная или частичная непереводаемость объективирующих его лексических единиц или смыслов, заложенных в его имени. Как правило, имена констант культуры являются ключевыми словами культуры, ведущими к пониманию менталитета этноса. Константы культуры существуют в виде неязыковленных смыслов в инокультурах и обладают самой низкой номинативной плотностью в национальной концептосфере, порой ограничиваясь своим именем и производными от него словами. Примером этому могут служить такие известные константы русского культурного пространства как ТОСКА, ПОДВИГ, РАЗЛУКА, УДАЛЬ, НЕБОСЬ и т.д. К сожалению, нет данных о количестве таких непереводаемых слов в разных языках.

Под *базовым концептом*, на наш взгляд, следует понимать явление более широкого порядка – не только этноспецифичные уникальные концепты лингвокультуры, но и те ментальные образования, которые выражают неотъемлемые для человеческого ума феномены действительности: Радость, Страх, Любовь, Слово, Время, Дом, Дружба, Деньги, Число и т.д.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что сферы языка, культуры и сознания пересекаются в концепте. Концепт своей вербальной оболочкой обязан языку, своими смыслами – культуре и сознанию. Выделив и проанализировав доминирующие смыслы, описав лексику, привлекаемую для соответствующих смыслов, мы получаем

возможность охарактеризовать некоторую лингвокультуру, ибо каждой культуре принадлежит свой смысловой мир со своими смысловыми доминантами.

Лингвоконцептология аккумулирует и согласовывает между собой основные постулаты хронологически предшествующих концептологических исследований в рамках различных направлений лингвистики. Для того чтобы лингвоконцептология заслужила статус самостоятельной научной дисциплины в русле антропологической лингвистики, ученым предстоит в своих исследованиях на ряд теоретических вопросов дать обстоятельные ответы, способствующие гносеологическому становлению системы базовых категорий и методологических параметров.

1.3. СТАНОВЛЕНИЕ МЕТАЯЗЫКА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Теория концептуализации действительности, эффективно функционирующая в языкознании на современном этапе, ввела в лингвистический лексикон множество новых и уже ставших распространенными понятий – концепт и его производные: концептуальная область, концептуальное поле, концептосфера, концептуальная картина мира, концептуализация, концептуальное сращение, концептуальная метафора, концептуальное сознание, концептуальный смысл и т.д. Следует признать, что вся эта терминологическая система еще недостаточно структурирована и охарактеризована. Тем не менее бессмысленно отрицать оформление нового исследовательского направления – лингвоконцептологии, изучающей этноспецифику представления знаний посредством вербальных и невербальных экспликаторов – концептов.

Попытаемся уточнить и охарактеризовать нескольких значимых понятий лингвоконцептологии, обремененных теоретической эклектикой: концептосферу, концептуальное поле, концептуальное сочетание/сращение, концептуальную область, концептуализацию, деконцептуализацию, вербализацию (вербальную концептуализацию).

Описание концептов наиболее систематично осуществляется представителями когнитивной (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин и др.) и лингвокультурной концептологии (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин и др.). Несмотря на ряд различий в толковании концепта двумя дисциплинами, приводимых нами [Бутенко, 2008 а], суть концептуальных

исследований сводится к определению смыслов, формирующих национальное сознание и способствующих/препятствующих межкультурной коммуникации. В лингвокультурной концептологии, в русле которой ведется данное исследование, смыкаются два метаязыка: лингвокультурологии и лингвоконцептологии; на этом фоне на первый план выходит соотношение категорий «концепт» и «лингвокультура», в результате чего центрообразующим термином становится «лингвокультурный концепт».

Как уже упоминалось, в пределах лингвокультуры мы понимаем концепт как совокупность культурных смыслов лексики, опредмечивающей национальное представление о каком-либо феномене действительности. Концепты как «сгустки смыслов» (по Ю.С. Степанову) бытуют в лингвокультурном пространстве, которое в лингвоконцептологии представляется как сетка концептов, «натяннутая» на лингвокультуру – концептосфера. С точки зрения корреляции понятий концептосфера и лингвокультура, их отождествление или вычленение по принципу «общее – частное» нерелевантно, так как концептосфера представляет собой один из способов условного выражения лингвокультуры в языковом сознании. Концептосфера – средство категоризации информационного пространства лингвокультуры, своеобразный ключ к ее постижению.

Большинство ученых сходится во мнении, что концептосфера является собой совокупность категоризованных, обработанных, стандартизованных концептов в сознании народа (Кошарная, 2002; Лихачев, 1993; Попова, Стернин, 2001; Соколова, 2003 и др.). Первое по времени подробное истолкование данного понятия дал в своей работе «Концептосфера русского языка» Д.С. Лихачев. Академик подчеркивал, что концептосфера языка – это в сущности концептосфера культуры, а богатство концептосферы национального языка напрямую зависит от богатства всей культуры нации, ее литературы, фольклора, науки, изобразительного искусства и соотносимо со всем историческим опытом нации и особенно религией [Лихачев, 1993, с. 8]. Д.С. Лихачев отмечал, что обогащать концептосферу национального языка способны все люди в равной мере, хотя особое значение в создании концептосферы, несомненно, принадлежит писателям, поэтам, носителям фольклора, отдельным творческим профессиям [Лихачев, 1997, с. 281–284].

В структуру концептосферы включают концептуальные пространства, образованные разными типами концептов, в основе которых лежит определенный способ понимания и видения мира. Ядро

концептосферы как полевого образования организует обыденное концептуальное пространство, слои – художественное, научное и др. [Карасик, 1997; Красавский, 2000].

Национальная языковая личность формируется под влиянием компонентов концептуального мира. В зависимости от места концепта в сознании носителя концептосферы в структуре национальной концептосферы можно выделить следующие зоны:

1) ядро, к которому относятся ключевые концепты – константы культуры, т.е. те концепты, которые функционируют в лингвокультуре на протяжении длительного отрезка времени, присутствуют в языковой картине мира элитарных и рядовых носителей лингвокультуры и эксплицитно раскрывают идиоэтнические черты мировидения народа, то есть являются концептами-ценностями. Например, к ядерным концептам британской лингвокультуры, по нашему мнению, относятся FREEDOM, ECONOMY, INDIVIDUALISM, CONSERVATISM, CLASS, EMBARRASMENT, STOICISM. В русскоязычной культуре роль констант выполняют концепты-ценности: ДУША, ТОСКА, СУДЬБА, РОДИНА и др.;

2) приядерную зону, к которой принадлежат все базовые концепты культуры, отсылающие к важнейшим феноменам действительности и кодирующие информацию об универсальных и этноспецифических составляющих национальной лингвокультуры. Базовые концепты наиболее универсальны по понятийному признаку, но вместе с тем, их образные, ценностные, ассоциативные компоненты не совпадают в различных лингвокультурах, как и средства лексикализации. К базовым концептам любой лингвокультуры традиционно относятся: ВРЕМЯ, ДРУЖБА, СЧАСТЬЕ, МАТЬ, ДЕНЬГИ и др. В британской лингвокультуре в число базовых концептов нами также включаются такие, как: HUMOUR, FAIR PLAY, WEATHER, COMMON SENSE, SPORT и некоторые другие, являющиеся смысловым «продолжением» ядерных ценностных концептов;

3) периферию – куда входят индивидуальные/авторские и менее значительные для культурной идентификации концепты. Под авторскими концептами подразумеваются те концепты, образно-ассоциативное поле которых широко и разнопланово опредмечено в текстах какого-либо писателя, и, следовательно, имеющие значение для представления художественной картины мира автора, хотя и не входящие в центральные зоны концептосферы. В качестве примера

можно указать на такие концепты, как: MIMICRY (ПРИТВОРСТВО) у В. Найпола (V.S. Naipaul «The Mimic Men»), БЕРЕЗА в творчестве С. Есенина, получивший детальное и яркое представление в его языковой картине мира. В национальной концептосфере этот концепт ближе к периферии, но в составе макроконцепта РОДИНА входит в ядро русской концептосферы.

В зоне периферии происходит постоянное обновление концептуальных смыслов, и она представляет собой наиболее динамично развивающуюся область концептосферы. Ядерная и приядерная зоны характеризуются относительно ограниченным объемом информации, так как содержат значимые для всего этносоциума ценности и идеи.

В формировании национальной концептосферы участвует совокупный опыт этноса: языковой, чувственный, физический, географический, исторический, социальный, приобретаемый в процессе освоения окружающего мира. Национальная концептосфера складывается из индивидуальных, групповых, классовых, национальных (констант культуры) и универсальных (базовых) концептов.

Понятие концептосферы соотносится с понятием «лексическое пространство языка». Поскольку сама концептосфера скрыта от прямого наблюдения, ключ к исследованию концептов предоставляют лексические элементы языка. Применительно к концепту правомерно применение термина «вербальная сфера концепта», который может быть дефинирован как совокупность средств апелляции к концепту на языковом уровне. Объем вербальной сферы того или иного концепта прямо пропорционален значимости и статусу концепта в лингвокультуре этноса. Однако в семантической основе имени концепта может лежать уникальное явление или реалия культуры, лексическое обозначение которого не имеет синонимов и едва переводимо на другие языки.

Ввиду синкретичности сознания параллельно с процессами выделения и разграничения концептов, в концептосферах протекают процессы диффузии – проникновения одного в другое. Думается, что отражение этой идеи в метаязыке лингвоконцептологии содержат термины «концептуальное сращение» и «концептуальное поле». Под последним мы понимаем цепочку иерархически структурированных концептов, связанных общим смысловым компонентом. Концептуальное поле может быть организовано вокруг базового концепта, вступающего в интертекстуальном пространстве в смысловые отношения с другими рядоположенными концептами. Моделирование

концептуального поля может осуществляться на базе различного объема информации – как в пределах одного текстового произведения или в рамках концептосферы отдельного автора, так и шире – в объеме всей национальной концептосферы, всего семантического пространства языка.

Концептуальные поля признаются крупными ментальными образованиями, включающими в свой состав как разные типы когнитивных структур, так и различные формы ментальных репрезентаций. Концептуальное поле может рассматриваться как когнитивная структура комплексного типа, включающая и пропозициональные, и метонимические, и метафорические модели концептуализации [Тарасова, 2004, с. 166].

Важно подчеркнуть, что понятие концептуального поля в плане своего выражения не совпадает с «синонимическим рядом» по нескольким причинам. «Синонимический ряд» имеет отношение к термину «концепт» применительно к построению вербальной сферы того или иного концепта. В этом случае синонимический ряд показывает наиболее близкие по значению к имени концепта (доминанте ряда) лексемы и занимает ключевое место в вербальной сфере концепта, так как построение последней начинается с синонимического ряда. Кроме того, синонимический ряд эксплицирует родство значений его элементов, что выявляется при семантическом анализе; концептуальное поле же манифестирует смысловые связи исследуемого концепта с другими концептами, т.е. позволяет проследить перетекание смысла из концепта в концепт на уровне речи, текста, дискурса, всей лингвокультуры. Приведем синонимический ряд и концептуальное поле, например, концепта FREEDOM: «Freedom – Autonomy – Independence – Liberty – Self-government – Sovereignty» vs «FREEDOM – INDIVIDUALISM – PRIVACY (HOME) – TOLERANCE – INDIFFERENCE».

Концептосферам как подвижным смысловым системам свойственны взаимопроникновения концептуальных полей и переход концептов из одного поля в другое. Фрагментарное изучение концептосфер как схематичных реализаций лингвокультур облегчается условным делением концептосферы на концепты, концептуальные поля, концептуальные сращения и пр.

Понятия «концептосочетание» (Крючкова Н.В., 2009) и «концептуальное сращение» (в терминах теории ментальных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера) [Fauconnier, Turner, 1998] относятся к но-

вым категориям в лингвоконцептологии. Их введение в терминологический обиход целесообразно, поскольку они позволяют смоделировать область смыслового пересечения двух или нескольких (необязательно тематически родственных) концептов. В этом смысле различие двух терминов мы видим в том, что концептосочетанием можно признать любое соотношение концептов, тогда как концептуальным сращением следует называть соотношение концептов, отличающееся частотностью функционирования в концептосфере. Отметим, что исследование концептуальных сращений двух онтологически близких концептов позволит при наложении их смысловых пространств выявить «смысловой остаток», наглядно демонстрирующий культурное своеобразие и различие этих концептов.

Концептуальные сращения характеризуются асимметричным расположением структурных компонентов: как правило, один концепт имеет статус эксплицитно выраженного и легко «считываемого» в тексте, тогда как другой воплощается латентно и требует более высокого уровня рефлексии у реципиента. В качестве примера можно привести случай функционирования концептуального сращения «WEATHER-IRONY» в контексте британской лингвокультуры, где WEATHER эксплицитно выражен, а IRONY представлен латентно, и читателю его следует «распознать». Следует вспомнить знаменитый отрывок из произведения Джерома К. Джерома «Трое в лодке» о несбыточности английских прогнозов погоды:

«I remember a holiday of mine being completely ruined one late autumn by our paying attention to the weather report of the local newspaper. «Heavy showers, with thunderstorms, may be expected today», it would say on Monday, and so we would give up our picnic, and stop indoors all day, waiting for the rain... But not a drop ever fell, and it finished a grand day, and a lovely night after it. The next morning we would read that it was going to be a «warm, fine to set-fair day; much heat»; and we would dress ourselves in flimsy things, and go out, and, half-an-hour after we had started, it would commence to rain hard, and a bitterly cold wind would spring up, and both would keep on steadily for the whole day, and we would come home with colds and rheumatism all over us, and go to bed. The weather is a thing that is beyond me altogether. I never can understand it. The barometer is useless: it is as misleading as the newspaper forecast» [Jerome, 1999, p. 69].

Преломление в тексте одного концепта через другой позволяет составить список вторичных нозм обоих концептов. Использование термина нозма обусловлено его пониманием, по Г.И Богину, как самой малой единицы «с функцией установления связей и отношений между элементами коммуникативной и деятельностной ситуации, которая необходима для смыслообразования» [Богин, 1986]. Любой концепт имеет свою нозматическую структуру, смысловое содержание. Форманты концептуального сращения воплощают в тексте вторичную нозматику – смыслы, порождаемые соотношением этих концептов. Нозматический анализ вышеприведенного отрывка позволяет составить смысловую структуру концептуального сращения WEATHER-IRONY, в которую можно включить нозмы: «непредсказуемость», «несбыточность», «недоверие», «непонимание», «нарушение планов/разочарование», «болезнь», «самоосмеяние».

В настоящее время не совсем определенным остается в теории концепта термин «концептуальная область», частично совпадающий по своему содержанию с концептуальным полем. Существующие толкования этого понятия объединяет определение концептуальной области как совокупности концептов, отражающих особенности какого-либо фрагмента лингвокультуры.

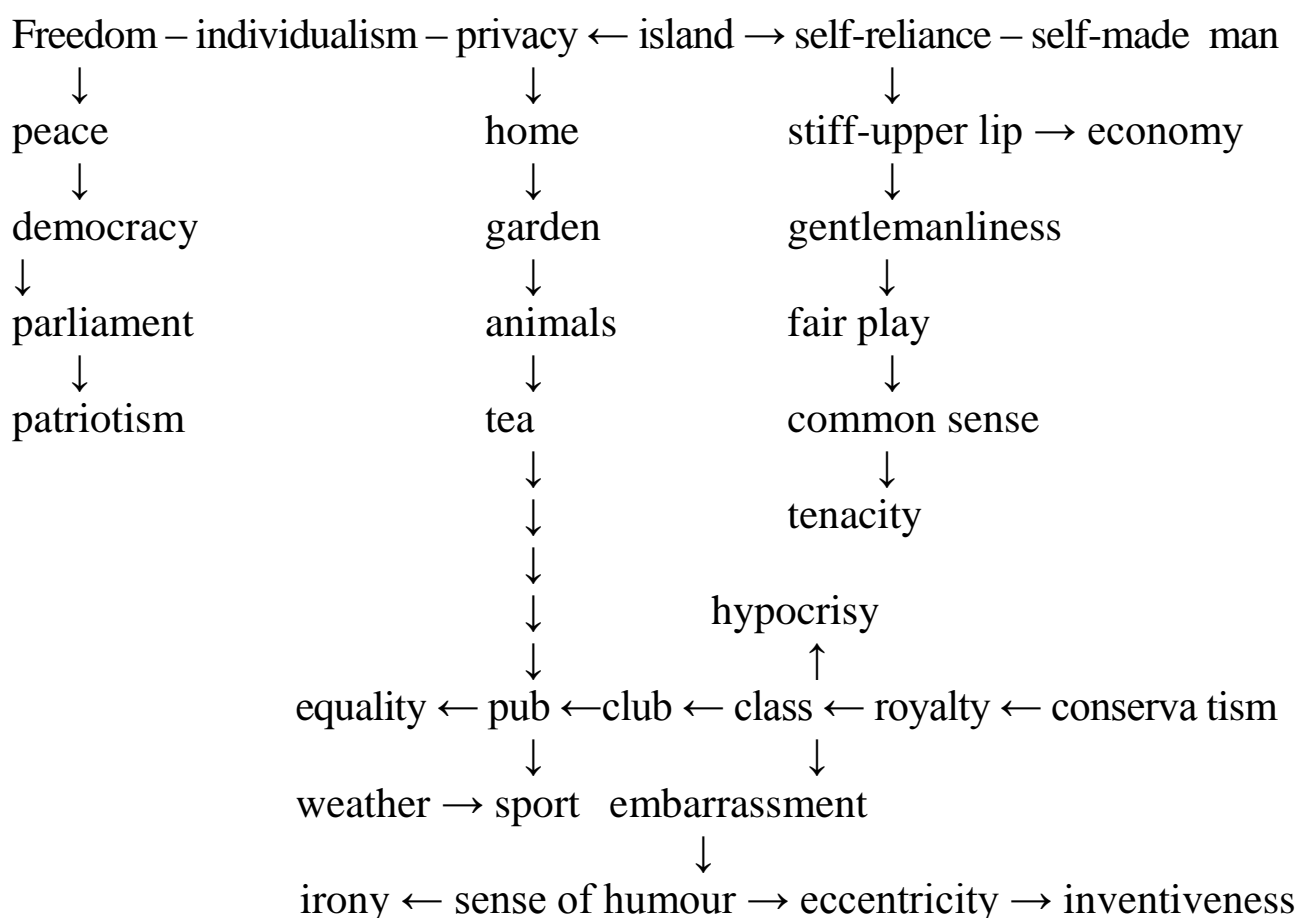
Концептуальная область – совокупность концептов как семантических единиц, отражающих культурную специфику мировосприятия носителей языка, и соотносима с понятием ментальности как способом видения мира [Воркачев, 2003 в, с. 269].

Ю.С. Степанов, говоря об отношениях между концептами, вводит понятие «концептуализированной области», которая понимается как устойчивая совокупность некоторых концептов, или микромотив, – отдельная малая концептуализированная сфера [Степанов, 2004].

Концептуализированную предметную область, Ю.С. Степанов называет «сферой культуры, где объединяются в одном представлении (культурном концепте) – слова, вещи, мифологемы и ритуалы. В пределах отдельной «концептуализированной области» слово и ритуальный предмет, слово и мифологема и т.д. могут особым образом семантически совмещаться, выступая заместителем или символизатором друг друга. Этот процесс концептуализации в сфере культуры мы называем «синонимизацией вещей и слов» [Степанов, 1997, с. 74].

Приведенные выше дефиниции указывают не только на неоднородность в понимании данной категории, но и на неоднозначность ее

номинации. Вместе с тем становится очевидным, что концептуальная область – это участок концептосферы, опредмечивающий в какой-либо группе концептов ту или иную плоскость окружающего мира. В концептуальной области могут быть составлены концептуальные поля, тематические ряды концептов. Концептуальную область мы интерпретируем как значимую тематически обособленную область концептосферы, состоящую как минимум из двух концептуальных полей, т.е. обладающую высокой ноэтической и *номинативной плотностью* (термин Г.Г. Слышкина). Концептуальная область может служить исследовательским средством доступа и схематического представления лингвокультурной области, которую можно описать путем анализа соотношений концептов, ее составляющих. Напомним, что лингвокультурная область определяется нами как обособленный в культурном и языковом отношении фрагмент лингвокультуры, демонстрирующий специфические способы актуализации культурных смыслов и их вербальной экспликации. Приведем пример условной схемы концептуальной области Englishness (английскость), содержащей концептуальные поля, образуемые наиболее культуроемкими концептами:

Концептуальные поля как форманты концептуальной области могут пересекаться в той или иной смысловой сфере, создавая концептуальные сращения и концептосочетания. Структурное содержание концептуальной области может быть отражено в условных схемах или таблицах, что способствует визуальной демонстрации концептуального пространства лингвокультур, а значит, в какой-то степени проникновению в сознание и менталитет этноса и их картированию. Вышеприведенные концептуальные поля составлены нами на основе предварительных наблюдений над языковым материалом, представляющим концептуальную область Englishness в английской концептосфере.

Аналогом концептуальных связей в языковой системе служит общая системность лексики в языковом сознании носителей языка, семантическая непрерывность словаря, по Караулову [Караулов, 1976, с. 75]. Ю.Н. Караулов писал, что «... в языке не может быть слов, изолированных в семантическом отношении. Каждое слово десятками и сотнями нитей связано со значениями многих других» [там же]. Наши выводы совпадают с точкой зрения Е.И. Шейгал, Е.С. Арчаковой о том, что «концепты как проекции явлений окружающей действительности в сознании человека не могут существовать обособленно от других подобных себе единиц». Концепты формируют единую систему, компоненты которой, взаимодействуя между собой, устанавливают постоянные связи [Шейгал, Арчакова, 2002].

Обсуждая проектирование метаязыка лингвоконцептологии, нельзя не обратиться к одной из наиболее утвердившихся в этой области знания категории – «концептуализация».

Одна из первых дефиниций термина «концептуализация» дана в «Кратком словаре когнитивных терминов» Е.С. Кубряковой. Концептуализация – некоторый сквозной для разных форм познания процесс структуризации знаний и возникновения разных структур представления знаний из неких минимальных концептуальных единиц [Кубрякова, 1996, с. 93].

Также концептуализация интерпретируется как процесс «преломления в голове человека окружающего его мира, существующих в последнем объектов, действий, состояний, связей и отношений между ними» [Залевская, 1999, с. 31–42].

Под процессом концептуализации нами понимается процесс формирования/образования концептуальных характеристик относи-

тельно явлений, понятий, феноменов лингвокультуры в сознании ее носителей.

О концептуализации понятий можно говорить как о смыслопорождении в разных лингвокультурных областях, подчиняющихся определенным закономерностям рефлексии. Делая акцент на том, что познающая деятельность человека обуславливает постоянное порождение новых смыслов, концептуализацию понятий мы понимаем как различные «способы» смыслообразования, составляющие специфику лингвокультуры в ее деятельностном аспекте.

Концептуализации как процессу вычленения этнокультурных смыслов, составляющих лингвокультурные концепты, в сознании субъекта параллелен процесс деконцептуализации, под которым мы понимаем обратный процесс, то есть преобразование концепта в понятие, потерю множества культурных смыслов и приобретение устойчивых лексикографических значений. Продуктом концептуализации являются концепты, единицы словарей/концептуариев культуры, составляющие наивную картину мира. Итогом деконцептуализации можно считать понятия, единицы лексикографических словарей, составляющие научную картину мира соответственно.

По нашему мнению, обращение к понятию «деконцептуализация» научно ценно, так как оно позволяет объяснить корреспонденцию информационных структур концепта и понятия (в том числе, если концепт и понятие материализуются в одном и том же звуковом/буквенном комплексе). Под влиянием приходящей извне информации человек вынужден обобщать, структурировать, интерпретировать весь человеческий опыт, совокупность знаний, представлений о мире. Ментальные процессы концептуализации и деконцептуализации способствуют дальнейшей ориентации языковой личности в действительном мире при восприятии и усвоении новой информации. Процессы концептуализации и деконцептуализации относятся к классификационной деятельности сознания и протекают параллельно, однако характер и направленность этих процессов не совпадают. Если концептуализация – это смыслопостроение в сознании представления о каком-либо фрагменте мира, то деконцептуализация – это выделение минимальных, основных содержательных единиц ментального уровня, отражающих общепонятийные признаки того или иного феномена реального мира. Концептуализация свойственна как лингвокультурному сообществу в целом, так и отдельному индивиду

со своей собственной видоизменяющейся, расширяющейся картиной мира. Процесс деконцептуализации ориентирован на поиск наиболее существенных признаков предметов окружающего мира, отраженных знаковым способом – значений. Деконцептуализация обозначает становление понятий, что осуществляется посредством множества мыслительных операций, совершающих обработку информации. Деконцептуализацию в контексте лингвокультуры можно обозначить как явление, принадлежащее коллективному сознанию.

В процессе деконцептуализации концепт подвергается «научной обработке» и уже как квант научного мышления – понятие переходит в научную картину мира из наивной и приобретает другой статус – становится общепонятной мыслью и обладает устойчивыми языковыми значениями. В концепте как единице наивной картины мира на первый план выходит смысловое наполнение, которое обогащает содержание и расширяет границы ЯКМ, так как мир смыслов безграничен, в то время как количество языковых значений исчислимо. В связи с тем что значения универсальны, одно и то же понятие может быть выражено словами из разных языков и соответственно переведено на другой язык. Концепт же всегда «опечатан» конкретной лингвокультурой или даже иногда ее конкретными представителями. В той или иной языковой ситуации понятийный признак концепта («привязка» к близкому ему понятию) может утрачивать свое действие, в силу того что знание значения соответствующего языкового понятия не всегда присутствует в сознании языковой личности и апеллирование к явлению/предмету окружающего мира происходит в основном на концептуальном, но не понятийном уровне. Например, можно сравнить концепты и понятия: «солнце», «земля», «душа».

Таким образом, концептуализация нацелена на смыслопостроение многослойных ментальных сущностей – концептов; деконцептуализация направлена на вычленение значений, формирующих понятие.

Понятия имеют общечеловеческий универсальный характер, концепты отличаются этнокультурной аурой и не обладают четкостью границ в сознании субъекта, как и четкостью содержания. С.А. Аскольдов-Алексеев, первый русский ученый, оперировавший термином «концепт», еще в 1928 г. заметил, что концепт является «весьма загадочной величиной – почти неуловимым мельканием чего-то в умственном кругозоре» [Цит. по: Лихачев, 1996, с. 140]. На уровне коммуницирующей языковой личности деконцептуализация

концепта – это вычленение наиболее релевантного элемента понятийного слоя концепта для передачи информации.

Подчеркнем, что понятие и концепт, не взирая на все структурные различия, пересекаются в слове. Таким образом, обе сущности постигаются в языковой плоскости.

В лингвистике концептуализации приписывают способы вербальной и невербальной репрезентации концептов. Однако в рамках лингвокультурной концептологии правомернее выделять способы прямой и не прямой вербализации, так как исследователь данного направления ориентируется на оязыковленные сущности, которые являются наиболее надежными проводниками к смысловому содержанию культурных концептов.

Вербальная концептуализация охватывает разные уровни языка, средства которых используются в реальной коммуникации комплексно, хотя исследователи отмечают преобладающую роль лексического и фразеологического уровня языка. Отметим, что все же в этой иерархии лексема – основная номинативная единица и важный способ хранения информации в сознании индивида. Базируясь на критерии «степень вербализованности концепта в тексте», мы предлагаем следующую типологию концептов:

а) *эксплицитные концепты*, то есть концепты, смыслопостроение которых опирается на средства прямой вербализации, под которыми подразумеваются элементы ядра вербальной сферы концепта – единицы синонимического ряда, номинирующие данный концепт и его производные;

б) *имплицитные концепты* – концепты, реализованные в тексте средствами не прямой вербализации, лексемами, входящими в вербальную сферу концепта, но не являющимися ее ядерными номинантами;

в) *латентные концепты* – концепты, степень вербализованности которых приближена к нулю, так как они, как правило, не выражены с помощью элементов вербальной сферы концепта и могут быть не восприняты читателем, поскольку их распознавание требует высокого уровня мыследеятельности и связывания воедино глубинных смысловых признаков.

Объем содержания концептов непостоянен, так как происходит содержательная дифференциация концепта, его смысловая нагрузка все более дробится. Вербализация концепта с течением времени тре-

бует все большего количества лексем. В то же время лексика, материализующая смысловое наполнение концепта, подвержена архаизации. Модификации в языковом выражении концептов обусловлены трансформациями в смысловой структуре концепта.

Результатом вербальной концептуализации реальности является языковая картина мира, способствующая выявлению этноспецифического «репертуара» лингвокультурного сообщества, который проецируется менталитетом.

Таким образом, дальнейшее развитие лингвоконцептологии будет зависеть от последующего понимания феноменов «культура», «язык» и «языковое сознание». Само наименование этого направления подчеркивает приоритет принципа интегративности.

Перспективы расширения исследовательских интересов в области лингвокультурной концептологии бесспорны, так как язык является лучшим доказательством реальности культуры, если под культурой понимать, вслед за Клиффордом Герцем «исторически передаваемую модель значений, воплощенных в символах, систему наследуемых представлений, выраженных в форме символов, при помощи которых люди общаются между собой и на основе которых фиксируются и развиваются их знания о жизни и жизненные установки» [Цит. по: Вежбицкая, 2001, с. 44].

Введение в научный арсенал лингвистов понятий «концептуальная картина мира», «концептосфера», «концептуализация» и производных от них предлагает эффективный подход к решению проблем «язык и культура», «язык и менталитет», «языковая и концептуальная картины мира» и новый инструментарий.

Категории «концептуализация», «деконцептуализация» полезны при анализировании лингвокультурных сущностей, поскольку позволяют объяснить особенности и механизмы их смыслопостроения, выделить из общего ноэматического пространства этнокультурное содержание.

«Концептосфера» представляет собой результат концептуализации и понимается как многомерное ментальное образование, заполненное иерархически организованной системой концептов – квантов соответствующих элементов лингвокультуры. Концептосферы как принадлежности области ментального являются трансформирующимися информационными системами. Представляя лингвокультуру в виде концептосферы, мы получаем возможность исследовать ее как

иерархическую гипо-гиперонимическую систему, требующую концептуального анализа, рассматривающего одни концепты – форманты лингвокультуры при помощи других.

Исследовательская плоскость концептосферы в процессе развития лингвоконцептологии была подразделена на более мелкие фрагменты – концептуальные области, поля, сращения, концептосочетания.

В целях изучения определенной области лингвокультуры релевантно оперирование термином «концептуальная область», который объединяет в себе совокупность концептов, отражающих ту или иную плоскость окружающего мира. Концептуальная область является наиболее крупным образованием концептосферы, и в ее пределах можно выделить концептуальные поля, тематически обособленные и пересекающиеся в рамках ноэматики этой концептуальной области.

Категория «концептуальное поле» позволяет описывать процессы диффузии концептов и «перетекания» их ноэматических характеристик в концептосфере. Концептуальное поле мы понимаем как цепочку иерархически структурированных концептов, объединенных общей ноэматической доминантой.

Термины «концептосочетание» и «концептуальное сращение» позволяют выявить область ноэматического пересечения концептов и своеобразие наполняющих их культурных смыслов, которое наиболее эксплицитно выявляется при наложении двух ноэматически тождественных концептов. Концептосочетанием можно обозначить любое соотношение концептов на уровне лингвокультуры. Концептуальным сращением следует называть константное соотношение концептов, отличающееся частотностью функционирования в лингвокультурной традиции того или иного этноса. Определение структуры концептуальных областей, полей, сращений на обширном лингвокультурном материале может способствовать выявлению статуса их компонентов – концептов и их ценности в культуре.

1.4. ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА И ПОНЯТИЯ

Термин «концепт», закрепившийся и активно используемый в лингвистической науке, еще недавно представлял собой смутное мыслительное образование, объяснялся десятком дефиниций и зачастую подменял собой другой основополагающий термин – «понятие».

Впрочем, такие разночтения можно было оправдать существованием на тот момент ряда актуальных вопросов, требующих широкого научного обсуждения. Приведем некоторые из них: 1. Каковы основные критерии разграничения терминов «концепт» и «понятие», их отличительные содержательные характеристики? 2. В каких пропорциональных соотношениях состоят смысл и концепт, смысл и понятие? 3. Какая из этих единиц – концепт или понятие – является преобладающей по квантитативному параметру в «плане содержания» и в «плане выражения», т.е. на уровне сознания и на уровне слова? В дальнейшем этот вопрос получил развитие в сопоставлении языковой и концептуальной картин мира. 4. Возможен ли адекватный перевод концептов из одной лингвокультурной плоскости в другую для достижения успешной межкультурной коммуникации, и представляется ли реальным перевод этноспецифических, лакунарных концептов, таких, например, как русская «тоска», являющаяся ключом к пониманию русской культуры. Вот лишь некоторые общие трактовки вопросов, занимающих умы ученых-лингвистов в последние годы. Обсуждение, частичное или полное решение данных вопросов (В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, В.А. Маслова и др.) дали толчок развитию нового направления в лингвистике – лингвоконцептологии и привели к интересным результатам. Хотя необходимо отметить, что новое знание о соотношении концепта и понятия нельзя признать окончательным и систематизированным. В связи с вышеупомянутыми вопросами рассмотрим основополагающие характеристики «лингвокультурного концепта» и «понятия» и проанализируем критерии их разграничения. Выбор нами термина «лингвокультурный концепт» (далее – ЛК) неслучаен, так как совместными усилиями ученых термин «концепт» на современном этапе трансформировался в предельно-обобщенное понятие. В подобных случаях целесообразно заменять определение интерпретацией, т.е. указанием на ту или иную сторону понятия, на то или иное свойство явления, что мы и делаем в рамках настоящей работы.

Как известно, термин «концепт» (лат. *Conceptus* – собрание, восприятие, зачатие) был введен основоположником концептуализма, философом, теологом и поэтом П. Абеляром. Зародившись в герменевтике в XII веке, непрерывно развиваясь и изменяя свой исходный смысл, «концепт» остается важнейшей единицей понимания текстов

и объектом исследования разных наук, подчас находясь на стыке множества дисциплин. Данный факт дал основание ученому из Кубанского университета С.Г. Воркачеву назвать концепт «зонтиковым термином», так как он «покрывает» предметные области нескольких научных направлений, прежде всего, когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации, а также лингвокультурологии, определяясь и уточняясь в границах теории, образуемой их постулатами и базовыми категориями [Воркачев, 2003 а, с. 5–12]. К списку наук, изучающих «концепт», можно добавить также психолингвистику, лингвопсихологию, эмотивную лингвистику и др. Таким образом, произошло своеобразное расслоение концепта на языковой и культурный, когнитивный и лингвокультурный и привело к появлению новых направлений – когнитивной и лингвокультурной концептологии.

Базовые характеристики ЛК были достаточно полно определены волгоградскими учеными Г.Г. Слышкиным и В.И. Карасиком. ЛК, в их понимании, – условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры. ЛК отличается от других единиц, используемых в лингвокультурологии, своей ментальной природой. Любые элементы, отсутствующие в сознании данного индивида/группы, в структуру концепта данного индивида /группы включаться не могут. В этом смысле внутренняя форма концепта для большинства носителей культуры является не частью концепта, а одним из детерминирующих его культурных элементов [Слышкин, 2004]. Центром ЛК всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [Карасик, 1996]. Перечислим важные, на наш взгляд, характеристики ЛК: 1) комплексность бытования (язык, сознание и культура – сферы, с которыми соотносится ЛК); 2) ментальная природа; 3) ограниченность сознанием носителя (элементы, отсутствующие в сознании индивида/группы в структуру концепта не включаются); 4) ценностность; 5) условность и нечеткость (сознание синкретично, его членение производится в исследовательских целях); 6) когнитивно-обобщающая направленность (в категории «концепт» нашла выражение потребность в синтезе различных форм сознания и культуры); 7) полиапеллируемость; 8) трехуровневое лингвистическое воплощение (как системный потенциал, т.е.

совокупность средств апелляции к концепту, предлагаемых культурой; как субъектный потенциал, т.е. лингвистическое достояние, хранящееся в сознании индивида; как текстовые реализации, т.е. апелляции к концепту в конкретных коммуникативных целях) [Слышкин, 2004].

Термин «понятие», в отличие от своего конкурента, не получил столь детальной разработки в последнее время. За его определением можно обратиться к самому, на наш взгляд, авторитетному источнику – Лингвистическому энциклопедическому словарю: «1) мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений; последние (свойства и отношения) выступают в понятии как общие и специфические признаки, соотнесенные с классами предметов и явлений; 2) то же, что грамматическая или семантическая категория, обычно не высшего уровня обобщения, например, понятие двойственного числа, понятие события, понятие неактуального настоящего времени и т.п.; в этом значении стал часто употребляться термин «концепт» [ЛЭС, 2002]. В традиционном языкознании понятие рассматривается как связанное с одной определенной знаковой формой – общим именем, в индоевропейских языках – типа «человек», «революция», «жилище», «бег», «белизна», «беление» или его эквивалентом типа «белить» и т.п., а все остальные знаковые формы понятия рассматриваются как производные от данной, соотносительные с ней по определенным правилам исторических и синхронных соотношений (трансформаций). У понятия сложная структура, в которой выделяются следующие элементы: 1) сигнификат – совокупность тех признаков предмета (явления), которые существенны для его правильного именованья данным словом в системе данного языка; 2) интенционал – правильное определение понятия, связанное с категорией «сущности» (лат. *essentia*, англ., франц. *essence*) предмета или явления; 3) денотат (денотация) – класс всех реальных (т.е. существующих) предметов, к которым слово правильно приложимо (для называния) в системе данного языка; 4) компрегенсия, «охват», «протяженность» – классификация и ее результат, т.е. класс всех непротиворечиво мыслимых предметов, к которым данное слово может быть правильно приложимо (независимо от того, существуют эти предметы в действительности или нет, известно или неизвестно их существование) [ЛЭС, 2002]. Отметим, что мы не ставили цель дать исчерпывающее описание со-

держательных характеристик «понятия» и «лингвокультурного концепта», поэтому мы опирались на те положения, которые нам представляются принципиальными при решении поставленных задач.

Как можно заметить из вышеприведенных определений и характеристик «ЛК» и «понятия» им присуще немало общих признаков, что изначально поспособствовало синонимизации двух терминов. Во-первых, это – принадлежность к области сознания, смысловому пространству («условная ментальная единица», vs «мысль»). Здесь следует подчеркнуть, что вопрос соотношения смысла и концепта, смысла и понятия остается не вполне исследованным и оставляет место новым гипотезам. Во-вторых, язык и речь – сферы опредмечивания, овеществления как «ЛК», так и «понятия», т.е. лексикализация этих единиц обязательна, что не является таковым для «когнитивного концепта», который также лежит в сознании субъекта, но не всегда обладает языковой оболочкой и носит имплицитный характер. В-третьих, существенным сходством можно считать наличие сложной структуры как у «понятия», так и «ЛК», причем в обоих случаях отношения между конституентами весьма сложны и недостаточно изучены. Более того, и в структуре «понятия», и в структуре «ЛК» можно выделить фактуальную (например, энциклопедическое значение слова, повседневное знание, элементы общей эрудиции и др.) и образную составляющие (внутренние формы языковых единиц, стереотипы, устойчивые ассоциации). Те признаки, которые, не включаясь в понятие, окружают его в языке в силу различных ассоциаций – познавательных (знаний о мире), эмоциональных, экспрессивных, стилевых (по принадлежности к тому или иному стилю речи), обозначаются термином «коннотация».

Попробуем обосновать релевантность противопоставления «ЛК» и «понятия». Наиболее значительным отличительным признаком «понятия» от «ЛК» является лингвокультурная отмеченность последнего, наблюдается принципиальное различие в содержательном наполнении исследуемых единиц. ЛК рассматривается как совокупность культурных смыслов и единица лингвокультуры, понятие же не столь «привязано» к культуре и составляет сумму языковых значений. ЛК и понятие имеют очевидные точки пересечения как в «плане содержания», так и в «плане выражения». Понятие, безусловно, является частью концепта. Момент обрастания понятия культурными смыслами, ценностной составляющей, расширения и синкретизации

ассоциативных векторов можно считать моментом зарождения концепта. Понятие в структуре концепта можно толковать как элемент научной картины мира, в то время как сам концепт лежит в наивной, общекультурной картине мира.

ЛК – явление более динамичное по сравнению с понятием. Структура концепта непрерывно меняется, поскольку меняется внешний для человека мир и внутренняя система ценностей. Как всякое явление культуры концепт не может быть статичен. Именно поэтому в лингвистической науке прижилось сравнение концепта с «таящимся комом снега, который постепенно обволакивается новыми слоями» [Болдырев, 2001, с. 30]. Объем содержания концепта постепенно увеличивается за счет новых концептуальных характеристик, хотя в то же время происходит потеря старых. Например, немецкий концепт ANGST на протяжении истории приобретал новые смыслы. За период времени с 1000 г. произошел смысловой сдвиг от «angst» – «мука» к «angst» – «тревога/страх», т.е. от переводного эквивалента латинских слов «pressura», «angustia» и «tribulatio» («мука, расстройство») к «angst», как слову, которое ассоциируется с внушающими тревогу мыслями о смерти, дьяволе и аде (что проявляется четко в языке и мысли Лютера). В современном мире страх все больше приобретает смысл – «эмоция, которую необходимо преодолеть». Причем это утверждение одинаково верно для всех видов страха: как для поименованных страхов, тех, которые в процессе развития общества меняют свои объекты, так и для экзистенциального, неопределенного страха бытия, который не сдает своих позиций вот уже в течение нескольких веков и является самым разрушительным по своей силе [Бутенко, 2005, с. 158].

Непрерывно изменяющаяся природа концепта сообщает нам его определяющую функцию – информативную (доносить до людей знания о постоянно меняющемся мире).

Понятие всегда явление коллективное, общественное, состоящее из известных и понятных фиксированных смыслов, переросших в значения, если речь не идет об узкоспециальных понятиях. ЛК в этом плане отличается более широкой классификацией по носителю; можно говорить о коллективных, универсальных, этнокультурных и уже о групповых и индивидуальных, авторских концептах. Индивидуальные или авторские концепты всегда богаче и разнообразнее коллективных, потому что в последних уникальное в персональном опыте

редуцируется. Обогащение ЛК всегда идет по звену «от индивидуального к коллективному». В настоящее время большое количество научных работ посвящается изучению ЛК через призму индивидуального сознания, индивидуальную картину мира автора.

Другим важным критерием, существенно отличающим ЛК от понятия, является антиномичность. Под этим термином мы понимаем сочетание двух взаимопротиворечащих суждений об одном и том же объекте, каждое из которых истинно относительно этого объекта. В качестве примера можно сослаться на ЛК СТРАХ, один из базовых концептов мировой культуры. В концепте СТРАХ, например, можно наблюдать следующие амбивалентные составляющие: 1) Страх обладает разрушительной силой и положительными свойствами. Страх – то придает крылья ногам, то приковывает к земле. Страх делает умных глупцами и сильных слабыми (Купер Д.Ф.). Со страху человек на все готов пойти (Расин Жан). 2) Страх – низкое и высокое чувство. Из всех низких чувств страх – самое низкое (В. Шекспир). Насколько человек побеждает страх, настолько он – человек (Карлейль Томас). Кто презирает страх, тот слишком возгордился (Корнель Пьер). Страх – условие существования (Кьеркегор С.); 3) Всесилие и бессилие страха. Страх и надежда могут убедить человека в чем угодно (Де Вовенарг люк де Клапье). Страх всегда был и будет самым верным средством обмана и порабощения людей (Гольбах Поль Арни). Страх перед Богом останавливает от греха только тех, кто не способен сильно желать или уже не в состоянии грешить (Гольбах П. Арни). Такие противоречивые составляющие подчеркиваются в афоризмах наиболее выдающихся членов общества, что позволяет опираться на них как на авторитетные «тексты культуры». В отличие от понятия/слова ЛК предполагает изучение контекстов совсем иного рода. Слово реализует себя в речевых, как правило, бытовых контекстах. ЛК формируется в прецедентных текстах: пословицах, поговорках, афоризмах, устойчивых сочетаниях слов, названиях произведений духовной культуры, научных теорий и т.п. [Бутенко, 2005, с. 157].

Следующий отличительный признак ЛК от понятия вытекает из тезиса Ю.С. Степанова о том, что концепты в отличие от понятий не только мыслятся, но и переживаются [Степанов, 2001]. Следует подчеркнуть, что, переживая, отдельный человек фиксирует признаки, свойства ментальных, эмоционально насыщенных, с точки зрения их квалификатора явлений, отличающихся от противоположных им ра-

ционально оцениваемых явлений. Оценка – онтологическое свойство человека, который не может в своей познавательной деятельности не квалифицировать окружающий его мир. Эмоциональный ЛК переживается как более сложное образование, организованное более сложной структурой. В процессе переживания, помимо оценки, как таковой, в сознании «включается» набор определенных когнитивных элементов, оценочные представления о самом феномене, а также многочисленные вторичные признаки, например, образ, ассоциация и такие социо-психо-культурологические характеристики, как: традиции, обычаи, нравы. Именно приобретение оценочного опыта означает собой стадию преобразования понятия, выражающего эмоцию, в эмоциональный концепт.

Обратимся к вопросу соотношения ЛК и смысла, понятия и смысла, который логически вытекает из постулата о принадлежности ЛК и понятия к области сознания. Эта комплексная проблема остается нерешенной в языкознании, ввиду того что статус понятия «смысл», а также его отличие от другой тесно связанной сущности «значение», до сих пор четко не обозначены. Соглашаясь с традиционной точкой зрения, разграничивающей значение и смысл по принципу окказиональности (постоянства), надо полагать, что корневым стержнем «понятия» будет значение, из которого в речевом потоке прорастает некий пучок смыслов, или, в терминах М.М. Бахтина, «лучи смысла» [Бахтин, 1995, с. 117]. Другими словами, на основе ассоциаций по сходству передаваемой информации, реципиент связывает постоянную величину «значение» с переменной «смысл». В этом случае число смыслов может быть больше числа значений, оно может быть неисчислимо. Обсуждая вопрос соотношения смысла и концепта, важно подчеркнуть, что он не исчерпывается родовидовыми отношениями. С точки зрения, к примеру, математической логики, где термином «концепт» обозначается только содержание понятия, концепт равносильен смыслу [Степанов, 2001, с. 44–45]. Нам такая позиция не близка, так как мы придерживаемся понимания ЛК как сложного структурного образования, представляющего собой пучок культурных смыслов, которые можно стратифицировать по степени их актуальности, приближенности или же отдаленности от ценностно акцентуированной точки сознания; подразделить их на ядерные и периферийные. Неравносильность концепта и смысла проявляется, на наш взгляд, еще и в том, что в определенной коммуникативной ситу-

ации субъектом активируется лишь часть смыслового пространства концепта. Одним словом, концепт есть элемент структурирования действительности, совокупность первичных компонентов смысла для говорящего, вкладывающего в смысл личностное переосмысление, прочувствование действительности. Переходя к вопросу о количественных характеристиках ЛК и понятия, следует сделать оговорку, что ввиду сложности и противоречивости исследуемых феноменов, надо говорить о квантитативном сопоставлении ЛК и понятий в двух плоскостях – языке и сознании. «Понятие» принято трактовать как единицу языковой картины мира (далее – ЯКМ), а концепт как элемент концептуальной картины мира (далее – ККМ). Многие ученые (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, А.Т. Хроленко) соотносят ЯКМ с ККМ, где последняя оказывается богаче первой. ККМ не сводится к совокупности понятий, а включает в себя эмоционально-оценочный, мотивационный и другие аспекты сознания и состоит из концептов. ККМ складывается на основе текстовой деятельности социума, в которой запечатлены дескрипции данной модели мира через предметную и познавательную деятельность индивида. Иными словами, ККМ соотносится с энциклопедическими знаниями мира и с фоновыми знаниями, существующими в имплицитной форме. Традиционно считается (Р.И. Павиленис, И.И. Халеева, Lakoff Dj.), что основу ККМ составляют несколько компонентов: 1) языковые знания; 2) внеязыковые знания; 3) общефоновые знания. Нам представляется логичным положение о том, что в своей неразрывной взаимосвязи ЯКМ включена в ККМ, и они соотносятся друг с другом как часть с целым. Из этих рассуждений следует тезис о преобладании в пласте сознания концептов над понятиями. Ввиду своей синкретичности, диффузности и имплицитности (вербальная оболочка активирует и «высвечивает» лишь часть смысловой парадигмы концепта) концепты не поддаются исчислению в рамках лингвокультуры – ни на уровне языка, ни, тем более, на уровне сознания. Если на уровне языка релевантно отождествление понятия с определенным словом, то ЛК к слову «не прикреплен». Имя концепта в лингвокультурологии выбирается самим исследователем для удобства номинации объекта исследования, которым, как правило, служит языковая или речевая единица, актуализирующая центральную точку концепта. Обычно именем концепта становится доминанта синонимического ряда. К одному и тому же концепту можно апеллировать при помощи языковых единиц различ-

ных уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений [Слышкин, 2004, с. 33].

Продемонстрируем вариативность способов языковой апелляции к ЛК ВРЕМЯ. Подразделение языковых единиц на группы осуществляется нами по принципу их отдаленности от базового смысла («Время – одна из форм существования бесконечно развивающейся материи – последовательная смена ее явлений и состояний» [Ожегов, 1989, с. 107]), заложенного в самом имени концепта:

– время (хрущевское время, екатерининское время; время от времени; как жидкость – течет время, тянется; как ценность – тратить время; как человек – время не ждет, торопить время), период, срок, эпоха, сезон, пора (пора отлета птиц, осенняя пора, пора цветения садов, «пора надежд и грусти нежной» (А.С. Пушкин)); момент, мгновение, миг (как эмоционально напряженное время – «Есть только миг в этой жизни бушующей, именно он называется жизнь» (Л. Дербенев)), вечность, тысячелетие, столетие, век, год, година (година искушения), полугодие, месяц, неделя, день, ночь, час (час отрезвления; «Есть час Души, как час Луны» (М. Цветаева); «Есть некий час, в ночи всемирного молчания» (Ф. Тютчев); «Зимний час» (К. Бальмонт); духовные сущности – час раскаяния, час смирения; библейские выражения – пробил час, смертный час, час Истины), минута (минута покаяния, минуты беспамятства), секунда (секунды малодушия), будущее, прошлое, настоящее, число, жизнь (как форма времени: утро жизни – о юности, закат жизни – о старости), ныне, нынче, сейчас, теперь, тогда;

– утро, полдень, вечер, полночь, сумерки, весна, лето, закат, рассвет, заря, сегодня, завтра, послезавтра, завтрак, обед, ужин, пост, пасха, Новый год. Рождество, октябрь, май, девятнадцать лет, числа (два, одиннадцать, шестой, первый, тысяча девятьсот восьмидесятый год, двенадцатое апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года, первое число месяца);

– прошлый, минувший, впредь, в будущем, бывший, тогдашний, нынешний, теперешний, прежний; недавний, далекий, ближайший, в дальнейшем, необратимое, неповторимое;

– до, после, над, под (предлоги); пост, после, до: постперестроечный период, послевоенная Россия, дореволюционное время (префиксы).

Концепт ВРЕМЯ – одновременно и один из самых интересных, и один из самых сложных, поскольку сквозь его призму воспринимает-

ся все сущее в мире. В этом смысле его можно назвать всеобъемлющим, так как список «входов» (термин Г.Г. Слышкина) в концепт ВРЕМЯ можно продолжать бесконечно. Заметим, что к этому концепту можно апеллировать паралингвистическими средствами: жестом постукивания пальцем по запястью левой руки, который в зависимости от ситуации общения будет менять смысл: «Сколько времени?», «Поторапливайся», «Время подходит к концу» и т.д. Нам представляется некорректным говорить о том, что понятий в языке больше, чем концептов, ибо с учетом полиапеллируемости лингвокультурного концепта в различных коммуникативных контекстах одно и то же понятие может стать входом в различные концепты.

К одной из наиболее актуальных и сложных проблем лингвокультурологии можно отнести проблему перевода концептов. Несмотря на то что точка зрения невозможности перевода концептов продолжает бытовать среди ученых, в основном в последнее время высказываются более оптимистичные суждения. Основную трудность межкультурной коммуникации составляет то, что способы апелляции к одному и тому же концепту в различных культурах различны. Задача переводчика – изучить не только культурно специфичные концепты, но и культурно обусловленные способы апелляции к универсальным концептам. По меткому замечанию С.Г. Воркачева, вербализованные и этнокультурно отмеченные мировоззренческие смыслы высокой степени абстрактности, такие как «душа», «тоска», «воля», «удаль» и пр., на другой язык не переводятся, а «транслируются» в иную лингвокультуру, то есть адаптируются к иной «апперцепционной базе». Переводчик воспроизводит лишь «семантическую оболочку» концепта, образованную его дефиниционными признаками, позволяющими отличить этот концепт от смежных видовых образований и не более. Вся же этнокультурная информация – совокупность специфических мировоззренческих представлений языковой личности – за пределы «языкового круга» конкретного этнического языка не выходит [Воркачев, 2003 б]. В последней трети XX века переводоведы заговорили о том, что наука о переводе зашла в тупик и взгляды на перевод несколько односторонние. В этом смысле «теория концепта», оперирующая на стыке лингвистики, литературоведения, культурологии, этнопсихологии и многих других наук, представляется перспективным направлением в развитии науки о переводе. Это может способствовать преодолению ее односторонности и придать

междисциплинарный характер. Знаменательно то, что осознание различий мировидения представителей различных культур, введение многих лингвокультурных понятий в теорию перевода сделали перевод не просто актом межъязыковой, но межкультурной коммуникации, обуславливая разделение понятия и ЛК. Понятие, или поименованный кусочек действительности, – это то, с чем сталкивается переводческая практика каждый день – просто слово, имеющее эквивалент в другом языке. В то время как ЛК представляет собой понятие плюс весь ряд ассоциативно-оценочных значений, которые оно с собой несет и которые во многом непонятны для представителей другой культуры. Дословный перевод в данном случае не произведет необходимого результата на целевую аудиторию, а поиск похожего концепта в собственной культуре не всегда возможен. Наиболее ярким примером перевода ЛК может считаться перевод рекламных роликов, скрытые ссылки на исторические события, произведения литературы и т.д., которые иногда способны перевести только опытные специалисты. Тем не менее отсутствие точного эквивалента делает сам процесс перевода полем для творческой деятельности, в которой нет предела развитию.

Думается, что генезис таких комплексных единиц, как понятие и ЛК будет продолжаться и в проблеме их соотношения и взаимообусловленности осталось еще не мало «белых пятен» для исследователей.

1.5. ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОБЛАСТЯХ

Важным этапом для целей данного исследования является представление основных положений, касающихся особенностей процесса концептуализации в той или иной области лингвокультуры. Прежде всего, кратко остановимся на основополагающих категориях лингвокультурологии – *концептуализация, лингвокультура, лингвокультурная область, концепт*.

Под *концептуализацией* мы понимаем некий процесс структуризации и категоризации знаний в сознании субъекта, процесс формирования концептуальных характеристик относительно феноменов лингвокультуры – концептов и концептуальной картины мира в целом.

Напомним, что под *лингвокультурой* мы понимаем некоторый тип взаимосвязи языка и культуры, комплексное семиотическое обра-

зование, реализующее способы объективации культуры в языке. В зависимости от целей исследования *лингвокультура* может рассматриваться как совокупность текстовых произведений, созданных на национальном языке и моделирующих этнокультуру и самосознание. С другой же стороны, под *лингвокультурой* можно понимать совокупность феноменов и продуктов культуры, объективированных и «читаемых» в языке. Лингвокультурологическому анализу подвергается либо целостная лингвокультура, либо ее фрагмент – отдельная лингвокультурная область внутри некоторого лингвокультурного типа, обладающая смысловой обособленностью.

Лингвокультурная область определяется нами как обособленный в культурном и языковом отношении фрагмент лингвокультуры, демонстрирующий специфические способы актуализации культурных смыслов и их вербальной экспликации [Бутенко, 2008 б, с. 232].

Конечным продуктом концептуализации выступает концепт – единица наивной картины мира. В самом общем понимании концепт – «это условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [Слышкин, 2004, с. 21]. В рамках лингвокультуры *концепт* трактуется нами как совокупность культурных смыслов лексики, опредмечивающей национальное представление о каком-либо феномене действительности.

Будучи культурно чувствительным процессом, концептуализация приобретает наиболее четкие очертания в границах лингвокультурных областей, отличающихся наибольшей плотностью культурных смыслов лексических единиц: в художественной литературе, философии, фразеологии/паремиологии, фольклоре.

Термин «*культурный смысл*» неотъемлем для лингвокультурологии, так как смысл как частный случай мыследеятельности (по Щедровицкому) – это всегда принадлежность сознанию представителя той или иной лингвокультуры. «Культурные смыслы» как и смыслы вообще возникают в интертекстуальном пространстве в результате рефлексии.

Выделение и лингвокультурологическое описание отдельных лингвокультурных областей внутри лингвокультуры относятся к проблемным вопросам, требующим глубокого теоретического осмысления. Лингвокультурные области демонстрируют определенный тип мышления и адекватный ему язык. Основанием для обозначения некоторого образования в качестве отдельной лингвокультурной обла-

сти служит его смысловая и лексическая обособленность. Сферы философии, художественной литературы, мифологии, фольклора, паремий могут быть рассмотрены в качестве обособленных лингвокультурных областей, так как они представляют собой самостоятельное смысловое пространство. Это выявляется при их анализе как со стороны культуры, так и со стороны языка. По нашему мнению, значимость этих областей измеряется объемом культурной информации, закодированной в языковых единицах.

Лингвокультурные области – динамичные образования, расширение их границ детерминируется эволюционным развитием культуры, возрастанием количества культурных текстов, а также изменениями актуальности этих текстов на разных этапах развития общества.

Как нам представляется, перечень основных лингвокультурных областей довольно статичен, что объясняется относительным постоянством разновидностей культурной деятельности. Исчисление лингвокультурных областей затрудняет и то, что очертания некоторых из них весьма размыты, например, внутри фольклора можно рассматривать эпос, сказки, легенды, песни, притчи и т.д. Думается, что исследователь вправе сам задавать объем лингвокультурной области, при этом ее моделирование должно соответствовать поставленным целям и задачам.

Состав значимых лингвокультурных областей в национальных культурах различается, так как каждая национальная культура, как известно, есть совокупность ценностей определенной нации и аксиологических установок, вырабатываемых историей из системы естественных реалий, артефактов и ментефактов (термин Телия).

Представим краткие характеристики основных лингвокультурных областей, являющихся наиболее частотным исследовательским пространством концептуализации понятий.

Содержательная наполненность художественной литературы как отдельной лингвокультурной области складывается из ассоциативных и образных представлений об определенном феномене элитарными носителями лингвокультуры (писателями). Одним из наиболее продуктивных способов концептуализации действительности в художественном тексте является метафоризация, что объясняется безграничностью мира смыслов и ограниченностью прямых номинативных техник. Другим распространенным средством смыслопостроения концептосфер в области художественной литературы является срав-

нение, что обусловлено ассоциативностью языкового мышления. Человек уподобляет одни явления другим, что приводит к непрерывному рождению в языке образных номинаций, наблюдения над которыми обнаруживают этнокультурную специфику. Содержание художественного произведения может раскрывать смысл эндемичного концепта, важной для данной культуры ценности (например, рассказ Чехова «Тоска», имплицитный одноименный ключевой концепт русской лингвокультуры). Художественная литература может включать и те представления, которые не обладают всеобщими аксиологическими параметрами. В таком случае эти ценности потенциальны и могут стать всеобщими или остаться значимыми для определенной группы людей. Аксиологическая характеристика понятий и возникновение дополнительных коннотаций неотъемлемы для художественной литературы. Тексты художественной литературы требуют рефлексивной работы читателя и обладают отличительным свойством – невозможностью абсолютного постижения авторского замысла.

Наиболее явно природа какого-либо явления открывается философскому взгляду. Для философского мышления характерна проблематизация и осмысление сущности концептуализируемого понятия, определение его онтологических характеристик. В рамках философского мировоззрения понятие реализует особое богатство смыслов, среди которых распознаются базовые лингвокультурные смыслы. В философских текстах рефлексия представлена как интерпретация. Движение философской мысли можно проследить через «приращение» смыслов исходного понятия вследствие перевыражения одних концептов через другие. Отталкиваясь от концепта-доминанты, в рамках философии целесообразно выстраивать концептуальные поля, иллюстрирующие смысловые фиксации концептуализации.

Фразеологические единицы (далее – ФЕ), паремии интересны как средство познания национального характера народа, проникновения в систему его ценностей, хранилище разнообразной культурологической информации. Пословично-поговорочные выражения обладают смысловой и структурной законченностью и являются специфическими микротекстами. В паремиях и фразеологизмах содержатся образная и ценностная составляющие, в них заключена совокупность мнений, выработанных народом как лингвокультурной общностью. Паремии и фразеологические сочетания представляют собой отрефлексированные идеи, готовые к употреблению языковые комбина-

ции знаков, фиксирующие наиболее ценные для социума мысли, его мироощущение. Для лингвокультурологического подхода не имеет принципиального значения традиционное для лингвистики разграничение пословиц, поговорок, фразеологизмов, поскольку объектом исследования предстает не семантическое или структурное их различие, а смысловое наполнение, опредмеченные в языке жизненные закономерности, ситуации, описывающие отношения носителей наивного сознания к тому/иному феномену. Паремология/фразеология наиболее эксплицитно выражает национально-специфическое восприятие действительности, ее моральную и этическую оценку, рациональную квалификацию, практическую целесообразность /нецелесообразность какого-либо явления. Фразеологические и паремологические речевые единицы признаются наиболее релевантными для концептуального анализа, так как в них ярко отражена специфика познавательного и эмоционального опыта этноса. ФЕ представляют собой зафиксированные словарями, узнаваемые большим количеством говорящих, стереотипные, но яркие представления или характеристики концептуализируемого понятия, в отличие от метафор, образованных в рамках художественной коммуникации, где выбор образа, положенного в основу номинации, зависит от автора. Значение ФЕ есть результат переосмысления окружающей действительности. Фразеологизация как средство концептуализации внеязыковой действительности передает абстрактное через конкретное.

Фольклор как самостоятельная лингвокультурная область является примером наивного, отчасти первобытного мышления. Под этим общим термином могут быть объединены все формы языкового народного творчества. Концептуализация в данной области осуществляется посредством естественного бессознательного отражения мира в сознании человека. Как уже упоминалось выше, фольклор весьма неоднородная обширная область, в которой выделяются различные жанровые разновидности. Так, в мифах, как основном способе познания первобытного общества, окружающий мир концептуализируется за счет всеобщей персонификации, приписывания природным стихиям человеческих и демиургических характеристик. Миф представляет собой синтетическую форму упорядочения познаваемой информации, так как в нем смыкаются элементы религии, философии, науки и искусства. Претерпевая смысловые трансформации, миф превращается в сказку. Сказки генетически близки мифу и со-

храняют мифологические противопоставления в качестве бинарных оппозиций: отрицательный элемент, олицетворяющий зло и центральный героический персонаж, способный противостоять силам зла и побеждать их. Основные понятия, относительно которых чаще всего происходит концептуализация в сказках, – ДОБРО, ЗЛО, ВОЛШЕБСТВО/ТАЙНА, СЧАСТЬЕ. Сказка как особый жанр фольклора также проявляет свои специфические средства концептуализации. В отличие от мифа и других видов эпоса в сказке фигурирует вторичная/вымышленная реальность. Концептуализация понятий в сказке происходит путем наложения реального и прецедентного миров. Содержание героического эпоса по сравнению с мифом тематически сужается, поскольку эпические произведения повествуют не о начале мира, а о начале народа. Вне зависимости от того, соотносимо ли действие эпоса с историей, или выделено в особую эпоху, ядро эпической концептосферы составляют такие доминанты, как: ПОДВИГ, воинская ЧЕСТЬ, ДРУЖБА/рыцарская ВЕРНОСТЬ, ДОЛГ, СТРАХ.

Итак, данные наблюдения над феноменом лингвокультурных областей показывают, что лингвокультурные области как особые типы взаимосвязи языка и культуры эксплицируют специфические способы концептуализации окружающего мира. Концептуализацию как процесс смыслопостроения концептуальной картины мира в рамках лингвокультуры релевантно анализировать через призму наиболее культуроемких областей, которыми представляются лингвокультурные области художественной литературы, философии, фразеологии / паремиологии, фольклора. Философия и художественная литература относятся к элитарной области лингвокультуры и всегда являют собой индивидуальный тип мышления. Построение концептосферы в художественной литературе осуществляется преимущественно посредством метафоризации, сравнения, авторских ассоциаций и эпитетов. В философии как области чистого мышления концептуализация проявляет себя на уровне интерпретации. Вектор философской мысли может быть выражен с помощью концептуального поля, где движение мысли начинается от онтологизируемого понятия и затем переходит на другие концепты, его перевыражающие. Фразеология / паремиология и фольклор также являются текстами культуры, но, в отличие от предыдущих, рассматриваются народной памятью как руководство к действию, так как материализуют особенности миро-

воззрения этноса как целого. Результатом фразеологизации явлений предстают готовые к применению в коммуникации отрефлексируемые идеи, содержащие устойчивые в лингвокультурном сообществе аксиологические характеристики. В мифах сакрализация и персонификация первоэлементов мира служат своеобразным средством концептуализации. В сказке как особом жанре фольклора, изначально воспринимаемом носителем лингвокультуры как вымысел, происходит концептуализация прецедентного мира. Можно предположить, что фольклор, являясь самой жанрово неоднородной лингвокультурной областью, реализует наиболее разнообразные способы концептуализации действительности и требует дальнейшего лингвокультурного анализа.

1.6. НОЭМАТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КОНЦЕПТА

Мысль о том, что вся информация об окружающем человека мире хранится в сознании в виде огромного количества концептов, легла в основу нового исследовательского направления в лингвистике – лингвоконцептологии. Проблема концепта смыкается с такими ключевыми проблемами лингвистики, как: «языковое сознание», «язык и менталитет», «язык и культура», предлагая новый подход к их решению.

Основная идея, которую мы попытаемся раскрыть в данном разделе, заключается в необходимости и эффективности внедрения исследовательских принципов филологической герменевтики в концептуальные изыскания. Наиболее явно целесообразность этого синтеза прослеживается при моделировании структуры концепта, поскольку научное обсуждение этой проблемы должно в результате привести к единому пониманию архитектоники концепта.

Общепризнанным фактом в лингвоконцептологии является то, что концепт представляет собой многомерное ментальное образование (Ляпин, 1997; Степанов, 1997; Воркачев, 2002; Карасик, 2002), в которое включены несколько качественно отличных компонентов: прежде всего, в его структуре прослеживается понятийная сторона, к которой относятся признаковая и дефиниционная информация. К остальным слоям концепта причисляют все, что делает его фактом культуры: «образ и действие» [Ляпин, 1997, с. 18]; этимология, ассоциации, оценки [Степанов, 1997, с. 41]; «ценностная и образная стороны» [Карасик, 2002 б, с. 129]; образная составляющая, фиксирую-

щая метафоры, поддерживающие его в языковом сознании и значимостная составляющая, определяемая местом, которое занимает имя концепта в языковой системе [Воркачев, 2002, с. 80]. Разнообразие существующих точек зрения на структурную организацию концепта объясняется его внутренней расчлененностью, многомерностью и принадлежностью к «миру идеального» (по Вежбицкой). Единственной неоспоримой составляющей концепта, по мнению вышепротитированных ученых, является его понятийная сторона, то есть та плоскость, которая неразрывно связывает между собой концепт и понятие.

Исходя из того, что, пребывая в разных текстовых средах, концепт открывает для понимания наиболее явно одну определенную грань, необходимо отметить, что туда не всегда попадает понятийный признак, то есть интерпретация смыслового содержания концепта зависит от лингвокультурного окружения.

Между тем существуют разногласия по поводу выделения этимологии в отдельный конституент концепта. Так, Степанов полагает, что концептуальный анализ следует начинать с исследования этимологии (исходной формы концепта, которая делает его фактом культуры), «*этимология* есть предыстория, дописьменная история концепта» [Степанов, 1997]. Существует мнение, согласно которому любые элементы, отсутствующие в сознании носителя лингвокультуры, в структуру концепта включаться не могут: «... выделяемые Ю.С. Степановым слои концепта следует рассматривать как отдельные концепты различного объема, а не как компоненты единого концепта. ... Внутренняя форма концепта («не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю знаковую форму выражения концепта») для большинства носителей культуры является не частью концепта, а одним из детерминирующих его культурных элементов» [Карасик, Слышкин, 2001, с. 76]. Мы относим этимологию к пассивному слою концепта, ни в коей мере не умаляя ее значимости для смыслопостроения концепта, так как без изучения этимологии лексики, реализующей концепт вербально, невозможно будет проследить смысловые трансформации и смещения, происходящие с течением времени, с учетом социокультурных перемен, влияющих на структуру концепта.

Конкретизировать структурное содержание концепта можно в свете проблемы концепт – смысл / значение, которая относится к разряду вечных. Вопросы соотношения смысла и значения, смысла и

концепта, концепта и значения вписываются в сферу интереса филологической герменевтики, основоположником которой является Георгий Исаевич Богин, тверской ученый-лингвист. Школой филологической герменевтики разрабатываются техники усмотрения и построения смыслов как одно из инобытий рефлексии изучается понимание. Применение филологической герменевтики в области лингвокультурологических исследований видится плодотворным, так как культура и язык пересекаются в смысловой плоскости, а смысл является центральной категорией в филологической герменевтике и составляет субстанцию понимания.

Преимущества концептуального анализа с позиций герменевтического подхода обусловлены переходом от традиционно рассматриваемого уровня текстовых значений на уровень смысловых отношений и рассмотрением концептов и концептосфер как систем смыслов с разной формой организации. Действие герменевтико-интерпретационного метода базируется на рефлексии, благодаря которой «осваиваемый образ ситуации получает какие-то признаки уже освоенных ситуаций, и далее изменяется отношение к старому опыту, к образу уже освоенных ситуаций. Эти изменения, вносимые в рефлекслируемый совокупный образ ситуации, дают новый опыт, приводят к новому знанию» [Богин, 1986]. В данной работе рефлексия дефинируется по Богину, как процесс освоения ситуации посредством ее соотнесения с опытом предшествующей деятельности субъекта [Богин, 1986].

Другое преимущество сочетания концептуального анализа и герменевтико-интерпретационного метода состоит в гармоничной комбинации рациональной и интуитивной формы мышления. Как указывает в своих работах Г.П. Щедровицкий, только взаимодействие рациональной и интуитивной формы мышления способно образовать герменевтический круг мышления; они рассматриваются российским методологом как равноправные компоненты в структуре мыследеятельности [Щедровицкий, 1995].

В лингвоконцептологии предпринимается попытка проследить путь от слова к системе знаний, оценок, представлений, чувств и т.д. как достояний сознания человека. Логично, что если в конкретных текстовых условиях слова способны «оживать», то есть приобретать смыслы (в отличие от значений, фиксируемых в лексикографических источниках), то необходима методика выявления/построения этих смыслов, то есть их распрямления в ходе рефлексивных актов.

Поэтический анализ с опорой на системно-мыследеятельностную методологию (СМД) может доказать свою объяснительную силу при исследовании процессов понимания и смыслов как остановленного понимания. В связи с этим принципиальным видится уточнение понимания соотношения концепта и смысла.

В лексикографических изданиях смысл фигурирует в основном как экстралингвистическая сущность, как нечто, связанное с деятельностью сознания, например, «идеальное содержание, идея, сущность...» [СЭС, 1980]. Смысл как междисциплинарный феномен применим к любой области бытия, требующей понимания и осмысления, то есть к любой области, в которой задействовано мышление. В антропологической лингвистике, к которой принадлежит и лингвоконцептология, во главу угла ставится индивид или языковое сообщество, объединенное одной лингвокультурой и осваивающее окружающий мир посредством смыслового выбора.

Проблема составляющих смысла многократно привлекала внимание философов (Э. Витгенштейн, Г. Фреге, Г. Гуссерль и др.). Интерес представляет для нас работа современного философа С.А. Васильева, который высказывается в пользу внешнего характера смысла по отношению к тексту, а именно: указывает на то, что смыслопостроение относительно вербального текста происходит с помощью невербальных средств, индивидуального и коллективного опыта, эмоционально-оценочных компонентов сознания [Васильев, 1988].

Можно сравнить это наблюдение с выводами Г.П. Щедровицкого, который считал, что смыслы не принадлежат значению слова, они формируются в пространстве культуры и представляют собой «... общую соотнесенность и связь всех относящихся к ситуации явлений» [Щедровицкий, 1995].

С.А. Васильев выделяет «смысл-ценность» и «смысл-сообщение». «Смысл-ценность» трактуется как предметная объективация человеческого опыта в виде знания о данном предмете. Это и есть составляющая смысла, имеющая общечеловеческую ценность. Под «смыслом-сообщением» понимается то, что хотел сказать автор; это есть производное от процесса понимания, в котором он и возникает как некоторая субстанция [Васильев, 1988].

Содержание понятий «смысл» и «значение» задается по-разному в различных отраслях лингвистики, но в любой интерпретации их отождествление неприемлемо, что в большой степени относится и к лингвоконцептологии.

Для филологической герменевтики, как и для герменевтики вообще, основной задачей является поиск смыслов. Г.П. Щедровицкий, разрабатывающий проблемы смысла и значения в рамках системомыследеятельностной методологии (СМД) полагал, что независимо от рамок выбранной концепции всякое языковедческое изучение семантики, в конце концов, приводит к «метафизическим» вопросам: что такое смысл вообще и что такое значение вообще [Щедровицкий, 1995]. Противопоставление значения и смысла зачастую отсылает к противопоставлению языка и речи, которое предполагает, что значение характеризует сугубо номинативные единицы, а смысл характеризует коммуникативные единицы. Но, по мнению автора труда «Понятие смысла в современной лингвистике», абсолютное разделение этих двух категорий неправомерно: «Значение и смысл формируются и функционируют только в единстве, будучи взаимосвязаны не только генетически, но и функционально» [Сулейменова, 1989, с. 144].

Г.П. Щедровицкий в работе «Смысл и значение» рассматривает значение как отношение, возникающее, прежде всего в человеческой мыследеятельности. Смысл же определяется как та конфигурация связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создается или восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения [Щедровицкий, 1995]. Г.И. Богин также четко разграничил понятия «смысл» и «значение». Значение, по Богину, экстенционально (обращено на денотат), смысл – интенционален, модален. Значение существует в языке, смысл – в дискурсе. Пользование смыслом не требует знания значения, сами значения выводятся из смыслов. «Смысл тяготеет к динамизму, значение – к стабильности, и оба эти признака создают необходимый баланс в понимании как субстанции. Значение близко к содержанию, смысл – к ситуации с ее личностным компонентом. Смысл выводится из ситуации; если эта ситуация вербальная, смысл выводится из вербального контекста. Охват сущности требует рефлексии, организованность которой есть смыслопостроение. Другими словами, необходимость смысла возникает там, где существует необходимость понимания, предполагающего осмысление» [Богин, 1999].

Значение – это конвенциональная данность, которую можно установить и запомнить, в то время как смысл является чем-то изменчивым, нерегламентированным, поэтому его приходится искать, улавливать, разгадывать, подбирать ключи к раскрытию и т.п. Следо-

вательно, смысл характеризуется непредсказуемостью, так как в его построении участвует индивидуальное мышление субъекта.

Единицей смысла в филологической герменевтике является ноэма. Г.И. Богин определяет ноэму «как самую малую единицу с функцией установления связи и отношений между элементами коммуникативной и деятельностной ситуации, которая необходима для смыслообразования» [Богин, 1986]. В этом смысле можно провести параллель между ноэмой и семой, выполняющей ту же функцию при определении выводимых из их совокупности значений, а не смыслов, что неотъемлемо для составления словарей и грамматик.

Отстаивая первичность смысла по отношению к значению, Г.И. Богин подчеркивает, что «именно значение – это тот конструкт, благодаря которому... смыслы оказываются привязанными к смыслам... других людей» [Богин, 1995].

В рамках филологической герменевтики подчеркивается, что смыслообразование как процесс может иметь место только при наличии рефлексии. Г.И. Богин определяет рефлекссию как связку между наличным опытом и осваиваемым гносеологическим образом; при этом образ окрашивается опытом, а отношение к опыту меняется, что и приводит к тому, что рефлексия превращается в еще один, наряду с чувственностью, источник опыта. Рефлексия – универсальный признак человеческого мышледействования, она объективируется, превращаясь в другие организации (понимание, проблематизация, знание, отношение, оценка, человеческое чувство и многое другое) [Богин, 1995].

Значение – надситуативная величина. Число значений ограничено. Количество смыслов, как мы полагаем, бесконечно. Возможность порождения в речи бесконечного количества новых смыслов объясняется ситуативной обусловленностью смыслов, участием неязыковых знаний в формировании смысла, а также тем фактом, что сумма значений языковых единиц не приводит к постижению их смысла.

Не претендуя на исчерпывающий характер проведенного обзора проблемы смысла, можно констатировать, что в лингвистике выделяют следующие наиболее важные характеристики смысла: *инвариантность*, выражающуюся в возможности внутриязыковых и межязыковых преобразований, различных трансформаций; *субъективность* и *ситуативность* смысла, его *неполную эксплицируемость* в тексте, *недоступность* полному восприятию и *прямому наблюдению*;

принадлежность смысла к *общечеловеческой картине мира*. Как видим, вышеперечисленные характеристики смысла во многом оппозиционны и подтверждают недостаточную уясненность субстанций смысла учеными. Вместе с тем, на наш взгляд, исключение категории смысла из лингвистического лексикона не представляется возможным, в силу того что смысл относится к сфере мышления и на уровне порождения речи именно по смысловому критерию происходит отбор и распределение языковых единиц, формирующих текст.

В связке «смысл – значение» концепт, безусловно, тяготеет к смыслу по ряду причин. Во-первых, их корреляция обусловлена свойством «переживаемости», которое характерно как для смысла, так и для концепта. По Богину, среди инобытий смысла (смысл – экзистенциал, смысл – оценка ситуации, смысл – отнесенность и т.д.) важное место принадлежит смыслу как значащему переживанию [Богин, 1999]. Зачастую смыслы оказываются перевыражением собственно человеческих чувств. Переживание смысла и переживание человеком чувства как такового, выступающие, как правило, не отдельно, составляют повседневную жизнь участников мыследеятельности. В основном процесс смыслообразования не осознается участниками коммуникации, именно поэтому моделирующие поведение смыслы, в том числе данные в виде значащих переживаний, воспринимаются индивидами как их собственные чувства и мысли. На «переживаемость» концепта указывает Ю.С. Степанов, который отмечает, что «в отличие от понятий в собственном смысле термина, концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов, 1997, с. 43].

В этом плане для лингвоконцептологии релевантна трактовка смысла как «отношения говорящего к объектам или положению дел в реальном мире» [Труфанова, 2001]. Еще в начале XIX века В. фон Гумбольдт отметил, что язык как деятельность человека пронизан чувствами [Гумбольдт, 1984]. Концепт, несомненно, характеризуется эмотивностью – способностью актуализировать отношение реципиента концепта к феномену, представляемому концептом. Эмотивное отношение к окружающему миру, объективированному в концептосфере, обусловлено психологической сущностью языковой личности.

Во-вторых, обладая относительно постоянным информационным ядром, концепт меняет свое содержание, в зависимости от области лингвокультуры, в которой он пребывает, т.е. в зависимости от конк-

ретной текстовой ситуации. Информационное пространство концепта, как и смысла вообще, моделируется субъектами коммуникации в ходе интерпретации – неотъемлемой составляющей рефлексивного акта.

Концепт можно представить в виде совокупности культурных смыслов лексики (ноэм), опредмечивающих национальное представление о каком-либо феномене действительности. Ноэматическая природа концепта определяет его структуру, которую составляют ноэмы различного уровня рефлексии. Пользуясь известной «трехслойкой» Г.П. Щедровицкого, мы учитываем построение смыслов в зависимости от пояса мыследеятельности. Эта схема включает пояс МД (мыследействия), на котором реализуются словарные значения, а выражаемые ими понятия эмоционально «переживаются»; пояс М-К (мысли-коммуникации), где слово приобретает дополнительные коннотации, аксиологические характеристики; пояс М (чистого мышления), выражающий идеи и базовые культурные смыслы, где явления обсуждаются в модусе «что есть X по сути?».

Семантика концепта складывается, таким образом, из частных ноэматических характеристик концепта, актуализируемых в лингвокультуре. Отнесенность той или иной ноэмы к определенному структурному уровню концепта (ядру, приядерной зоне, периферии) определяется частотой воспроизводимости смыслового компонента концепта в лингвокультуре и принадлежностью к поясу рефлексии (МД, М-К, М), то есть глубиной и объемом ноэмы. Значение предстает стержневым элементом, из которого в речи ответвляется пучок смыслов. Будучи квинтэссенцией смыслов, концепт отличается динамичностью, то есть представляет собой сложное изменчивое образование. Степень динамичности, подвижности концепта и скорость обрастания новыми смыслами детерминируется его значимостью в национальной лингвокультуре.

Под ноэматической структурой концепта мы подразумеваем сумму культурных смыслов лексики, оязыковляющей концепт, организованных в соответствии с уровнем рефлексии, приведшим к их появлению. Ноэматическая структура концепта может быть смоделирована в общем виде, так как концепт обладает смыслами, едиными для ментального мира всего языкового сообщества и адекватно воспринимаемыми любым индивидом. Надо полагать, что ноэматическое содержание концепта может быть первичным и окказиональным.

Первичное ноэматическое наполнение концепта составляют надязыковые ноэматические характеристики, реализуемые всей системой средств вербальной апелляции к концепту, являющиеся его смысловыми доминантами, и служат опорами при восприятии концепта носителями лингвокультуры в конкретной текстовой среде. Под окказиональным ноэматическим содержанием концепта мы понимаем содержание, актуализируемое в определенной коммуникативной ситуации, слагаемое из конкретных языковых средств, эмоционального опыта, индивидуальных знаний и ощущений реципиента. Окказиональная ноэматика концепта складывается из личностного переосмысления, прочувствования фрагмента действительности, накладываемого на пласт первичных ноэм, характерных для этого концепта.

В структуре концепта ноэмы составляют следующую системную иерархию: ноэмы – культурные основы, указывающие на базовые культурные смыслы концепта и, как правило, возникающие в поясе «чистого мышления»; ноэмы-доминанты, воспроизводящие стереотипные и константные культурные смыслы, характеризующие самобытность смыслообразования и специфику менталитета этноса; периферийные ноэмы – устойчивые тематические направления развертывания ноэм-доминант. Список периферийных ноэм – наиболее объемный и остается открытым в отношении любого концепта, так как ассоциативность мышления приводит к непрерывному рождению в языке образных номинаций.

Существует взаимосвязь и взаимообусловленность между первичными и окказиональными ноэматическими характеристиками концепта: окказиональные ноэмы, с одной стороны, выполняют роль выразителя, строительного материала для первичной ноэматики, с другой стороны, находятся в отношениях подчинения с первичными культурными смыслами, которые, безусловно, обеспечивают каркас для личностного смыслопостроения и могут расходиться незначительно по содержанию с первичной ноэматикой концепта.

Подведем некоторые итоги. Для исследования концептов как средств конструирования смысловых отношений в лингвокультуре целесообразно использовать герменевтический подход, базирующийся на теории системомыследеятельности Г.П. Щедровицкого и учении о понимании и рефлексии Г.И. Богина, так как рефлексия является основой смыслообразования.

«Концепт» как базовая категория не должен синонимизироваться с «понятием». Основу содержания понятия образует значение, в то время как концепт формируют нозмы – минимальные частицы смысла, порожденные в разных поясах рефлексии. В нозматическое пространство концепта следует включать первичные и окказиональные нозматические характеристики. Первичная нозматика концепта имеет трехъярусную структуру, в которую входят нозмы-культурные основы, нозмы-доминанты и периферийные нозмы. Первичные нозматические компоненты концепта фигурируют как устойчивые, повторяющиеся компоненты, постоянно воспроизводимые в лингвокультуре. Выявление актуального смысла концепта, его окказиональной нозматики осуществляется с помощью интерпретации, если под последней понимать «работу мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» [Рикер, 1995].

Ядро концепта составляют нозмы-культурные основы, максимально акцентуирующие этноспецифику объективируемого феномена. В приядерную зону концепта входят нозмы-доминанты с высокой частотностью воспроизводимости в лингвокультуре, также реализующие стереотипные представления этноса. Периферийная нозматика концепта складывается из окказиональных смысловых компонентов, развертывающих нозмы-доминанты. Периферийные нозмы, как правило, реализуются в текстах меньшей степени прецедентности и по своим образным и оценочным составляющим могут не совпадать с нозмами-доминантами. Ядро и приядерная зона концепта характеризуются относительно постоянным составом культурных смыслов, хотя нозматические трансформации и смещения неизбежны в структуре концепта с течением времени.

Лингвистическое учение и герменевтическая деятельность тесно взаимосвязаны и существенно дополняют друг друга как теоретическая основа и ее прикладное применение.

1.7. ЦЕННОСТНАЯ КАРТИНА МИРА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Изучение особенностей менталитетов этносов на настоящем этапе является проблемой, захватывающей умы не только философов, культурологов, психологов, а также и лингвистов. С понятием «мен-

талитет» тесно связан термин «картина мира». Это соотношение можно проследить с помощью категории «сознание». Считается, что менталитет не рефлексивируется сознанием, в то время как картина мира представляет собой осознанное представление о мире и является «входом» в менталитет этноса. В отличие от менталитета «картина мира» представляет собой совокупность мировоззренческих знаний об окружающем мире. Исследователи выделяют различные грани картины мира: наивную и научную, метафизическую, духовно-культурную, ценностную, фольклорную, этническую, философскую и т.д. Обсудим ценностную картину мира, через призму которой можно определить доминанты национальной лингвокультуры. Повторим, что под лингвокультурой мы понимаем комплексное семиотическое образование, реализующее способы актуализации культуры в языке.

Миропорядок, зафиксированный в коллективном сознании этноса, не может существовать без системы оценок фрагментов действительности, без оязыковленных ценностных ориентиров. Объективный окружающий мир становится миром, отраженным путем оценивания всего сущего через призму эмоций и ценностей. Значение ценностного отношения к жизни на современном этапе развития общества заметно возросло. Оно присуще всем членам социума и выполняет структурирующую функцию: формирует их мировосприятие, отвечает за организацию деятельности и практических знаний.

Понятие «ценность» ввел в терминологический философский аппарат во второй половине XIX века в рамках этики немецкий философ Герман Лотце (1817–1881). Аксиология как самостоятельная наука, изучающая ценности, зародилась в начале XX века трудами французского философа П. Лапи (в 1902 г. ввел термин «аксиология») и его немецкого коллеги Э. фон Гартмана (в 1904 г. использовал термин «аксиология» уже в качестве обозначения одного из разделов философии) и опиралась на философско-этическую концепцию И. Канта. К выдающимся отечественным аксиологам можно отнести таких русских философов, как: Н.Ф. Федоров (Этика «общего дела»), В. Соловьев (добро как форма всеединства в работе «Оправдание добра»), Н. Лосский (теория ценности в работе «Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей»).

Хотя ценности не реальные образования, по мнению немецкого философа Н. Гартмана (1882–1950), им присуще содержание («материя»). Когда они реализуются в отношениях между людьми или в

процессах и вещах реального мира, то именно благодаря им нечто реальное становится ценным. Гартман полагает, что реальное зависит от ценностей только в своей ценности или неценности, но совершенно независимо от них в своем характере бытия [Гартман, 2004].

Ценности определяют отношения человека с природой, обществом и собственным внутренним миром и поэтому имеют огромную важность для любой культуры. Американские антропологи К. Клайд и Ф. Стродбек, учитывая это свойство, дефинировали ценности как «сложные, определенным образом сгруппированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общих человеческих проблем» [Kluckhohn, Strodtbeck, 1961, p. 157]. Немецкий философ М. Шелер дефинирует ценности как объективные качественные феномены, независимые от сознания субъектов и от предметов, в которых они являются [Шелер, 1994]. Психолог В. Франкл определяет ценности как смысловые универсалии, образовавшиеся в результате обобщения типичных ситуаций, с которыми обществу или человечеству пришлось сталкиваться в истории [Франкл, 1990]. Американский ученый М. Рокич понимает под ценностями положительные или отрицательные «абстрактные идеи», не связанные с определенным объектом или ситуацией, выражающей человеческие убеждения о типах поведения и предпочтительных целях [Rokeach, 1973, p. 5]. Американский философ Р.Б. Перри определил ценность как объект отношения человека [Perry, 1926].

Как видим, вышеизложенные трактования категории ценности строятся на акцентировании таких ее характеристик, как: структурирующая направленность, неосознанность, универсальность, типичность, абстрактность.

Аксиологическая лингвистика, или лингвоаксиология, исследующая вербальную экспликацию ценностей и антиценностей в различных культурах, в данный момент находится на стадии своего становления (Л.К. Байрамова, 1999; Г.Г. Слышкин, 2001; В.И. Карасик, 2004; «Славянский аксиологический словарь» Е. Березович, Н. Зубов, А. Юдин и др., 2000–2001) и тесно связана с лингвокультурологией, объект внимания которой – соотношение и взаимодействие языка и культуры. В основу новой отрасли знания легло представление о том, что ценности являются центральной категорией культуры. Известно, что суть категориального аппарата лингвокультурологии и лингвоак-

сиологии составляют понятия «языковая личность» и «лингвокультурный концепт» [Карасик, 2001].

В лингвоаксиологическом понимании концепта его центральным элементом является ценность [Карасик, Слышкин, 2001; Красавский, 2001]. Ценностная сторона концепта аккумулирует ценностные доминанты, присущие данной культуре [Карасик, 2002 а]. Совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира (далее – ЦКМ).

ЦКМ как новая исследовательская категория призвана способствовать изучению ценностей, но в настоящее время она не имеет однозначного трактования. Учитывая научную значимость данной категории для нашего исследования, попытаемся систематизировать некоторые знания о ЦКМ в лингвоаксиологии: обсудить ее основополагающие свойства, процедуру моделирования ее смыслового пространства и выделения ценностного компонента в концепте, а также определить место ЦКМ в системе картирования мира в сознании языковой личности.

К *свойствам ЦКМ* мы относим следующие:

1) *Оценочность*. Ценности формируются в культуре благодаря отношению к какому-либо явлению действительности, то есть благодаря оценке – онтологическому свойству человека. Оценка определяется как «объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно» [Кунин, 1986, с. 155]. Оценка представляет собой процесс установления ценностного отношения человека к чему-либо, нечто, структурирующее ценности. Актуализация оценочности в языке носит прагматический характер: оценка является важнейшим компонентом прагматического значения и выполняет коммуникативную цель одобрения/похвалы или осуждения/неодобрения, осуществляемую путем соотнесения предметов, явлений, информации с культурной аксиологической шкалой.

Оценка языковой личности как типизированное оценочное отношение к объективной реальности «оязыковляется», т.е. обрабатывается и опосредуется языком и семантизируется в определенных языковых единицах. Воплощение в языковых структурах оценочного членения мира возможно на основе социально обусловленной ЦКМ. По мнению Е.М. Вольф, оценка, как семантическое понятие, подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который мо-

жет интерпретироваться как А – субъект оценки – считает, что Б – объект оценки – хороший или плохой [Вольф, 1985, с. 5]. В лингвистической науке оценка рассматривается как общественно закрепленные отношения носителей языка к внеязыковой реальности и фактам речи (С.С. Хидекель, Г.Г. Кошель, Е.А. Лукьянова, Е.Н. Калкина).

Представляется необходимым разграничить категории «оценка», «оценочность», «ценность». Оценка является умственным процессом, детерминированным мировоззрением народа, его историей, системой существующих в данном языковом коллективе критериев оценки, ее результат – мнение о предмете, которое выражает характеристику последнего через его соотношение с ЦКМ. Оценка выполняет когнитивную и прагматическую функцию и выступает неотъемлемой частью процесса отражения внешнего мира.

Оценочность – это свойство языковых единиц выражать ценностную значимость, языковая реализация логической категории оценки; ценность – предмет, явление, представление о чем-либо в лингвокультурной общности, положительно квалифицируемые и выполняющие культурно-идентификационную функцию.

2) *Влияние на культуру и регулятивность.* Ценностные установки служат социальными или духовными ориентирами в жизни социума и обнаруживают прямые или косвенные связи со всеми областями культуры. Ценности выступают как сила, определяющая особенности сознания, мировоззрения и поведения любого субъекта: отдельного человека, нации, этноса, государства. Основа и фундамент культуры заключены в систему ценностей, они в ней глубоко укоренены и исполняют роль ее важнейшего регулятора как на уровне культуры в целом, так и на уровне личности – представителя этой культуры.

Ценности ориентированы на эмоциональные, эстетические, этические стороны внутреннего, ментального мира человека и в то же время обуславливаются внешними факторами: социокультурными, историческими, географическими. Можно сделать вывод, что ЦКМ имеет диалектически-противоречивый характер своей интенциональности: с одной стороны, акт оценки определяет сами ценности, а с другой стороны, превращаясь в аксиологические установки культуры, последние формируют мировоззрение носителей лингвокультуры, из чего можно заключить, что вектор оценки уже изначально «заложен» в лингвокультурном типе, так как оценка зиждется на установленных

в обществе и верифицированных временем эталонах, нормах и представлениях о социальных, интеллектуальных и моральных явлениях, о добре и зле, вреде и благе, прекрасном и безобразном.

3) *Уникальность, этноспецифичность.* Данные характеристики тесно связаны и обусловлены историчностью ЦКМ. Система ценностей всех национальных лингвокультур уникальна по своему составу. Уникальность – важное свойство ЦКМ, так как различие содержания ЦКМ разных лингвокультур обусловлено различием механизмов мышления. ЦКМ можно считать ядром, образующим суть этнической картины мира. Неповторимость любой лингвокультуры подтверждается языковой картиной мира, которая неравномерно в разных культурах лексикализует фрагменты окружающего мира. Ценности, распространенные повсеместно и значительно сходные по содержанию, усваиваются всеми культурами как их необходимая часть, но получают специфическое лингвокультурное выражение, которое может следовать из ассоциативно-образных представлений, стереотипов, символов данной культуры и т.д. Каждая культура имеет свое ценностное уникальное ядро, воплощающее ее специфику, ее статус в мире, а также накопленный исторический опыт. Национальная специфичность ЦКМ служит ментальным барьером, отличающим носителей лингвокультур друг от друга.

4) *Структурность и иерархичность* – системообразующие свойства ЦКМ, потому что все ее элементы образуют четкую структуру, как в представлениях отдельного индивида, так и в картине мира всего лингвокультурного сообщества. Как любая «картина мира», ЦКМ носит «лоскутный характер»: состоит из картин мира отдельных индивидов и групп. Но всем им присущи общие ценностные концепты, на которые и опирается ЦКМ всей лингвокультуры.

«В рамках культурной антропологии обычно выделяют четыре основные сферы культурных ценностей: быт, идеологию (как совокупность не рефлектируемых сознанием представлений и знаний), религию и художественную культуру. Из указанных четырех сфер исторически первичной и сохранившей свою значимость на современном этапе является сфера быта. Обычно о бытовой сфере говорят как об основополагающей, поскольку она изменяется медленнее других сфер и является в значительной мере их основой. Именно бытовая сфера обычно содержит в себе «вечные» ценности, наиболее ярко характеризующие тот или иной культурный тип. Тем не менее для

определения «лица» культуры необходимо учитывать все ее составляющие в равной степени» [Евсюкова, 2001, с. 46].

Иерархическую систему ЦКМ, как правило, разделяют на такие группы культурных ценностей, как: артефакты и ментефакты, где под первыми понимается совокупность произведений живописи, архитектуры, науки, религиозных и художественных текстов, археологических находок и т.п.; а под последними – способы мышления, понимания, интерпретации, нравственные идеи, нормы морали, нравы, обычаи, традиции, стереотипы, образцы поведения и коммуникации.

Мир знает такие общечеловеческие нравственные ценности, как справедливость, добро, милосердие и т.д., в основе которых лежит человеческий опыт, свойственный всем социальным коллективам. В срезе общезначимых ценностей можно выделить два класса: кардинальные ценности, означающие первичные условия выполнения каких-либо ценностей (человеческая жизнь, здоровье, достоинство, свобода), и субкардинальные, означающие условия, необходимые для выполнения этих первичных условий [Розов, 1998, с. 121–122]. Установки, выражающие основные убеждения, принципы и жизненные цели, называют также базовыми («терминальными» – [Джидарьян, 2001, с. 132]) ценностями и «экзистенциальными благами» [Брудный, 1998, с. 75].

Различие ЦКМ лингвокультур и степени важности того или иного феномена подразумевает различие и в иерархии ценностей. Ценности, общие для различных лингвокультурных типов, могут относиться к разным поясам ЦКМ. В рамках лингвокультурологического подхода представляется принципиальным разграничение ценностей по степени выражения этнокультурной уникальности на *ядерные* – ценностные приоритеты в системе этноценностей, обладающие культурно-идентификационной функцией, *базовые* ценности, которые обусловлены ядерными и являются их смысловым продолжением, и *периферийные*, смыслопостроение которых происходит благодаря «развертыванию» содержания базовых ценностей, их список наиболее объемный. Смысловое пространство ЦКМ является единым, поэтому ценности разных уровней ЦКМ являются взаимосвязанными и взаимообусловленными.

Сам факт иерархии рассматривается М. Шелером как непреложная, несомненная и очевидная закономерность, априорно заложенная в самой сущности «царства ценностей» [Шелер, 1994]. Своеобразие

этого «царства» он видит именно в иерархии, в соответствии с которой все ценности образуют особую, ступенчатую систему и выступают в строго определенной градации по отношению друг к другу. Иерархия ценностей – абсолютно неизменна, тогда как правила предпочтения исторически изменяются. Н. Гартман также утверждает, что ценности могут только исчезнуть или появиться в поле зрения человека, но не изменяться [Гартман, 2004]. Р.Б. Перри, американский философ, определяет ценность как объект интереса, как понятие, которое выражает отношение какой-либо вещи к интересу. В зависимости от характера интереса и качества ориентирующего знания Р.Б. Перри различает ценности как истинные и ложные, развитые и неразвитые, сложные и простые, позитивные и негативные, скрытые и активные [Perry, 1926]. В. Франкл выделяет три группы ценностей: ценности творчества, переживания (любви) и отношения [Франкл, 1990]. Определяются также различные уровни ценностей: индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, этнические и общечеловеческие.

В основе ЦКМ выделяют инвариантную / общечеловеческую и вариативную / этноспецифическую части, ценностные универсалии, присущие каждой лингвокультуре, лежат в ее инвариантной части; вариативная часть сводится к различной номинативной плотности объектов, различной оценочной квалификации объектов, различной комбинаторике ценностей.

ЦКМ в рамках одной языковой культуры представляет собой неоднородное образование, поскольку у различных социальных групп могут быть различные ценности.

Из данного обзора становится очевидным, что лингвоаксиологи предлагают множество разных критериев для классификации элементов ЦКМ. Также в ряду актуальных задач представляется выработка принципов типологизации ЦКМ различных лингвокультур.

5) *Высокая степень эмотивности.* ЦКМ сопряжена с эмоциональной картиной мира (далее – ЭКМ), так как ценностные концепты всегда являются результатом эмоционального переживания, чувственного осмысления индивида. Тесно связана с национально-культурными ценностями и эмоционально-оценочная лексика. Переживаемость ценностей согласуется с прагматической информацией языкового знака, заложенной в концепте. Ю.С. Степанов называл «переживаемость» проявлением релевантности содержания культур-

ного концепта [Степанов, 1997, с. 41], а С.Г. Воркачев отмечал, что при попадании в фокус сознания такие концепты способны интенсифицировать духовную жизнь человека [Воркачев, 2003 а, с. 11].

Вербализованные эмоции (имена концептов эмоций) функционируют в лингвокультуре как знаковые ментальные образования и содержат в себе оценочную категоризацию окружающего мира. Ценностные концепты, смыслопостроение которых осуществляется за счет наложения на эмоциональные концепты, приобретают личностно-субъективный характер, но в масштабе всей ЦКМ эта субъективность стремится к общепринятым характеристикам в лингвокультуре. Будем считать, что каркасом ЯКМ и концептуальной картины мира является рациональное начало в человеке, а основой ЦКМ – эмоциональное начало, если под эмоцией понимать, по В.И. Шаховскому, специфическую форму человеческого отношения к действительности и его языковое (и праязыковое) выражение (интерпретацию) [Шаховский, 1996, с. 84]. Эмоциональное картирование мира предстает как оценочная деятельность человеческого сознания при ментальном освоении мира и формируется в результате оценочной деятельности человеческого сознания. Оценочный и эмоциональный акты взаимодействуют в сознании личности, поэтому ценностный концепт эмоционально переживается, а эмоциональный концепт отличается от культурного концепта дополнительными ценностными и оценочными характеристиками.

б) *Высокий уровень вербализации.* Эффективным средством выявления ценностных приоритетов лингвокультурного сообщества, их специфики и иерархии выступают вербальные тексты как продукты культуры. В лингвокультурологии оязыковленные культурные смыслы изучаются при помощи исследовательских единиц, сконструированных учеными специально для этой цели – концептов. Лингвокультурные концепты – это один из способов реализации ценностей этносов. Аксиологическая ценность концепта, отраженная в его содержании, может измеряться наличием в языке разноуровневых средств его реализации, что напрямую связано с важностью этого концепта в глазах лингвокультурного социума. Вербально-оформленные концепты образуют ядро ценностной системы и помогают понять разнообразные факторы и процессы, положенные в основу категоризации мира различными этносами. Ценности лингвокультуры (ее ключевые концепты) сосредоточены, как правило, в наиболее номинативно

нагруженных участках ЯКМ. Частотность и коррелируемость лексики, объективирующей важнейшие ценности культуры, являются важным доказательством их особого значения для данного этноса. Для уточнения смыслового пространства элементов ЦКМ необходимым условием является лингвокультурологический анализ всех вербальных средств реализации ценностей: синонимического, ассоциативного ряда, идиоматических выражений, переносных значений и других форм языковой фиксации.

7) *Историчность и преемственность* – условия формирования ЦКМ и ее неотъемлемые характеристики, благодаря которым возможно выделение ЦКМ как отдельного образования, функционирующего в культуре на протяжении определенного периода.

Как известно, система ценностей развивается эволюционно. Путь исторического развития государства или народа, географические и климатические условия жизни этноса играют важную роль в формировании ЦКМ той или иной лингвокультуры. Совокупность этих факторов обеспечивает целостность и составляет ядро данной культуры, ее неповторимость и своеобразие. Историчность ЦКМ предполагает диахронический срез исследований для выявления изменений в ее структуре.

Лингвокультурологическая концепция языка сообщает особую важность идеям «культурной трансляции» и «коллективной культурной воспроизводимости» (культурные знания, установки воспроизводятся субъектом речи/языка, иногда помимо его воли) [Брагина, 1999, с. 132]. Ценностные установки культуры, обретая ту или иную знаковую форму, образуют (если воспользоваться метафорой Э. Кассирера) «символическую вселенную, в которой человек и осуществляет свою жизнедеятельность». Благодаря означиванию эти установки воспроизводятся и транслируются из поколения в поколение, создавая предпосылки для традиционной их преемственности в самосознании социума. Текст является одним из самых надежных семиотических инструментов транслируемости ценностных эталонов.

8) *Динамичность*. Оценка, а следовательно, и ЦКМ являются динамичными категориями. Элементы ЦКМ – ценностные концепты с течением времени переосмысливаются через призму эмоциональной и концептуальной картин мира. Динамичность ЦКМ проявляется как в диахроническом ее движении, так и в синхронно действующих в ней процессах. Перечень ценностей культуры подвержен как количе-

ственным, так и качественным изменениям. На изменение ЦКМ единичного носителя языка влияет его личное эмоциональное состояние, поэтому ЦКМ отдельно взятого представителя лингвокультуры динамичнее ЦКМ этноса, в которой сопряжены общие национально-культурные установки.

Причины изменения в структуре ЦКМ можно усмотреть во множестве факторов. Динамичность ЦКМ придает личностный или групповой смысловой выбор, отдающий предпочтение нетрадиционным ценностным установкам и, таким образом, расшатывающий воспроизводимость классических ценностей культуры. Изменение ЦКМ обуславливается концептуальными смещениями (сдвигами) в этнической картине мира, которые происходят под влиянием социокультурных поворотов в жизни общества. Например, глобализация как продукт интегративных процессов в социуме задала модус смыслопорождения в ЦКМ многих стран мира. Глобализация привела к возникновению новых общечеловеческих ценностей, однако в каждой отдельной этнической среде они приобретают национальные культурные коннотации. Изменения в содержании ЦКМ могут происходить и благодаря внутренним перемещениям ее элементов. Проникая в другую лингвокультурную область, ценностные установки могут подвергаться модификациям. Динамичность ЦКМ представляется неизбежным свойством, так как сознанию этноса характерно постоянное рефлексирование элементов ККМ.

Так, ЦКМ находится под влиянием множества факторов: культурных, исторических, социальных, морально-этических, философских, религиозных систем и др. Динамический аспект ценностной картины мира можно исследовать путем лингвокультурного анализа трансформаций и смещений в культурных смыслах концептосферы. Следы смысловых сдвигов и трансформаций ЦКМ следует искать в интертекстуальном культурном пространстве.

9) *Антропоцентричность*. Ценностные концепты – это, прежде всего, ментальные сущности, в которых отражается «дух народа», что определяет их антропоцентричность – ориентированность на духовность, субъективность, социальность и «личную сферу» носителя этнического сознания. Ценности имеют своих носителей и в них становятся действительными. Личность есть средоточие, центральное ядро «царства ценностей». Однако ценностный мир человека – не есть нечто неподвижное, а развивается исторически. Отметим, что любая

картина мира – антропоцентрична по своей природе: «Существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром, сколько имеется «призм» мировидения, человек смотрит на мир не только сквозь призму своего индивидуального опыта; существует столько картин мира, сколько имеется миров, на которые смотрит наблюдатель» [Серебренников, 1988, с. 93]. Любой акт оценки предполагает наличие субъекта оценки, то есть лица, дающего ее, объекта оценки, то есть оцениваемого фрагмента действительности, и критерия оценки. ЦКМ антропоморфна, так как оценка носит субъективный характер, поскольку зависит от субъекта оценки, но вместе с тем ядерные элементы ЦКМ едины для всех представителей национальной лингвокультуры, поскольку построение ЦКМ имеет и объективный характер, так как оно детерминировано свойствами объекта внеязыковой действительности, отраженными в сознании человека и фиксированными в значении языкового знака.

Так, изучение ЦКМ неосуществимо без учета самого человека, без обращения к антропоцентрической парадигме: в процессе оценки на первый план выступает человеческий фактор, а ее важность возрастает при квалификации всего, что непосредственно связано с человеком, кругом его интересов и потребностей. Ментальная, эмоциональная, духовная и другие сферы жизнедеятельности человека тесно связаны с ЦКМ, которая выработалась в ходе взаимодействия человека с окружающей действительностью.

10) *Высокая степень осознаваемости ценностей.* Степень осознаваемости ценностей может варьироваться в рамках одной ЦКМ и у разных ее представителей. Одни ценности явно осознаются ими как культурно-специфические, другие остаются имплицитно функционирующими, и их значимость может быть определена специальными лингвистическими методами. Таким образом, культурная ценность концепта в границах ЦКМ может быть определена уровнем ее осознаваемости носителями языка. «Степень осознаваемости напрямую связана с внутренней вариативностью концептуального содержания, с «дискуссионностью» содержания концепта. В фокусе внимания оказывается то, что не имеет однозначного понимания. Поэтому осознаваемость эксплицируется, в частности, через обсуждаемость» [Крючкова, 2009, с. 35].

Существует точка зрения, согласно которой ценности не осознаются сами по себе, но возможность вывести представление о ценно-

стях в «окно сознания» и «расшифровать» их дает язык, а именно те слова, за которыми стоят значения, содержащие элементы идеи ценности [Федосюткина, 2005].

В своем поведении, как полагает Н.С. Федосюткина, мы в основном руководствуемся иллюзией относительно иерархии ценностей, принимая для себя верховенство той или иной ценности в конкретный исторический момент [Федосюткина, 2005]. Автор утверждает неосознанность не только самих ценностей, но и их иерархии в ЦКМ.

С нашей точки зрения, ценностными доминантами лингвокультуры могут выступать как элементы ЦКМ, то есть осознаваемые ценностные ориентиры, так и ценности, лежащие за пределами ЦКМ, неосознаваемые, но активно функционирующие на глубинном уровне лингвокультуры – уровне менталитета и могущие быть «вскрытыми» путем рефлексии исследователя.

11) *Высокая степень корреляции элементов ЦКМ на уровне ЯКМ и ККМ.* Ценностную парадигму культуры можно выявить путем определения отношений включения и ассоциативного пересечения между оценочными суждениями. Соотношения и противопоставления ценностных концептов отличаются высокой степенью тематизации в текстах культуры, так как и онтологически являются взаимосвязанными и взаимообусловленными.

Ценность всегда корреспондирует с антиценностью, своим аксиологическим антиподом. Носитель лингвокультуры имеет идеальное представление о каком-либо феномене, явлении, нормах поведения и т.д. Стремление к этому идеалу становится возможным, когда в сознании индивида присутствует набор ценностных концептов, олицетворяющих этот идеал. Например, практически в каждой культуре существует концептуальный образец национального характера, смысловое пространство которого заполняют, как правило, лучшие качества и стороны национального поведения. Состав таких концептуальных характеристик находится в ЦКМ до тех пор, пока ее представители пытаются им соответствовать. Но в лингвокультуре, как и в объективной реальности, свое знаковое и действительное воплощение получают концепты как положительной, так и отрицательной оценочности. В определенном контексте концепт COURAGE может трансформироваться в концепт RASHNESS, концепт RESERVE в COLDNESS, LAW-ABIDINGNESS в PEDANTRY, а дополнительное смысловое окружение может превратить положительный ценностный

концепт GENTLENESS в SENTIMENTAL GUFF. Изучение смысловых отношений подобных ценностных оппозиций, безусловно, перспективная область исследования в аксиолингвистике, так как ученые зачастую уделяют недостаточное внимание проблеме концептуальных противопоставлений.

Далее следует обсудить *моделирование ЦКМ и ценностного концепта*. Попытка моделирования ЦКМ определенной лингвокультуры характеризуется достаточной долей субъективности, тем не менее практика подобных исследований показывает высокую степень их результативности, так как ученые все же используют некоторые единые принципы выявления ценностей культуры. Какова же методика вычленения ценностного пространства в ККМ и ценностного компонента в концепте?

Мы солидарны с точкой зрения лингвокультуролога Т.В. Евсюковой, которая предлагает следующие этапы анализа: 1. Выявление наиболее значимых культурных областей внутри отдельной культуры и определение аксиологических установок культуры; 2. Поиск лексики, концептуально соотносимой с выявленными культурными областями и соответственно составляющих «словарь культуры» понятий, которые и заключают в себе основную массу ценностных ориентаций культуры [Евсюкова, 2001, с. 78].

Итак, сначала для очерчивания ЦКМ той или иной лингвокультуры исследователю необходимо установить, в каких лингвокультурных областях наиболее эксплицитно проявляется ЦКМ, так как вербальное выражение ценностей, характеризующих культуру, следует искать в текстах, максимально насыщенных культурными смыслами. Исторически первыми значимыми лингвокультурными областями выступала философия и этика в Древней Греции – колыбели современной культуры. Но в исторической перспективе значимое место в культуре и лингвокультуре занимали различные их области, влиявшие на мировоззрение народа, что объясняется постоянным развитием культуры и уплотнением ее смыслового пространства. На настоящем этапе развития общества важную роль в формировании и популяризации ценностей играют: художественная литература, публицистика, средства массовой информации, то есть теле, радио, Интернет-тексты и т.д. Отметим, что талант автора и его владение языком проверяются умением «выбрать и соединить такие слова, в которых читатель острее всего на интуитивном уровне улавливает сущностные

этнокультурные смыслы» [Хроленко, 2004, с. 150]. Помимо вышеназванных областей, языковое общество на любом этапе своего развития неизменно апеллирует к пословично-поговорочному фонду, хранящему непреходящие, базовые ценности этноса, являющиеся своеобразным ориентиром в современной действительности. Следует оговориться, что, «перетекая» из одной лингвокультурной области в другую, ценностный концепт меняет свое содержание (так как это диктуется культурно-смысловой направленностью данной области), сохраняя в себе базовый смысл. Обрастая в каждой лингвокультурной области культурными смыслами, ценностный концепт порождает вокруг себя самостоятельную в смысловом отношении лингвокультурную область.

Но помимо определения наиболее значимых для данного этноса лингвокультурных областей, следует учитывать и тот факт, что базовая ценность непременно актуализируется не в одной, а в различных лингвокультурных областях, путем использования ключевых лексических элементов, метафор, импликаций, апеллирующих к единой ценности. Ценностный концепт, значимый лишь в границах одной лингвокультурной области, можно отнести к узкоспециальным, не являющимся ключевым для данной культуры.

Структурные единицы ЦКМ – концепты как многомерные ментальные образования имеют три важнейших измерения: образное, понятийное и ценностное [Карасик, 1996]. *Ценностная сторона* концепта, выражающая его аксиологический статус в лингвокультуре, важна как для отдельного индивидуума, так и для всего языкового коллектива. Ценностная составляющая является как бы своеобразным «лицом» концепта, без которого его невозможно обозначить как самостоятельное образование. В этом смысле ЦКМ можно считать основой лингвокультуры, так как именно в ней выделяются ментальные доминанты, этнокультурные смыслы, в концентрированном виде объективирующие ценностные эталоны и позволяющие сформировать определенный лингвокультурный тип, транслируемый этносом на протяжении длительного периода.

Другим важным условием для выделения ценностного концепта является его *разветвленная лексикализация*, так как ценностные концепты не имеют однословного обозначения. Они являются вербальными ключами, или кодами (в терминах Карасика), к пониманию особенностей менталитета нации, устройства ее миропорядка, разви-

тия культуры и хода истории. Как упоминалось ранее, чем выше аксиологический статус концепта, тем чаще и более разнопланово он тематизируется в лингвокультуре. Принято считать, что языковым идентификатором ценностей выступает лексема с абстрактным значением. Однако, как отмечает А.П. Бабушкин, концепт может обозначаться лексической единицей с конкретным значением, а также сочетанием слов, в том числе фразеологизмом [Бабушкин, 1996, с. 68]. В пословично-поговорочном фонде языка как одной из наиболее устоявшихся и верифицированных временем лингвокультурных областей предпочтения, связанные с той или иной ценностной доминантой, должны получать разветвленную языковую реализацию.

В лингвокультурологической теории считается, что без присутствия ценностного элемента концепт нельзя выделить: «Концепт группируется вокруг некой «сильной» (ценностно акцентуированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы» [Карасик, Слышкин, 2001]. На уровне языка показателем наличия ценностного отношения к тому/иному феномену является *применимость оценочных предикатов*. Если о каком-либо феномене носители культуры могут сказать «это хорошо/плохо/интересно/утомительно» и т.д., этот феномен формирует в данной лингвокультуре концепт.

Интегративная природа концепта: наличие взаимосвязи с другими культурно-ценностными единицами выступает условием включенности ценностного концепта в ЦКМ лингвокультуры, так как сочетаемость и сопоставление с ключевыми концептами подтверждают значимость этой ценности. Статус ценностного концепта может быть установлен только путем анализа других концептов или концептосочетаний/концептопротивопоставлений, актуализируемых в лингвокультуре в связи с исследуемым концептом. Ценностный концепт должен характеризоваться способностью интегрировать в себе определенный набор значимых ментальных единиц. Н.В. Крючкова отмечает, что способность концепта объединять различные семантические и концептуальные сферы выражается в возникновении его в качестве реакции на множество стимулов, в его включенности в значимые для данной культуры ценностные оппозиции и в использовании в разнообразных контекстах – для характеристики различных явлений и объектов [Крючкова, 2009, с. 11].

В рамках лингвокультуры разграничивают серьезную, обыденную картину мира и смеховую/комическую, в которой также определ-

мечиваются важнейшие для социума ценностные концепты. Признаком, демонстрирующим принадлежность концепта к культурным ценностям, признается его распределенность в этнокультурном юморе, то есть «*смеховая востребованность*». Г.Г. Слышкин под последней понимает «подверженность коммуникативным трансформациям, направленным на достижение комического эффекта» [Слышкин, 2004, с. 182]. Устойчивость и этнотипичность концепта подтверждаются способностью к осмеянию, так как человеческое сознание нуждается в регулярной трансформации всего застывшего и тем фактом, что осмеиваемое – легкоузнаваемо. Искажение элементов обыденной картины мира носит конструктивный характер и является формой рефлексии деятельности человека, ориентированной на самопознание. Учитывая это, смеховая картина мира признается близкой научной картине мира [Слышкин, 2004, с. 183–184]. Значимость ценностного смысла проявляется через карикатурное изображение соответствующей ценности, обыгрывание и «переворачивание» традиционных ценностных ориентиров в смеховых жанрах.

Наше мнение совпадает с точкой зрения герменевтов, что рефлексия является неотъемлемым условием осуществления лингвистических задач, в данном случае – формирования концептуальной модели ЦКМ и структуризации ее элементов. В современной научной парадигме герменевтика рассматривается как методологическая основа гуманитарного знания. Филологическая герменевтика дала новое представление о понимании как инобытии рефлексии. Рефлексия заключается в возникновении взаимных сопоставлений и противопоставлений, приводящих к выражению одного содержания в другом, причем именно в этих условиях реципиент и получает выход к смыслам, которые выступают «в форме особого представления, в форме знания о смысле, которое выступает в качестве средства, организующего процессы понимания» [Щедровицкий, 1974, с. 95]. Оценка рассматривается в качестве превращенной формы рефлексии, как и те мыслительные шаги, которые ей сопутствуют, так как она неотделимое звено цепочки «человеческая эмоция-проблематизация-решение-понимание». Базовая схема мыследеятельности, предложенная Г.П. Щедровицким, позволяет представить весь духовный мир как рефлективную реальность, состоящую из трех поясов: пояса системомыследеятельности – опыта предметных представлений, пояса мысли-коммуникации – опыта действия в ситуациях коммуциро-

вания и пояса чистого мышления – опыта действия в невербальных парадигмах. Мыследеятельность как совокупность осознанных направленных действий позволяет исследователю работать со смыслами, которые, в отличие от содержания, надо восстановить или построить, что также осложняется большой долей их субъективности. Следует признать, что полное познание своеобразия культуры не может быть достигнуто, поскольку тексты культуры, попадая в новую историко-культурную среду, обрастают новыми смыслами, отличающимися от первичных, заложенных автором. Поэтому перечень констант лингвокультуры, выдвигаемый тем или иным ученым, не может быть окончательным, так как меняется не только сама лингвокультура, но и ее понимание. Но именно благодаря текстовой реализации, культурные ценности не исчезают, а обогащаются новыми смыслами. Знания, накопленные филологической герменевтикой, дают методологическую возможность не только реконструировать смыслы лингвокультуры, но и моделировать их ценностную иерархию.

Еще одним неотъемлемым условием моделирования ЦКМ определенной лингвокультуры представляется применение сравнительно-сопоставительного анализа на базе двух или нескольких культур. Так как состав элементов ЦКМ и их иерархия отличаются во всех лингвокультурах, следует выделить определенный круг ключевых ценностей, по которым можно дифференцировать культуры. В этом отношении особое значение приобретает выбор метода исследования ЦКМ. Учитывая, что кросс-культурные исследования служат цели адекватной трансляции ценностных смыслов из одной лингвокультуры в другую, наиболее успешным подходом к подобным исследованиям представляется комплексный метод, включающий как количественные, так и качественные приемы. Считается, что чем более близкородственны обсуждаемые культурные типы, тем больше ценностных нюансов будет выявлено исследователем.

Чем полнее описано концептуальное пространство лингвокультуры, тем точнее можно смоделировать ЦКМ этой лингвокультуры.

Рассмотрим *место ЦКМ в системе картин мира*. ЦКМ не является обособленной частью лингвокультуры, она органично в нее «вплетена», соприкасаясь со всеми другими формантами, базируемыми на ней.

ЦКМ соотносится в рамках лингвокультуры с концептуальной картиной мира, которая в свете лингвокультурологии включает в себя

ЯКМ, так как лингвокультурология исследует только вербализованные единицы культуры. ККМ содержит в себе концептуальные пространства, образованные разными типами концептов, в основе которых лежит определенный способ понимания и видения мира. Она представляет полевое образование, ядро которой образует обыденное концептуальное пространство, слои – художественное, научное концептуальные пространства и др. [Карасик, 1997; Красавский, 2000]. Обыденное концептуальное пространство характеризуется объемом информации, включающим «наивные» представления, понятные всем членам этноса и достаточные для образования семантической системы языка. Эти представления обладают абсолютной ценностью, так как значимы для всего этносоциума. Концептуальные пространства являются постоянно развивающимися информационными системами. Художественное, научное и другие концептуальные пространства включают представления, не обладающие всеобщими ценностными параметрами. ККМ определено шире ЦКМ, которая располагается в сфере обыденного концептуального пространства и актуализирует в себе наиболее значимые элементы ККМ. Включенность ЦКМ в состав ККМ и их взаимосвязь также подтверждаются положением Р.И. Павилениса и И.И. Халеевой о том, что концептуальная картина мира не сводится к совокупности понятий, а включает в себя «эмоционально-оценочный, мотивационный и другие аспекты сознания и состоит из концептов [Павиленис, 1986, с. 125; Халеева, 1989, с. 112–119]. Основу ценностных концептов культуры, как правило, составляют метафизические концепты (душа, истина, свобода, счастье, любовь и пр.), выступающие организующими звеньями в ККМ. В понимании Воркачева, метафизические концепты – ментальные сущности высокой либо предельной степени абстрактности отправляют к «невидимому миру» духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ – знак, предполагающий использование своего образного предметного содержания для выражения содержания абстрактного [Воркачев, 2001, с. 70].

ЦКМ сопряжена с ЯКМ, так как ЯКМ – выразитель ценностей и установок всего лингвокультурного социума и в этом смысле индикатор различий на уровне менталитета нации. ЯКМ понимается как система ценностных ориентаций, закодированная в ассоциативно-образных комплексах языковых единиц и восстанавливаемая исследователем через интерпретацию ассоциативно-образных комплексов

посредством обращения к обусловившим их знакам и концептам культуры [Опарина, Сандомирская, 1998]. Различие ЦКМ и действующих в культуре механизмов мышления приводит к различию ЯКМ этих культур. В основе национального «видения мира» лежат стереотипные установки, возникающие у всех членов языкового коллектива, которые определяют единообразный способ членить объективную реальность, и те черты, которые воспринимающий в первую очередь замечает в предметах и ситуациях и кладет в основу наименования. ЯКМ, в свою очередь, пересекается с культурной картиной мира, так как отражает через нее реальность. Культурная и языковая картины мира – всегда антропоморфны, находятся в состоянии тесной взаимосвязи, непрерывного взаимодействия и восходят к реальной картине мира, то есть к реальному миру, окружающему человека. ЯКМ – это уже вербально выраженный результат духовной активности человека как общественного существа. Г.Д. Гачев полагал, что содержанием национальных образов мира являются не национальные характеры, а «национальные воззрения на мир» [Гачев, 1998, с. 44]. Однако следует подчеркнуть, что в изучении ЦКМ языковая картина мира выступает не целью, а инструментом исследования.

Итак, ЦКМ оязыковлена и является частью ЯКМ. Исходя из этого утверждения, можно говорить о ценностной языковой картине мира и о том, что она уже ЯКМ, поскольку активизирует пласты языка, концентрирующие этноспецифическую информацию, выполняющую идентификационную функцию для той/иной лингвокультуры, в то время как ЯКМ активизирует все языковые механизмы, отражающие действительность как единое целое. Лексикон ценностной языковой картины мира строится на именах ключевых лингвокультурных концептов (которых может насчитываться несколько десятков, как в «Словаре русской культуры» Ю.С. Степанова), от которых расходятся языковые средства-апеллятивы к соответствующим ценностным доминантам. Таким образом, для лингвоаксиолога важно определить область пересечения ЯКМ и ЦКМ, которую мы обозначили как ценностную языковую картину мира. Ее можно считать средоточием вербализованных ценностных смыслов и точкой отсчета для построения иерархии в аксиологической системе лингвокультуры.

ЦКМ является также частью культурной картины мира, без которой невозможно было бы выделить ЦКМ, поскольку ценности являются важным показателем уровня культуры. Одна из дефиниций это-

го понятия гласит: «Культура – исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими *материальных и духовных ценностях*; различают материальную и духовную культуру...» [Современный словарь иностранных слов, 1992, с. 325]. Культура, если в самой общей форме попытаться выделить из многочисленных определений этого феномена существенные для ее взаимодействия с языком аспекты и обобщить их, – это та часть картины мира, которая отображает самосознание человека, исторически видоизменяющегося в процессах личностной или групповой рефлексии над ценностно значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека. Итак, ценностная и культурная картины мира неотделимы друг от друга. Ценностная картина мира складывается из совокупности актов оценивания всех субъектов лингвокультурного социума. Культурный пласт ценностного концепта напрямую сопряжен с онтологическими характеристиками культуры. Культуру как общественное явление часто определяют через ценности, ценностные ориентации социума и индивида. Каждой культуре свойственна своя шкала или система ценностей – результат условий ее жизни и истории.

На уровне ККМ ЦКМ соотносится с этнической картиной мира (далее – ЭтнКМ), внимание которой направлено на соотношение национального и общечеловеческого в мировоззрении этноса. По словам Т.В. Евсюковой, ЭтнКМ есть «феноменологическая редукция к ценностям того или иного этноса» [Евсюкова, 2001, с. 50]. ЭтнКМ может трактоваться, например, как «...то, как этнос видит себя и представителей других этносов в целом сквозь призму своей национальной ментальности. Этническая картина мира является фрагментом концептуальной и языковой картины мира. Она включает этнические стереотипы и установки, этнические портреты и автопортреты, всевозможные ассоциации, связанные с конкретными этносами, фоновые знания и культурные концепты, которые фиксируются как в ментальном, так и в языковом поле этноса. В этническую картину мира также входят основные ценностные ориентации этноса, которые на уровне культуры и языка выражаются в основных концептах данной лингвокультурной общности [Буряковская, 2000, с. 6]. Из такого подхода следует, что ЭтнКМ шире ЦКМ и служит для нее своеобразным каркасом. Таким образом, ЦКМ и ЭтнКМ – наиболее близкород-

ственные понятия, подлежащие дальнейшему наблюдению и дифференциации.

Язык не является демиургом ценностной картины мира, так как подчинен мышлению. Человек понимает не то, что позволяет ему язык. Язык лишь вербализует субъективно актуальное для него в данной речевой ситуации содержание ККМ и ЦКМ. Картина мира приобретает «новые краски» в ракурсе эмоциональной сферы сознания. Выделить эмоциональную картину мира нам позволяет эмоциональное восприятие окружающего мира. Эмоциональная картина мира представляет собой мировидение, спроецированное эмоциональной сферой сознания и отражающее аксиологические приоритеты национальной картины мира. Особенности эмоциональной картины мира той или иной культуры также закодированы в средствах языка. В эмоциональной картине мира объективно существующая реальность отражается сквозь призму человеческих эмоций [Погосова, 2007], и именно эмоции направляют содержание в оценочное русло, являются своеобразной шкалой для формирования оценки, а впоследствии и ценности.

Итак, резюмируя вышесказанное, ЦКМ можно признать основным стержнем лингвокультуры, организующим ее развитие за счет предписания ей ментальных ценностных установок, ориентиров, влияющих на все сферы социальной практики. С помощью набора таких этноспецифических ценностных установок человек идентифицирует себя как носителя определенной лингвокультуры. Содержание ЦКМ составляет совокупность концептов, характеризующихся важностью как положительной, так и отрицательной направленности для этнокультурного социума. ЦКМ – это феномен, требующий междисциплинарного подхода, к изучению которого должны быть привлечены не только данные культурологии, но и ряда других научных дисциплин, таких, как: лингвистика, философия, история, антропология, поскольку все они тесно взаимосвязаны и имеют один общий объект изучения – человек и окружающая его действительность.

Для моделирования ценностной концептосферы картины мира или ценностных смыслов концепта лингвокультурологу следует определить фрагменты лингвокультуры – лингвокультурные области, наиболее эксплицитно актуализирующие установки культуры. Список таких лингвокультурных областей будет неодинаковым для разных культур. Ценность концепта в лингвокультуре подтверждается наличием этноспецифических и разноплановых средств его лексикали-

зации в важнейших лингвокультурных областях. Аксиологический статус концепта верифицируется способностью интегрировать в себе другие значимые ментальные единицы и взаимосвязью с ключевыми концептами этой культуры. Смеховая востребованность, тематизация в комической картине мира признаются признаком, демонстрирующим принадлежность концепта к культурным ценностям.

Рефлексия, которая, по мнению Г.П. Щедровицкого, является «сердцевиной и ядром» методологического мышления [Щедровицкий, 1997, с. 334], выступает неотъемлемым условием реконструирования смыслового пространства ЦКМ и структуризации ее элементов. Применение сравнительно-сопоставительного анализа на базе двух или нескольких культур помогает выделить культурно-специфичные ценности и выявить смысловую уникальность ценностей, общих для многих или всех культур.

ЦКМ является частью общей картины мира и поэтому тесно взаимосвязана с другими ее формантами: концептуальной, культурной, этнической, эмоциональной, языковой картиной мира. Концептуальная картина мира как совокупность константно развивающихся информационных систем является интегралом всех картин мира и соответственно включает в себя ценностную картину мира, выражающую наиболее значимые идеи и понятия определенной культуры. Языковая картина мира, также являющаяся частью ККМ, показывает своеобразный способ членения объективной реальности и акцентирует те черты, которые в первую очередь замечаются культурой в предметах и ситуациях и кладутся в основу наименования. ЦКМ относится к одному из конститuentов ЯКМ, так как все элементы ЦКМ оязыковлены в том или ином объеме. Это позволяет говорить о существовании ценностной языковой картины мира. ЦКМ соотносится с культурной и этнической картинами мира, поскольку ценности – результат мыслительных процессов культуры. Если культурная картина мира содержит в себе идеи, принципы, выработанные как мировой, так и национальной культурой, выраженные средствами национального языка, то этническая картина мира сообщает сведения только о сугубо этноспецифических конструктах, создающих неповторимое содержание национальной культуры. Ценностная картина мира во многом обусловлена эмоциональной концептосферой, которая выполняет функцию категоризации информации в зависимости от переживаемой эмоции, придает определенный вектор оценке субъекта.

Изучение ценностных установок культуры, служащих основой идентификации для ее представителей, способствует выстраиванию социальных норм, установлению правил поведения в обществе, формулированию и решению важных проблем социального и духовного развития народа.

Вербализованная ценностная картина мира представляется наиболее эффективным способом изучения этноспецифики лингвокультуры, так как язык является мощным средством распространения ценностей культуры и, по словам Т.В. Евсюковой, играет ведущую роль «в формировании семантического ядра культуры, которое и есть в определенном смысле ее онтология» [Евсюкова, 2001, с. 105].

ВЫВОДЫ по главе 1

1. Лингвокультурология представляет собой комплексную научную дисциплину, изучающую взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры через призму культураносных ментальных единиц, облеченных в вербальную форму. Под лингвокультурой мы понимаем некоторый тип взаимосвязи языка и культуры, комплексное семиотическое образование, реализующее способы объективации культуры в языке. В зависимости от целей исследования лингвокультура может рассматриваться как совокупность текстовых произведений, созданных на национальном языке и моделирующих этнокультуру и самосознание. С другой же стороны, под лингвокультурой можно понимать совокупность феноменов и продуктов культуры, объективированных и «читаемых» в языке. Лингвокультурологическому анализу подвергается либо целостная лингвокультура, либо ее фрагмент – отдельная лингвокультурная область внутри некоторого лингвокультурного типа, обладающая смысловой обособленностью.

Лингвокультурная область выступает обособленным в культурном и языковом отношении фрагментом лингвокультуры, демонстрирующим специфические способы актуализации культурных смыслов и их вербальной экспликации.

2. Лингвокультурная концептология выделилась в обособленное направление в рамках лингвокультурологии в ходе переакцентуации и модификации компонентов в трихотомии «язык, культура, языковая личность».

В лингвокультурной концептологии концепт – это вербализованный культурный смысл, «не привязанный» к какой-либо одной языковой единице. В акте речи вербализуется коммуникативно-релевантная часть лингвокультурного концепта. Исследование семантики языковых единиц, вербализующих концепт, – путь к описанию вербализованной части концепта.

Ведущим отличительным признаком лингвокультурного концепта является его этнокультурная отмеченность и внимание к языковой плоскости, ее выражающей.

Проблема соотношения ЯКМ и ККМ в лингвоконцептологии может быть раскрыта в свете соотношения языка и мышления. ККМ представляется богаче ЯКМ, поскольку в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе невербальные. Взаимосвязь ЯКМ и ККМ подтверждается языковой манифестацией концептов.

Концептуализация и вербализация соотносятся друг с другом в той же мере, что и явления ККМ и ЯКМ, но сравниваемые феномены имеют разную динамику – концептуализация /вербализация – акциональные сущности, тогда как ЯКМ/ККМ можно изучать как результаты вербализации/концептуализации, сформировавшиеся в определенный временной срез.

Концептуализацию мы трактуем как некий процесс структуризации и категоризации знаний в сознании субъекта, процесс формирования концептуальных характеристик относительно феноменов лингвокультуры – концептов и концептуальной картины мира в целом.

Под вербализацией следует понимать совокупность приемов семантического представления плана содержания лексических единиц, отождествляющих концепт.

Концептосфера и семантическое пространство языка разграничиваются в лингвоконцептологии согласно критерию принадлежности разным пластам концепта: сознание – язык соответственно. Семантическое пространство языка может рассматриваться как совокупность средств апелляции к концепту с помощью языка. Под концептосферой традиционно понимают совокупность концептов, из которых складывается ментальность носителя языка.

3. В рамках лингвокультурной концептологии следует выделять способы прямой и непрямой вербализации концептов. Вербальная концептуализация охватывает разные уровни языка, средства которых используются в реальной коммуникации комплексно, хотя пре-

валирующая роль отводится лексическому и фразеологическому уровню языка. В зависимости от степени вербализованности концепта в тексте мы выделяем:

а) *эксплицитные концепты* – элементы ядра вербальной сферы концепта;

б) *имплицитные концепты* – концепты, реализованные в тексте средствами не прямой вербализации, лексемами, входящими в вербальную сферу концепта, но не являющимися ее ядерными номинантами;

в) *латентные концепты* – концепты, степень вербализованности которых приближена к нулю, так как они, как правило, не выражены с помощью элементов вербальной сферы концепта.

Модификации в языковом выражении концептов обусловлены трансформациями в смысловой структуре концепта.

Категории «концептуализация», «деконцептуализация» полезны при анализировании лингвокультурных сущностей, поскольку позволяют объяснить особенности и механизмы их смыслопостроения, выделить из общего ноэматического пространства этнокультурное содержание.

Исследовательская плоскость концептосферы в процессе развития лингвоконцептологии была подразделена на более мелкие фрагменты – концептуальные области, поля, сращения, концептосочетания.

Концептуальная область является наиболее крупным образованием концептосферы, и в ее пределах можно выделить концептуальные поля, тематически обособленные и пересекающиеся в рамках ноэматики этой концептуальной области.

Термины «концептосочетание» и «концептуальное сращение» позволяют выявить область ноэматического пересечения концептов и своеобразие наполняющих их культурных смыслов, которое наиболее эксплицитно выявляется при наложении двух ноэматически тождественных концептов. Концептосочетанием можно обозначить любое соотношение концептов на уровне лингвокультуры. Концептуальным сращением следует называть константное соотношение концептов, отличающееся частотностью функционирования в лингвокультурной традиции того или иного этноса. Определение структуры концептуальных областей, полей, сращений на обширном лингвокультурном материале может способствовать выявлению статуса их компонентов – концептов и их ценности в культуре.

4. К общим признакам лингвокультурного концепта и понятия мы относим: 1) принадлежность к области сознания, смысловому пространству («условная ментальная единица» vs «мысль»); 2) сфера опредмечивания – язык и речь; 3) наличие комплексной структуры (фактуальная и образная составляющие). Понятие мы включаем в содержание концепта и толкуем как элемент научной картины мира, в то время как сам концепт лежит в наивной, культурной картине мира.

Наиболее значительными отличительными признаками «ЛК» от понятия являются: 1) этнокультурная отмеченность ЛК; 2) ЛК – явление более динамичное по сравнению с понятием; 3) понятие – явление, одинаково значимое для всего социума (наше внимание не затрагивают термины), ЛК классифицируется по носителю – обогащение ЛК всегда идет по звену «от индивидуального к коллективному»; 4) антиномичность ЛК; 5) переживаемость/эмотивность ЛК; 6) оценочность ЛК.

Корневым стержнем «понятия» выступает значение, из которого в речевом потоке прорастает некий пучок смыслов. В этом случае число смыслов может быть неисчислимо. Соотношение смысла и концепта не исчерпывается родовидовыми отношениями. Неравносильность концепта и смысла проявляется в том, что в определенной коммуникативной ситуации субъектом активируется лишь часть смыслового пространства концепта. Концепт есть элемент структурирования действительности, совокупность первичных компонентов смысла для говорящего, вкладывающего в смысл личностное переосмысление, прочувствование действительности. «Понятие» – единица языковой картины мира, а концепт – элемент концептуальной картины мира. Ввиду своей синкретичности, диффузности и имплицитности концепты не поддаются исчислению в рамках лингвокультуры – ни на уровне языка, ни на уровне сознания.

5. Конечным продуктом концептуализации выступает концепт – единица наивной картины мира. В рамках лингвокультуры мы трактуем концепт как совокупность культурных смыслов лексики, опредмечивающей национальное представление о каком-либо феномене действительности.

Будучи культурно чувствительным процессом, концептуализация приобретает наиболее четкие очертания в границах лингвокультурных областей, отличающихся наибольшей плотностью культурных

смыслов лексических единиц: в художественной литературе, философии, фразеологии/паремиологии, фольклоре.

Термин «*культурный смысл*» неотъемлем для лингвокультурологии, так как смысл как частный случай мыследеятельности – это всегда принадлежность сознанию представителя той или иной лингвокультуры. «Культурные смыслы», как и смыслы вообще, возникают в интертекстуальном пространстве в результате рефлексии.

Основанием для обозначения некоторого образования в качестве отдельной лингвокультурной области служит его смысловая и лексическая обособленность. Лингвокультурные области – динамичные образования, расширение их границ детерминируется эволюционным развитием культуры, возрастанием количества культурных текстов, а также изменениями актуальности этих текстов на разных этапах развития общества.

Лингвокультурные области эксплицируют специфические способы концептуализации окружающего мира. Философия и художественная литература относятся к элитарной области лингвокультуры и всегда являют собой индивидуальный тип мышления. Построение концептосферы в художественной литературе осуществляется преимущественно посредством метафоризации, сравнения, авторских ассоциаций и эпитетов. В философии как области чистого мышления концептуализация проявляет себя на уровне интерпретации. Вектор философской мысли может быть выражен с помощью концептуального поля, где движение мысли начинается от онтологизируемого понятия и затем переходит на другие концепты, его перевыражающие. Фразеология/паремиология и фольклор рассматриваются народной памятью как руководство к действию, так как материализуют особенности мировоззрения этноса как целого. Результатом фразеологизации явлений предстают готовые к применению в коммуникации отрефлексированные идеи, содержащие устойчивые в лингвокультурном сообществе аксиологические характеристики.

6. Так как рефлексия является основой смыслообразования для исследования концептов как средств конструирования смысловых отношений в лингвокультуре целесообразно использовать герменевтический подход, базирующийся на теории системомыследеятельности Г.П. Щедровицкого и учении о понимании и рефлексии Г.И. Богина.

Отталкиваясь от ноэматической структуры концепта, под ноэмами мы понимаем минимальные частицы смысла, порожденные в раз-

ных поясах рефлексии. В ноэматическое пространство концепта следует включать первичные иokkaзиональные ноэматические характеристики. Первичная ноэматика концепта имеет трехъярусную структуру, в которую входят ноэмы-культурные основы, ноэмы-доминанты и периферийные ноэмы. Первичные ноэматические компоненты концепта фигурируют как устойчивые, повторяющиеся компоненты, постоянно воспроизводимые в лингвокультуре. Выявление актуального смысла концепта, егоokkaзиональной ноэматики осуществляется с помощью интерпретации.

Ядро концепта составляют ноэмы-культурные основы, максимально акцентуирующие этноспецифику объективируемого феномена. В приядерную зону концепта входят ноэмы-доминанты с высокой частотностью воспроизводимости в лингвокультуре, также реализующие стереотипные представления этноса. Периферийная ноэматика концепта складывается изokkaзиональных смысловых компонентов, развертывающих ноэмы-доминанты. Периферийные ноэмы, как правило, реализуются в текстах меньшей степени прецедентности и по своим образным и оценочным составляющим могут не совпадать с ноэмами-доминантами. Ядро и приядерная зона концепта характеризуются относительно постоянным составом культурных смыслов, хотя ноэматические трансформации и смещения неизбежны в структуре концепта с течением времени.

7. ЦКМ можно признать основным стержнем лингвокультуры, организующим ее развитие за счет предписания ей ментальных ценностных установок, ориентиров, с помощью которых человек идентифицирует себя как носителя определенной лингвокультуры. Содержание ЦКМ составляет совокупность концептов, характеризуемых важностью как положительной, так и отрицательной направленности для этнокультурного социума.

Основными свойствами ЦКМ можно считать: 1) оценочность, 2) влияние на культуру и регулятивность, 3) уникальность/ этноспецифичность, 4) структурность и иерархичность, 5) высокую степень эмотивности, 6) высокий уровень вербализации, 7) историчность и преемственность, 8) динамичность, 9) антропоцентричность, 10) высокую степень осознаваемости ценностей, 11) высокую степень корреляции элементов ЦКМ на уровне ЯКМ и ККМ.

О структурности и иерархичности ЦКМ свидетельствует разграничение ценностей по степени выражения этнокультурной уникаль-

ности на *ядерные, базовые, периферийные*. Смысловое пространство ЦКМ является единым, поэтому ценности разных уровней ЦКМ являются взаимосвязанными и взаимообусловленными.

Для моделирования ценностной концептосферы лингвокультурологу следует определить фрагменты лингвокультуры – лингвокультурные области, наиболее эксплицитно актуализирующие установки культуры. Список таких лингвокультурных областей будет неодинаковым для разных культур. Ценность концепта в лингвокультуре подтверждается наличием этноспецифичных и разноплановых средств его лексикализации в важнейших лингвокультурных областях. Аксиологический статус концепта верифицируется способностью интегрировать в себе другие значимые ментальные единицы и взаимосвязью с ключевыми концептами этой культуры. Смеховая востребованность, тематизация в комической картине мира признается признаком, демонстрирующим принадлежность концепта к культурным ценностям. Рефлексия выступает неотъемлемым условием реконструирования смыслового пространства ЦКМ и структуризации ее элементов.

ЦКМ является частью общей картины мира и поэтому тесно взаимосвязана с другими ее формантами: концептуальной, культурной, этнической, эмоциональной, языковой картинами мира.

Г л а в а 2

БРИТАНСКИЙ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ CLASS: ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

2.1. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФЕНОМЕНА CLASS В АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Универсальный алгоритм исследования концепта составить невозможно. Концепты национальной культуры можно исследовать путем соответствующего анализа лингвистической эмпирической базы, так как язык как семиотическая система отражает в форме знаков всевозможные комбинации реальных и ментальных действий человека. Но для получения строго научного, адекватного толкования действительности человеческого бытия принципиально необходимо привлечение сведений о том или ином культурном явлении из смежных с языковедением гуманитарных дисциплин, в особенности при его лингвокультурологическом описании. Жизнь концепта детерминирована как интралингвистическими, так и экстралингвистическими факторами (строением культуры, особенностями исторического развития общества, его традициями, менталитетом конкретного этноса).

Этот раздел посвящен анализу экстралингвистических данных об английском концепте CLASS.

Дж. Оруэлл в 1940 г. утверждал, что Англия – самое классовое общество под солнцем, страна снобизма и привилегий: «England is the most class-ridden country under the sun. It is a land of snobbery and privilege...» [Orwell, 1970]. Почти через шестьдесят лет после Оруэлла Дэвид Каннадин, выдающийся английский историк, в своей книге «The Rise and Fall of Class in Britain» пишет, что англичане одержимы

классом так же, как другие народы одержимы пищей или гонками, сексом, или наркотиками, или алкоголем: «obsessed with class in the way that other nations are obsessed with food or race or sex or drugs or alcohol». И в конце XX века не только в Британии, но и по всему миру сохраняется убеждение, что «class, like the weather and the monarchy, is a peculiarly and particularly British preoccupation» (класс, как погода, и монархия – это своеобразный и особенный предмет британской озабоченности) [Cannadine, 1999, p. 28] (перевод здесь и далее наш – Б.Е.). Д. Каннадин считает, что никогда не было и никогда не будет бесклассового общества, нигде. Он признает, что «classes will always be with us, as long as there remain inequalities in income, differences in occupation, and variations in wealth that can be objectively observed» (классы будут существовать до тех пор, пока будут сохраняться неравенство в доходах, различия в роде деятельности и объективно наблюдаемые различия в благосостоянии) – то есть в любых мыслимых человеческих стратах прошлого, настоящего или будущего [Cannadine, 1999, p. 29].

Англичане писали о классе, пытаясь понять его суть на протяжении многих веков. В 1688 г. Грегори Кинг (Gregory King, 1648–1712), английский демограф и статистик, разделил английское общество с педантичной щепетильностью на двадцать шесть званий и степеней [NPDE, 1987, p. 512].

Несколько веков спустя писатель Ивлин Во выразил это иначе: простые классовые категории не могут применяться в стране, где иерархия была определена «одной целиком воображаемой линией (платоновской идеей), простирающейся от Виндзора к Вормвуд-Скрабс»¹, линией, «о существовании которой каждому англичанину точно известно», и что, по мысли Во, придает жизни приятную пикантность [Waugh, 1956, p. 18].

Классовая иерархия в Англии, согласно Д. Гореру, одному из самых заметных английских антропологов, состояла из семи классов. Три рабочих, три средних и один – аристократический [Gorer, 1955, p. 47].

Д. Каннадин, анализируя период с семнадцатого века, видит три основные концепции социального деления: иерархическую, триади-

¹ Windsor – небольшой город в графстве Беркшир, к юго-западу от Лондона, летняя резиденция английских монархов. Вормвуд-Скрабс – тюрьма строгого режима в Лондоне.

ческую и дихотомическую. В первой все британцы являются частью «великой цепи бытия», простирающейся от высокого до низкого, где каждый человек на своем месте и где каждый человек знает свое место. В триадической версии существуют три класса: высший, средний и нижний, или дворяне, бюргеры и трудящиеся. Дихотомическая версия видит только богатых и бедных, высоких и низких, имущих и неимущих, «нас» и «их» [Cannadine, 1998, p. 33].

Как известно, приоритетный взгляд К. Маркса, хотя он и проводил различия между аристократами и вытесняющей их буржуазией, был дихотомическим: общество в конечном итоге было разделено между теми, кто контролирует средства производства и пролетарскими массами.

Особенностью английской классовой системы можно считать значительное сопротивление этому дихотомическому импульсу. Средний класс был «изобретен», чтобы представлять постоянно меняющийся и устойчивый барьер – буферную зону – в центре социальных конфликтов, – полагает известный английский философ и писатель Р. Скрутон. Утверждение многочисленного и мобильного среднего класса нейтрализует классовый антагонизм [Scruton, 2009, p. 150]. Именно существованием этого гибкого среднего слоя можно объяснить стабильность и миролюбие классовых чувств в Англии, предпочитавшей эволюционный путь вместо революции.

Средний класс существовал в Великобритании веками. Это был небольшой класс торговцев и мелких фермеров. В период с 1780 по 1840 гг., отмеченный Промышленной революцией и становлением английского рабочего класса, произошло и формирование верхушки английского среднего класса (промышленники и владельцы фабрик). Для XIX века характерна экономическая, социальная «экспансия» среднего класса в английском обществе. Он расширился в обе стороны – в высшие и низшие социальные сферы, включив в себя профессиональных работников, таких, как священнослужители, юристы, доктора, дипломаты, банкиры, военные, а также коммерческие классы. Этот класс включал как удачливых и богатых промышленников, так и лавочников и конторских работников. Часто это были люди, поднявшиеся из низов, верящие в результаты тяжелого труда и правильного образа жизни. Быть «респектабельными» было их целью. А это означало, как поясняет Р. Скрутон, быть не только скрупулезным в вопросах сексуальной морали, но и прилично одетым, хорошо воспитанным

и способным выкупить свои ценности из ломбардов, прежде чем они были проданы [Scruton, 2009, p. 143]. Вместо кровавого противостояния между народом и аристократией, англичане имели общее убеждение в респектабельности, которой беднейший рабочий может обладать, а богатейший герцог не соответствовать [Scruton, 2009, p. 149].

Рост среднего класса сопровождался усилением его влияния на все аспекты английской жизни, главным образом – на общественное сознание. В 1870-80-е гг. средний класс добился политического лидерства, в английском парламенте закончилась эра аристократического доминирования. Впервые в 1874 г. двое рабочих вошли в состав парламента. К 1880 г. средний класс «стабильно и триумфально доминировал в морали и идеологии общества», пишет английский историк Г. Перкин. Более того, мораль и идеология среднего класса «были институализированы» [Perkin, 1976, p. 287]. Политика и государственные дела стали собственностью среднего класса. Аристократы и монархия к концу XIX века обладали незначительным влиянием. Но то социальное и политическое значение, которое придавалось наследственной аристократии, способствовало доверию к идее среднего класса.

Поскольку «неподвижные звезды» (дворянство с их титулами, обрядами и историческими правами и обязанностями) всегда горели на социальном небосводе, – считает Р. Скрутон, – взлеты и падения отдельных лиц имели смысл, и именно так в терминах взлетов и падений, был определен средний класс. Средняя зона была зоной вечного движения [Scruton, 2009, p. 151].

Классом аристократов можно было безнаказанно возмущаться, поскольку он занимал довольно малую область социальной лестницы. Но трудно было не поддаться его притягательности, потому что положение аристократов соответствовало трем принципам английской жизни: этот класс был прикреплен к земле, обладал корпоративной идентичностью и имел больше авторитета, чем власти.

Английское дворянство даже в свою лучшую пору не было, как во Франции или России, бастионом привилегий и богатства. Титулы были ограничены правом первородства. Под право первородства (переход наследства к старшему сыну) попадали не только титулы, но земля и имущество. Младшие сыновья вступали в жизнь как мистеры, не обладавшие большим богатством или собственностью на землю, и чьи единственные знаки отличия от окружающего среднего класса заключались в речи и стиле, которые легко копировались социально

честолюбивыми людьми, а потому границу между верхним и средним классом почти невозможно было разглядеть.

Д. Каннадин утверждает, что к середине девятнадцатого века «практически любой с образованием, полученным в частной школе, мог быть описан как джентльмен, независимо от социального происхождения своих родителей» [Cannadine, 1999].

Лорд Пальмерстон (Palmerston) в своей знаменитой речи «Don Pacifico» в 1850 г. в палате общин заявил: «Мы показали пример нации, в которой каждый класс общества с радостью принимает все, что провидение возложило на него. В то же время каждый человек из каждого класса постоянно стремится подняться по социальной лестнице» [Цит. по: Wheatcroft, 1999 a].

Английская аристократия умело сохраняла влияние, допуская в свои ряды карабкающихся вверх по социальной лестнице. Но богатые буржуа обязаны были принять сложившийся у элиты образ жизни в обмен на возможность смешаться с нею. Таким образом, аристократия укрепляла свои позиции и оставалась законодателем нравов.

Английский высший класс умело избегал окопной войны, – иронично отмечают английские журналисты Дэвид Фрост и Энтони Джей. – Когда давление снизу становилось слишком сильным, он совершал тактический отход. Высший класс уступал спорную территорию добровольно, без кровопролитий и слез, но, конечно, захватив с нее при отходе все, что имело какую-либо ценность. К людям непреклонным, для которых сама идея существования привилегированного класса, к которому они не могут принадлежать, столь невыносима и унижительна, что они готовы любой ценой сокрушить этот класс, на какие бы уступки он ни шел, применяются особые успокоительные средства [Фрост, Джей, 1972]. Английские правящие классы укрощали классовых противников допуском их в элиту общества. «Привычным вознаграждением за жизнь, проведенную в решительной борьбе против привилегий, служит здесь возведение в пэры» [Mikes, 1974].

Класс был вездесущ в английской жизни, но социальным барьером был лишь в определенной мере. Еще «отец английской поэзии» Джеффри Чосер в «Кентерберийских рассказах» представил модель, в которой люди разного рода занятий могут вместе путешествовать, по очереди доминировать в разговоре и демонстрировать отличительные качества своей социальной среды. А ведущая фигура произведения – рыцарь, архетип английского джентльмена, пример галантности, бла-

городства и самоотверженности представляет собой общий и классово базированный идеал. Цель этого классового идеала – сохранить элемент феодального чувства долга в сердце английского общества.

Идеалы леди и джентльменов опирались на класс, но в некоторой степени были доступны всем, что являлось сильной стороной английской классовой системы, которая позволяла вливаться в аристократические круги людям нетитулованным. Выпускались специальные пособия по воспитанию джентльменов для людей, не родившихся в этом статусе, подтверждением чему служит чрезвычайно успешная книга Генри Пичама «The Complete Gentleman», которая впервые вышла в свет в 1622 году [Horden, 2004, p. 317].

Англичанам внушали, что, ведя себя, как джентльмен, они становились им. Самым главным качеством джентльмена считалось умение проявлять достоинства в момент, когда они оказались лицом к лицу с искушением, трудностью или опасностью.

Карел Чапек в своих «Письмах из Англии» тонко шутит: «Джентльмен является размеренной комбинацией молчания, вежливости, чувства собственного достоинства, спорта, газет и честности. Человек, сидящий напротив вас в поезде, будет раздражать, за два часа не удостоив вас взгляда, и вдруг он встает и вручает вам вашу сумку, к которой вы не в состоянии дотянуться» [Чапек, 2001, p. 56]. Можно сказать, что К. Чапек описывает идеального члена общества незнакомых людей, кому вы можете доверять, не сокращая расстояния между вами.

На английском обществе оставили особенный отпечаток и определили отличия его социальной элиты два примера коллегияльного образа жизни: академические университеты Оксфорда и Кембриджа, и клуб джентльменов – институт, созданный англичанами для того, чтобы увековечить чувство принадлежности, которое они приобрели в колледжах и школах. Связи английской элиты, сложившиеся в школе или колледже, были такого рода, что способствовали доверию при сохранении расстояния. Общность элиты была коллегияльной, а не семейной, и это давало ей силу, чтобы противостоять внешним потрясениям, реформировать себя в ситуациях опасности и обеспечивать честное и надежное поведение своих членов.

Представители верхушки среднего класса, которые провели свое детство в спартанских школах-интернатах и научились «play up, and play the game» среди мальчиков, которые не были братьями, а лишь

посвященными в общий ритуал течения событий, они взяли с собой в последующую жизнь глубокую необходимость в этом коллективном порядке и желание вернуться к нему – вновь открыть для себя сферы, где конкуренция была регулятором кодекса достойного поведения и где дружба имела формальный, благовоспитанный и «холодный» характер. Таким был джентльменский клуб, и именно через клуб так много англичан сформировали связи, которые поддерживали их в трудовой жизни.

Р. Скрутон считает, что классовая система действовала как стабилизирующая сила, а английское общество – одно из наиболее социально мобильных в современном мире [Scruton, 2009, p. 171].

А Энтони Сэмпсон, описывая структуру английского «истеблишмента» и роль каждого его звена, выступает против доминирующей «old boy network» («сети старых мальчиков») и полагает, что англичане поддались неправильному виду элитарности – не элитарности таланта и предпринимательства, а элитарности класса, связей и снобизма [Sampson, 2004, p. 72]. Похожее мнение по поводу того, в какой степени английская элита закрыта для новичков и в какой степени это сдерживает процесс социального обновления, было и у Корелли Барнетта (Correlli Douglas Barnett) [Barnett, 1972].

Хотя английская классовая система порой вызывала немалое возмущение, большинство людей не только научились жить с ней, но и забавляться абсурдом, который она привнесла в повседневную жизнь.

В произведениях Оскара Уайльда и П.Г. Вудхауза возник новый вид классового идеала, аристократические манеры которого были комическими масками. Этот идеал был взращен в изменчивой сфере между высшим и средним классом, где младшие сыновья дворян и старшие сыновья бизнесменов толкали друг друга в дружеской конкурентоспособности. Так, например, в характере леди Брэкнелл в комедии «Как важно быть серьезным» О. Уайльд иронично показал, что можно, притворяясь высшим классом, якобы достичь его положения. Этот театральный идеал распространился по стране. Везде средние классы стремились подражать манере этих «betters» (лучших), приняв обычаи, лексику и произношение, которые, как им казалось, были надлежащими для дворян.

Снобизм мобильного среднего класса объясняется, по мнению Р. Скрутона, его решением, что иерархия и ритуалы, подчас бессмыс-

ленные, должны оставаться на месте. Невозможно подняться в обществе, если нет никакого различия между его дном и верхом. Поэтому средние классы внимательно следят за тем, чтобы высшие классы твердо придерживались данной им Богом роли [Scruton, 2009, p. 156].

Все политические лидеры в демократических странах обеспокоены благосостоянием народа, созданием экономических возможностей для социальной мобильности. Но только размышления политиков Великобритании показывают, что англичане более других поглощены предметом социальной иерархии. Торжество среднего класса давно стало смыслом и целью общественно-политической жизни в Англии. Пятьдесят лет назад консервативный премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан заявил, что классовая война окончена, и «мы ее выиграли». Журналист тори (консервативной партии) сэр Перегрин Уорсторн (Peregrine Worsthorne) ввел памятное выражение «bourgeois triumphalism» (буржуазный триумфализм), чтобы описать годы власти М. Тэтчер, подразумевая окончательный разгром «сливок общества» (the toffs). М. Тэтчер, касаясь этой темы, рассуждала: «Class is a communist concept. It groups people as bundles and sets them against one another» («Класс – коммунистический концепт. Он объединяет людей как пучки и ставит их друг против друга»). А ее заявление в середине восьмидесятых, что «сейчас больше нет такого образования как общество, есть только индивиды и их семьи», привело в ярость сторонников класса [Цит. по: Wheatcroft, 1999 a, p. 130].

Одним из достижений Маргарет Тэтчер считаются изменения в обычной лексике политических дискуссий и общественного восприятия, а именно: переход от традиционной заботы о людях, как коллективных производителях (*collective producers*) на альтернативное понятие людей, как отдельных потребителей (*individual consumers*). Ей удалось акцентировать внимание общества на таких понятиях, как: «*the market*», «*the public*», «*the customer*», «*the individual*» («рынок», «общественность», «клиент», «человек»), тем самым, подорвав язык социальной солидарности производительных классов. В результате политики и риторики М. Тэтчер классовый язык был изгнан из общественных дискуссий и политических дебатов о структуре и природе британского общества. И факт, что последующие лидеры страны не хотят возродить этот язык, является мерой ее успеха в изменении мышления людей о социальной структуре, социальных отношениях и социальной идентичности в Великобритании сегодня.

Д. Мейджор, сменивший М. Тэтчер, объявил своей целью «a classless society» («бесклассовое общество»), под которым он понимал общество, где «we remove the artificial barriers to choice and achievement» («мы удалим искусственные барьеры для выбора и достижений»). Т. Блэр, став премьер-министром, заявил что «we are all middle class now» («все мы теперь средний класс») [Цит. по: Lyall, 2009, p. 194].

Проектом Т. Блэра было «*embourgeoisement*» (обуржуазивание общества) – распространение среднего класса вверх и вниз. Политическая лексика Т. Блэра, как и Д. Мейджора, не выражала никакого стремления содействовать классовой сознательности или разжигать конфликт классов, разговор шел о *сообществе, консенсусе и примирении*, наращивании *взаимных отношений* между индивидуумом и обществом, и эта культура *общности и сопричастности* вроде бы не оставляла места для устаревших и старомодных понятий классовой самобытности, классовых интересов и классовой войны [Цит. по: Wheatcroft, 1999 a, p. 132].

Гордон Браун на посту премьер-министра предпочитал позиционировать себя как защитник самой бедной части общества от происков консерваторов, которые хотят урезать государственные выплаты, но планируют выплату бонусов своим богатым спонсорам. Это возвращало общество в 1970-е, к «политике зависти». Сторонники перемен в партии Брауна, считавшие, что Блэр увёл лейбористов от старых социалистических схем, чтобы получить поддержку среднего класса, и не желавшие опять выводить партию на линию классовой борьбы, к такой установке премьер-министра отнеслись отрицательно.

Принадлежность к высшему обществу в современной Великобритании демонстрировать стало немодно. Но в сегодняшнем коалиционном правительстве Британии, возглавляемом с 2010 года Дэвидом Кэмероном (выпускником Итона – элитной частной школы) от тори и его замом Ником Клеггом от либерал-демократов, почти три четверти кабинета министров, включая Клегга и Кэмерона, вышли из ведущих британских вузов – Оксфорда и Кембриджа. Выпускников привилегированных учебных заведений среди новых руководителей намного больше, чем среди традиционно «рабочей» лейбористской партии, которая возглавляла британское правительство 13 лет.

Самое странное то, что общество, похоже, радо таким переменам, отмечает Newsweek International. «Сегодня увлеченность средств мас-

совой информации Кэмероном, как выходцем из элиты, продолжается», – отмечает издание [Цит. по: Ищенко, 2010].

Такая ситуация говорит о том, что, несмотря на внешнюю толерантность и открытость, Британия остается классовым и закрытым обществом, в котором происхождение во многом определяет образовательные и карьерные шансы следующих поколений.

С другой стороны, образование Д. Кэмерона сыграло крайне малую роль на последних выборах. «Классовое сознание становится слабее, очевидно, что оно больше не будет значительным социальным признаком, как раньше», – говорит профессор социологии в Оксфордском университете Энтони Хит. Особенно, по его словам, это заметно среди молодежи и выходцев из других стран [Цит. по: Ищенко, 2010].

На этих выборах тори стали активно бороться за новый электорат, считавшийся ранее лейбористским, отмечает замдиректора Института Европы РАН Алексей Громыко: «Социально-классовая система в стране поменялась, партии последовали за этими изменениями. Тори постарались привлечь так называемых средних богатых и представителей свободных профессий» [Цит. по: Химшиашвили, 2010].

Но тем не менее дебаты по поводу сохранения классов в Британии не затихают.

В 1997 году Эндрю Адонис и Стивен Поллард в книге «A Class Act» поставили под сомнение идею «бесклассового общества Великобритании», хотя Англия, которую они описывают, очень отличается от классово одержимой Англии (class-ridden England) времен Оруэлла. Продолжает существовать монархия и знать (сословие пэров), хотя пэры в скором времени могут быть лишены своих последних законодательных прав, есть еще высший класс. Адонис и Поллард признают, что сейчас гораздо больше социальной мобильности в Англии, чем было даже на памяти живущих. «Супер-класс» («super class»), которому они посвящают главу, очень далек от старого высшего класса (old upper class) по происхождению и рангу, но это – «новая элита ведущих специалистов и руководителей («new elite of top professionals and managers»), хотя меритократическая, но все же эксклюзивная, очень высокооплачиваемая, но глубоко убежденная в справедливости своего вознаграждения, и все больше отделенная от остальной части общества благосостоянием, образованием, ценнос-

тями, местом жительства и образом жизни» [Adonis, Pollard, 1997, p. 259]. Но ведь врагам старой аристократии всегда хотелось, чтобы карьера была открыта для талантов («career open to the talents»).

Интерес англичан к аристократии не угасает, о чем свидетельствует появление все новых книг о «сливках общества». Так, Чарльз Дженнингс (Charles Jennings) забавно описывает в «People Like Us: a season among the upper classes» («Люди подобные нам: сезон среди высших классов») (1997) закрытый привилегированный, потворствующий своим желаниям мир, деяния тех, кто посещает модные светские мероприятия – знаменитые скачки Роял Аскот (Royal Ascot) или королевскую регату в Хенли, как натуралист, наблюдающий исчезающие виды.

Английский литератор, ученый-славист Дональд Рейфилд в своих «Заметках об Англии» язвительно замечает, что «среди английской аристократии трудно найти теперь меценатов или людей творческих. Что до их культурного уровня, они жалки в своей допотопной ископаемости. ...Империя строго соблюдает сословные различия, хотя в Англии все уже перемешано так, что среднего профессора трудно отличить от среднего бомжа» [Рейфилд, 1994].

Медленно, но верно старый истеблишмент заменяется новым, более крупным и более меритократическим средним классом. Средний класс характеризуется большей терпимостью к различиям, большей амбициозностью в достижении успеха, большими возможностями зарабатывать себе на достойную жизнь. Средний класс включает в себя миллионы людей, традиционно рассматривающих себя в качестве рабочего класса, но чьи амбиции гораздо шире, чем были у их родителей, бабушек и дедушек [Wheatcroft, 1999 б].

И все же важность существования классов для англичан вряд ли можно переоценить. О преданности англичан классовой системе, которой постоянно грозит уничтожение, но которая упорно остается центральным, определяющим моментом жизни английского общества, пишут «типичные англичане» Энтони Майол и Дэвид Милстед. Они считают, что англичанин воспринимает свой класс как очень большой клуб, членом которого он является [Майол, Милстед, 2001, с. 21].

Социальный антрополог Кейт Фокс, книга которой «Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour» (2004 г.) произвела фурор на родине своим поразительно точно представленным портре-

том английского общества, утверждает, что Англия – культура с высокоразвитым классовым сознанием, однако в действительности те категории, которыми англичане мыслят о социальном классе – и определяют положение человека в классовой структуре, – имеют мало общего с упрощенной трехуровневой моделью (высший класс, средний класс, рабочий класс). Англичане судят о социальном классе по более сложной совокупности едва уловимых признаков: организация быта, обустройство дома, марка автомобиля, поведение, речь, стиль жизни.

При этом англичане едва ли не с издевкой произносят слова «rich» и «wealthy» («богатый», «состоятельный»), когда характеризуют кого-то, и те, кого так можно охарактеризовать, редко употребляют эти же слова, говоря о себе: они признают, не очень охотно, что они «quite well off» («вполне обеспеченны») [Фокс, 2008, с. 232–233].

Основанная на классовой принадлежности, определяемой по происхождению, английская система социального статуса отличается от американской, базирующейся на принципе «меритократии», тем, что американцы кичатся своим высоким положением, считая, что они заслужили богатство и власть, для англичан это признак дурного тона. Англичане делают вид, что стыдятся своего богатства, стараются не привлекать внимания к этому факту. Можно отметить, что английские снобы желают доказать, что стиль и традиции для них важнее, чем деньги. Англия является одной из последних стран, цепляющейся за внешние формы феодализма. В то же время Англия не имеет реальной аристократии, знаменитые так называемые старые средневековые семьи, кто разбогател в шестнадцатом, семнадцатом и восемнадцатом веке, почти полностью исчезли. Как пишет в своем эссе Дж. Оруэлл, каждая новая волна выскочек не просто заменяла существующий правящий класс, а принимала его привычки, вступала в брак с ним, и после одного или двух поколений, становилась неотличимой от него [Orwell, 1970].

Известный критик и журналист А.А. Гилл, напротив, считает, что сейчас классовой системы в Англии нет, это экс-классовая система, конечно, она по-прежнему используется, ее гроб все еще выносятся, ярлыки приклеиваются, чтобы добавить больше цвета, чем веса [Gill, 2006, p. 86].

Классовую систему упраздняют: массовая культура, универсальное здравоохранение, улучшение жилищных условий, дешевые пу-

тешества, массовая занятость, большие города, поп-музыка, свобода личных отношений. Старые классовые деления, различия между регионами, этническими меньшинствами потеряли в современном мире свою значимость.

Однако уже после Второй мировой войны четко прослеживается тенденция к появлению социальных групп нового типа – молодежных племен со своими стилями. Как утверждает А. Гилл, «все эти яппи (yuppy) и чавы (chavs), Эссекские девушки (Essex girls) и виггеры (wiggers), трастафарианы (trustafarians), слоун-рейнджеры (sloane-rangers) и «люди с Мондео» (Mondeo men) – насмешливые сокращенные определения жителей современной Англии от рекламных гуру и редакторов, но не от членов клубов. Все эти едкие ничтожные определения нового общества навязаны извне. Это оскорбления, издевательства. Но это делает Англию неожиданно захватывающим местом для конкуренции и союзов» [Gill, 2006, p. 88].

Необходимо отметить, что в современной Англии молодой человек, выходя из замкнутой социальной ячейки, такой как семья, неминуемо попадает в социальный вакуум, поэтому принадлежность к особым сообществам, где чувство локтя – единственно возможный способ выживания в «антиобщественном обществе», чрезвычайно притягательна. Представители низших классов охотнее вступают в такие субкультурные группы, тем самым, пытаясь стереть границу своей неустроенности в классовом обществе корпоративного государства.

«Система классов теперь живет в книгах, газетах, журналах и всех остальных средствах массовой информации», – пытается убедить А.А. Гилл [Gill, 2006, p. 84].

И все же социальные барьеры в Британии существуют и остаются крайне высокими. Например, в 2009 г. правительственные аналитики, возглавляемые бывшим министром Аланом Милберном, проведя масштабное социологическое исследование по всей Британии, заключили, что во многих профессиях существует «закрытая цеховая ментальность», которая отсекает молодых людей из семей с низким и средним доходом. В докладе «Равный доступ к профессиям» утверждается, что «недостойное происхождение» стало более значимым препятствием для хорошей карьеры. Многие профессии, такие как адвокат или медик-специалист, стали «социально привилегированными», открытыми для меньшего числа людей. Эксперты обнаружи-

ли, что 75% судей, 70% финансовых директоров и 45% всех чиновников учились в частных школах, которые в Британии могут позволить себе лишь наиболее обеспеченные слои населения (лишь 7% всех британцев учились в таких учебных заведениях). Но даже среди тех, кто попал на высокооплачиваемую работу без «корочки» престижного университета, большинство (семь из десяти) – выходцы из семей с высоким достатком. Очевидно, в их случае особую роль играют те самые «правильные» знакомства [Маслов, 2009].

Итак, на протяжении последних трех веков истории Великобритании, найдется немного свидетельств проявления классового самосознания и классовой борьбы. Тем не менее можно наблюдать заметное понимание класса как социального представления и социальной идентичности. Из трех моделей британского общества (класс как иерархия; класс как «высший», «средний» и «ниже»; класс как «высший» и «ниже»), которые предлагались с начала восемнадцатого века, класс как иерархия, имел самое широкое и самое неизменное обращение. Отчасти это происходит потому, что Великобритания сохраняет нетронутыми разработки формальной системы ранга и приоритета, вершина которой – монархия, и которая означает, что престиж и честь могут быть переданы и унаследованы из поколения в поколение. Но, кроме того, в более широком плане место британца в этой классовой иерархии определяют также и такие факторы, как: происхождение, акцент, образование, поведение, манера одеваться, особенности отдыха, тип жилья, и стиль жизни. Именно эти формальные и неформальные иерархии престижа и статуса, имеются в виду, когда говорят о «британской классовой системе». И в начале двадцать первого века британцы – классово связанная и классово одержимая нация. Класс по-прежнему имеет большое значение для правильного понимания истории и культуры Великобритании и, в частности, Англии.

Как точно отметил Дж. Оруэлл, «...England will still be England, an everlasting animal stretching into the future and the past, and, like all living things, having the power to change out of recognition and yet remain the same» (Англия останется Англией, вечным организмом, простирающимся в будущее и в прошлое, и, как всякое живое существо, обладающим способностью изменяться до неузнаваемости и при этом оставаться собой) [Orwell, 1970].

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что феномен CLASS занимает одно из наиболее значимых мест в аксиологической системе британской лингвокультуры – на его базе исторически строится британская ценностная картина мира. Как выясняется, многочисленные фрагменты действительности получают оценку через призму классового сознания англичан: организация быта, способы времяпрепровождения, культура речи, окружение/друзья. Стремление подняться выше по социальной лестнице остается неизменным в обществе. На идее классовости базировались ценностные идеалы леди и джентльмена, являющиеся квинтэссенцией благородного английского поведения, а также концепт Oxbridge, демонстрирующий пример коллегиальной общности элиты.

Чувство классовой принадлежности упорядочивает жизнь англичанина, действует как стабилизирующая сила, вызывает не только негативные, но и положительные эмоции.

К одной из характерных черт английской культуры, которая внедрялась на протяжении веков правящими классами, можно отнести особое представление о равенстве как равенстве перед законом, но не равенстве по статусу.

Наибольшие изменения в социальной структуре общества были вызваны политикой М. Тэтчер, направленной на нивелирование классовых различий, что нашло отражение в лингвокультуре. Язык социальной солидарности производительных классов был подорван. Последующие политические лидеры (Дж. Мейджор, Т. Блэр, Д. Кэмерон) продолжили тенденцию пропагандирования бесклассового языка.

Высокий коэффициент дискусионности феномена CLASS в публицистических изданиях и политических дебатах, живучесть предрассудков в обществе подтверждают большую значимость исследуемого концепта в английской лингвокультуре.

2.2. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ЯЗЫКА КАК ЭКСПЛИКАТОР АНГЛИЙСКОГО ФЕНОМЕНА CLASS

Одним из важных аспектов исследования английского лингвокультурного феномена CLASS являются классовые различия культуры речи. По мнению известного британского ученого-философа и писателя Роджера Скрутона существовало три механизма социального исключения: земля, образование и речь [Scruton, 2009, p. 153].

В настоящей работе будут рассмотрены особенности лексикона англичан в зависимости от классовой принадлежности и лингвистически значимые характеристики произношения представителей разных социальных классов.

Тезис о том, что любой человек обнаруживает свое социальное положение, как только начинает говорить, возможно, в какой-то степени справедлив в отношении всех народов, но наиболее часто на данную тему рассуждали англичане, начиная с Бена Джонсона, заявлявшего: «Language most shows a man. Speak that I may see thee» («Наиболее ярко характеризует человека язык. Говори, чтоб я понял, кто ты такой») [http://www.brainyquote.com/quotes/authors/b/ben_jonson.html], – и до Джорджа Бернарда Шоу, высказывания которого имели более выраженную классовую направленность: «It is impossible for an Englishman to open his mouth without making some other Englishman hate him or despise him» («Едва кто-то из англичан открывает рот, как у другого англичанина тотчас же просыпается либо ненависть к нему, либо презрение») [Shaw, 1959]. В последнее время подверженность классовым предрассудкам не получает одобрения в обществе, но наблюдение Шоу и поныне не утратило актуальности. Считается, что все англичане осознанно или неосознанно используют нечто вроде встроенного компьютера глобальной системы социального позиционирования, который определяет положение человека на карте классовой иерархии, как только он начинает говорить.

Социальная стратификация языка выявляется наиболее эксплицитно на фонетическом и лексическом уровне языка.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ КЛАССОВ АНГЛИИ

Представляется, что наиболее точным индикатором классовой принадлежности является произношение, так как усвоить лексику другого класса относительно несложно.

Как указывает британский антрополог Кейт Фокс, тип звуков, который произносится или игнорируется при произношении, обнаруживает классовую принадлежность говорящего. Представители верхних слоев общества считают свою речь единственно правильной. Аристократическое произношение с выпусканием гласных, напоминающее чем-то SMS-сообщение или телеграмму, является не столь отчетливым. Но такая манера разговаривать, не особо открывая рот,

позволяет говорящему сохранять характер аристократа: надменную непроницаемость лица и неподвижность верхней губы (*stiff upper lip*).

К другим признакам «телеграфного» стиля аристократов можно отнести тенденцию к опусканию местоимений, артиклей и союзов. Представители высшего класса, говоря о себе, по возможности стараются не употреблять «I» («я»), заменяя личное местоимение неопределенным «one».

Высший класс и верхушка среднего основной упор в речи делают на четкое произнесение согласных, в то время как низшие классы отличаются неумением произносить согласные, в частности, смычные (напр., звук «t») и щелевые (напр., звук «h»), которые они глотают или выпускают. С точки зрения аристократов, все остальные слои общества говорят «с акцентом», неграмотно и у них «ленивая» манера речи. Например, если спросить у тех и других, который час, первые ответят «Нрстn», вторые – «Alf past ten» (*half past ten* – «половина десятого»). Слово сочетание «A handkerchief» («носовой платок») первые произнесут как «hnkrchf», вторые – как «ankercheef».

Помимо проглатывания согласных низшие классы зачастую произносят неправильно ряд звуков. Приведем некоторые из них: звук «th» произносится как «f» («teeth» (зубы) как «teef», «thing» (вещь) как «fing») или иногда как «v» («that» (тот, та, то) как «vat», «Worthing» (Уэртинг) как «Worving»), а звук «g» на конце слова превращается в «k» («somefink» вместо «something» (что-то, что-нибудь), «nuffink» вместо «nothing» (ничего)). Манера произношения гласных тоже выдает принадлежность человека к тому или иному классу. Представители низшего класса звук «ei» часто произносят как долгое «ai»: «Dive» вместо «Dave» (имя), «Trisey» вместо «Trasey» (имя). Рабочие с севера Англии склонны растягивать звук «ai»: «Our Daaave» или «Our Трааasey» (*our* – наш, наша). В свою очередь звук «ai» они произносят как «oi», а аристократический «o» в их устах превращается в «og». Например, «enough of» (достаточно чего-либо) будет звучать как «naff orf» [Fox, 2005, p. 73–75].

Речь аристократов не обязательно более внятная, чем речь низов, но тем не менее необходимо отметить, что неправильное произношение некоторых слов – это зачастую признак низкого происхождения, указывающий на необразованность говорящего.

Однако аристократическая речь и «культурная» речь не всегда одно и то же, между ними есть различия.

«Received Pronunciation» («нормативное произношение»), часто именуемое просто как RP, признается эталоном произношения в британском английском. Оксфордский словарь британской и американской культуры сообщает, что всего 5% жителей Британии говорят с RP accent. Но именно он признан нормой речи, и это произношение легло в основу словарных транскрипций. Сейчас RP – это социальный акцент, «не привязанный» к конкретному региону Британии. Изначально он получил развитие из формы Middle English, используемой в Лондоне и окрестностях. Лондон издавна был экономическим центром Англии, а с XV века стал центром книгопечатания. Так RP распространился среди людей высокообразованных, из высшего класса. К концу XIX века британцы стали настолько озабочены своим произношением, что насущной необходимостью было освоение RP, для того чтобы потерять любой намек на региональный акцент и добиться успеха в карьере, особенно на военной и государственной службе [OGBAC, 2005, p. 393–394].

Известно, что в свое время Маргарет Тэтчер брала уроки по правильному произношению, чтобы скрыть свое рабочее происхождение дочери бакалейщика из захолустья. Лишь однажды миссис Тэтчер потеряла бдительность, когда была невероятно раздражена травлей лейбористов во время резких парламентских дебатов. Тогда она обратилась к оппонентам со словом *frit* (напуганы) (так на линкольнширском диалекте звучит слово *frightened*). Этот исторический момент сравнивали в дальнейшем с поведением Элизы Дулиттл в «Моей прекрасной леди», когда истинная сущность человека выходит наружу в критических ситуациях. Тэтчер так и не удалось загладить этот скандал – рядовые члены парламента из лейбористской партии в любой удобный момент кричали ей: *Frit! Frit!* Это слово депутаты используют с иронией до сих пор в память о былых временах [Lyall, 2009, p. 211].

Среди детей высшего класса и высшего слоя среднего класса RP распространялся через систему частного образования. Позднее RP стали преподавать и в государственных школах.

Статус RP укрепился в 1920-е годы, после того как радиостанция Би-Би-Си начала вещание. Долгое время дикторы говорили с RP акцентом, и этот акцент стал известен как «BBC accent». Стандартный английский с правильной грамматикой и RP акцентом иногда называют «BBC English», «Oxford English» или «the Queen's/King's

English». «Received Pronunciation» (RP) также часто называют «Upper-class «public school accent»», а в среде простого народа такую речь принято характеризовать как «posh» (talking posh).

«The Public School accent» и «the Oxford Accent», введенные в Oxford University, в котором училось большинство бывших выпускников частных школ, сейчас многими расцениваются как искусственные. «The RP», употребляемое членами высшего класса, включая королевскую семью, принято называть «advanced RP» или же «marked RP», и оно также считается неестественным. Его описывают как «clipped» (зажатое), если говорить с напряженным ртом, или «plummy» (сочное), если звучание – таково, как будто оратор держит во рту сливу. Гласные при «marked RP» – особые. Например, «а» в слове «sat» звучит больше как «е» в «set»; короткий звук «о» в слове «cost» звучит как долгий «о» в слове «for»; а «really» и «rarely» и вовсе звучат одинаково.

Однако следует признать, что «cut-glass» accent, присущий поголовно всем ведущим Би-Би-Си еще 20–30 лет назад, сейчас стал редкостью. Безупречным произношением отличается в наши дни разве что принц Чарльз.

Хотя дикторы с сильными региональными акцентами не встречаются на Би-Би-Си, и сегодня дикторам с небольшим шотландским или валлийским акцентом часто отдают предпочтение, так как их акценты звучат более бесклассово, чем английские региональные акценты, с одной стороны, и RP, с другой. Большинство людей в современной Британии говорят на видоизмененной форме RP с небольшими региональными особенностями [OGBAC, 2005, p. 393–394]. Следует принять во внимание, однако, тот факт, что даже мелодичный и благозвучный региональный акцент не перестал служить индикатором социальной принадлежности к выходцам из рабочего класса.

Итак, «оксфордский английский» – это разновидность «культурной» речи, но такое произношение, скорее, присуще верхушке среднего класса, чем представителям высшего: прежде всего оно характеризуется отсутствием призвуков-сорняков («мм», «э-э»), четким произношением гласных и употреблением всех необходимых местоимений, которые избегают употреблять аристократы.

Надо отметить, что, как и неправильное произношение, в том числе иностранных слов, выдает в говорящем принадлежность к низшему классу, так и произношение на иностранный манер часто употребляемых иностранных выражений и географических названий

почти всегда однозначно ассоциируется с принадлежностью к низшему или к среднему слою среднего класса и расценивается как претенциозность и позерство. Например, попытка воспроизвести гортанное французское «г» во французском выражении «en route» («по пути»), шепелявое испанское «с» в слове «Barthelona» (Барселона) или итальянское «Firenze» вместо «Florence» (Флоренция). Представители высшего класса, верхушки среднего и рабочего класса обычно не имеют склонности к подобному произношению.

Премьер-министр Тони Блэр (Tony Blair) во времена своего правления менял произношение в зависимости от социального статуса электората, с которым он общался. Демонстрируя свою близость к народу, Блэр намеренно использовал выговор Estuary English², отличающийся нечеткими согласными, выпуском звука «t» (напр., «battle» становится (BA'ul)). Выступая перед рабочими фабрик или на профсоюзной конференции, Блэр ослаблял, выпускал гласные, пропускал букву h, использовал гортанные взрывы, подсознательно стремясь войти в доверие к простым людям (common men) [De Monplaisir, 2007, p. 252].

Estuary English традиционно признается выговором рабочего класса, но уже в 90-х гг. XX в. лондонские бизнесмены отмечали, что Received Pronunciation воспринималось как недружественное, и Estuary English стал предпочтительнее для деловых целей [Crystal, 1995, p. 327].

Некоторые люди используют акцент как средство «слияния», сближения с простым народом. Такой притворный акцент насмешливо называют «Mockney»³. Исследовав юбилейные речи Елизаветы II,

² Estuary English относится к разновидностям разговорного английского, зародившегося вокруг устья реки Темзы (откуда и возникло его название) и представляющего собой смесь стандартного английского (Received Pronunciation) и юго-восточных диалектов Лондона (cockney), Кента, Эссекса и т.д. Впервые этот диалект сделал объектом научного исследования Дэвид Розворн (David Rosewarne) в статье «Estuary English» в журнале «Times Educational Supplement» в октябре 1984 г. [<http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/rosew.htm>].

³ Термин «mockney» («mock» + «Cockney»), используемый в британском английском с середины 90-х гг. в прессе, описывает людей, позиционирующих себя как Cockneys с целью достижения популярности и признания у простого народа. Стереотипный Mockney происходит из среднего класса или его высшего слоя, из графств близ Лондона. Mockney отличается от Estuary English тем, что является *намеренным* искажением рабочего акцента Cockney.

австралийские лингвисты обнаружили, что даже произношение королевы немного сместилось в сторону Estuary English [«Queen's speech 'less posh'» // BBC News – <http://news.bbc.co.uk/2/hi/science/nature/1080228.stm>], [«The Queen's English of today: My 'usband and I ...»// The Guardian – <http://www.guardian.co.uk/print/0,3858,4108610-103690,00.html>].

По поводу произнесения имен собственных у членов высших классов много фонетических разногласий, которые могут возникать даже в кругу одной семьи в одном поколении. Например, Джонатан Пауэлл (Jonathan Powell), который был руководителем аппарата Тони Блэра, произносит свою фамилию так, что она рифмуется со словом «полотенце» («towel»). А его старший брат, сэр Чарльз Пауэлл, консерватор, который был личным секретарем премьер-министра Маргарет Тэтчер и имел более высокие устремления, рифмует свое имя со словом «roll» (свиток, реестр). У бывшего премьер-министра Джона Мейджора (John Major), которого всегда высмеивали как человека, чей отец работал в шоу-бизнесе, а затем продал садовых гномов⁴, был старший брат по имени Терри Мейджор-Болл (Terry Major-Ball). Когда родился Джон, его мать настояла на том, чтобы его фамилия была Major, без второй части Ball, что, безусловно, помогло ему сделать более успешную карьеру, чем Терри [Pearce, 2007].

Еще один пример можно привести относительно произношения названия родового замка Спенсеров. В 1998 году, через год после гибели принцессы Дианы, ее брат, граф Спенсер, заявил, что он в одностороннем порядке решил изменить произношение их семейного загородного поместья Althorp в Нортгемптоншире. Ранее в аристократических кругах это название было принято произносить как (*AWL-trupp*), новым же произношением стало (*AWL-thorp*) как более логичный и доступный вариант. Граф сообщил эту новость в пресс-релизе, который был впервые посвящен произношению аристократических имен. Однако британские журналисты, не благоволящие к Спенсеру за то, что тот их публично винил в смерти Дианы, отнеслись цинично к этой новости. «A staggeringly important world announcement by Earl Spencer» («Ошеломляюще важное всемирное заявление от графа Спенсера») [Kerr, 2000], глумились в британском таблоиде *The Daily Mirror*.

⁴ Садовые гномы – традиционное украшение в садах людей из низших классов.

Возможно, это показалось незначительной неинтересной новостью об изменении произношения названия какого-то старинного сельского поместья. Но в некотором роде эта новость стала ударом в классовой войне, которая все еще имеет место в жизни британского общества. Заведующая крошечным почтовым отделением в соседнем Грейт Брингтоне⁵ Кристина Уайли (Christine Whiley) заявила: «I'm glad he's finally bowed to public opinion. Visitors were always embarrassed when I told them they were mispronouncing it» («Я рада, что он (граф) наконец-таки снизошел до общественного мнения. Приезжие всегда смущались, когда я им говорила, что они коверкают название») [Lyll, 2009, p. 194].

Разумеется, граф Спенсер не превратился из аристократа в простолудина. С его стороны это был рекламный трюк: он желал привлечь туристов к мемориальному комплексу Дианы в Алторпе и знал, что простой люд может запутаться с названиями. После смерти Дианы один из иностранных телеканалов сообщил, что ее тело доставят к месту последнего пристанища, в Антверпене (Antwerp вместо Althorp).

Большинство аристократических имен звучат нерационально. Одним из имен Спенсера является «Maugise», которое звучит в разговоре как (*MORE-is*), что совпадает с именем персонажа в одноименном романе Эдуарда Моргана Форстера «Морис», рассказывающем о любовных взаимоотношениях двух друзей-студентов Кембриджского университета, принадлежащих к английской аристократии и среднему классу соответственно.

Другие имена настолько многослойны, что иногда это похоже на чудачество со стороны родителей-аристократов. Например, полное имя принца Чарльза – Charles Philip Arthur George Mountbatten-Windsor (Чарльз Филипп Артур Джордж Маунтбэттен-Виндзор), а одну английскую леди, известную актрису и модель зовут Isabella Amaryllis Charlotte Anstruther-Gough-Calthorpe (Изабелла Амариллис Шарлотта Анструтер-Гоф-Калторп), причем последняя часть имени произносится как (*CAW-thorp*).

Двойные имена (например, Спенсер-Черчилль) являются способом показать, что у вас есть два набора знаменитых предков, а статусные брачные союзы имеют славные традиции в Англии.

⁵ Great Brington – классическая экс-феодалная деревушка, большинство территории которой принадлежит Спенсерам.

Фонетические отклонения от нормы в высших классах британского социума просматриваются повсеместно. Маркизов Чолмондели (the Cholmondeleys) называют (*CHUM-leys*), графа Гервуда (the Earl of Harewood) – (*HAR-wood*), фамилию the Beaulieus произносят как (the *BEW-leys*) в соответствии с обычаем, по которому французские слова должны произноситься как можно дальше от их фактического французского прочтения.

Топонимы и антропонимы французского происхождения принято читать на английский манер: улица в лондонском районе Найтсбридж Beauchamp Place произносится как (*BEACH-um Place*), шекспировский Жак (Jacques) звучит по-английски как (*JAKE-weeze*), слово «valet» становится (*VAL-let*), и даже музей восковых фигур Мадам Тюссо (Madame Tussaud's) для некоторых англичан – (*MA-dum TOO-sods*).

Писатель Сара Лайлл, пытаясь выяснить причины тяги аристократов к запутанным законам произношения и как об этих особенностях догадываться простым людям, опросила штат Cholmondeley Castle, родового замка семьи Чолмондели и Hatfield House, родового имени древнего знатного семейства Cecil (при произнесении рифмуется со словом «thistle»). В замке Чолмондели гид ответила, что это естественный отбор, те знания, которыми вы либо обладаете, либо нет. Библиотекарь в Hatfield House объяснила: «It's one of those class-distinction indicators that people like to hang on to to show that they're upper class» (Это один из индикаторов классовых различий, за который держатся аристократы, чтобы подчеркнуть, что они из высшего класса) [Lyall, 2009, p. 196].

В то время как снобистские высшие классы уверены в правоте своих эксцентричных фонетических правил, сомневающиеся низшие классы отчаянно пытаются им соответствовать. Герой классической телекомедии «Соблюдая приличия» («Keeping Up Appearances») карьерист Hyacinth Bucket (Гиацинт Баки~~т~~-ведро) настаивает на том, чтобы его звали (*boo-KAY*) (*букет*). Комичное семейство the Sidebottoms (Сайдботтом – боковое сиденье) в какой-то момент видит себя как the (*sid-AY-heau-TOMS*), члены семьи the Deaths (Дет – смерть) решили разбавить свою фамилию артиклем the De»aths, чтобы она произносилась как (*DEE-ath*).

Правильное произношение необязательно отражает истинный порядок букв в словах. Удачным примером представляется наименование графства Worcestershire (Вустершир), которое приезжие по не-

знанию называют (*War-CHEST-er-shire*), но по-британски оно звучит как (*WUSS-ter-sheer*). Можно привести примеры и с лондонскими топонимами: Gloucester Road (Глостер Роуд) читается как (*GLOSS-ter*) Road, а площадь Leicester Square (Лестер Сквер) в лондонском районе Сохо произносится (*LES-ter*) Square. В Оксфорде есть Magdalen College, а в Кембридже – Magdalene College, оба следует произносить как (*MAUD-lin*).

*ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КЛАССОВОЙ СИСТЕМЫ АНГЛИИ*

Любой экскурс в историю класса в Великобритании предполагает возврат в 1954 год, когда английская писательница Ненси Митфорд (Nancy Mitford) (1904–1973) в журнале «Encounter»⁶ разделила лексику на две группы в своем знаменитом эссе «Английская аристократия» («The English Aristocracy»): на слова, употребляемые представителями высшего сословия, и слова, употребляемые aspiring «middle classes» (честолюбивыми средними классами). Высший класс она обозначила как «U», средние классы и ниже – «non-U». Обсуждение не затрагивало речь рабочих классов, которые во многих контекстах употребляли те же слова, что и высшие классы.

Хотя репутация социально проницательного автора полностью досталась Н. Митфорд, справедливо было бы уточнить, что ее эссе являлось ответом на статью профессора лингвистики в Бирмингемском университете Алана Росса (Alan S. C. Ross) «Linguistic class-indicators in present-day English» («Лингвистические классовые индикаторы в современном английском», опубликованную в финском научном журнале в 1954 году.

В своей работе, которая осталась практически не замеченной из-за малого тиража журнала, А. Росс утверждал, что лексикон говорящего и выбор слов – самые быстрые индикаторы его классовой принадлежности. Он привел примеры. Представители высших классов (U-speakers) употребляют слова «house», «ill» и «rich»; представители более низких классов (non-U speakers) скажут: «home», «sick» и «wealthy» соответственно. Высший класс использует лексемы «napkin» и «lavatory paper»; остальные употребляют «serviette» и «toilet

⁶ «Encounter» («Энкаунтер») – журнал англо-американской интеллигенции и культурной общественности, издававшийся в Англии с 1953 по 1990 год.

paper» соответственно; обед говорящие из высших классов называют «lunch», а низы – «dinner» [Ross, 1954, p. 113–149].

Ненси Митфорд расширила списки слов представителей высших классов (U words) и всех остальных говорящих (non-U words). Она корректно установила границы вокабуляров этих двух социальных групп, добавив к списку высших слоев часто употребляемые лексемы «sofa», «jam», «pudding», «false teeth», «spectacles», «telegram», «England» и к списку лексики низших классов – «settee», «preserves», «sweet», «dentures», «glasses», «wire», «Britain» соответственно.

Работа Н. Митфорд произвела сенсацию. «Левые» осудили ее как несовременную и снобистскую; аристократы притворились, что она к ним не имеет отношения; другие же попытались составить свои собственные списки. Друг Н. Митфорд Ивлин Во (Evelyn Waugh) также написал в ответ ироничное эссе, в котором утверждал, что класс «живет» в британской ментальности. Он писал: «Everyone has always regarded any usage but his own as either barbarous or pedantic» («Все всегда расценивают любой оборот речи, кроме своего собственного, как варварский или педантичный») [Noblesse oblige, 1956].

Например, один из друзей Во использовал выражение «MIF» (что означает «сначала молоко» («milk in first»), ссылаясь на привычку низов наливать первым в чашку молоко, и только затем чай) для обозначения людей более низкого положения, чем он. Другой придерживался железного, но своеобразного портновского правила: «No gentleman ever wears a brown suit» (Джентльмен никогда не носит коричневый костюм).

В письме к Н. Митфорд И. Во делился любопытными наблюдениями: «Almost everyone I know has some personal antipathy which they condemn as middle-class quite irrationally. My mother-in-law believes it is middle-class to decant claret. Lord Beauchamp thought it m.c. not to decant champagne (into jugs)... There are very illiterate people like Percy Brownlow who regard all correct grammar as a middle-class affectation. Ronnie Knox blanches if one says, «docile» with a long «o». I correct my children if they say «bike» for «bicycle» («Почти все, кого я знаю, имеют некоторую личную антипатию к привычкам, которые они весьма нерационально причисляют к особенностям среднего класса. Моя теща считает, что средний класс переливает бордо из бутылки в графин. Лорд Бичем считал привычкой среднего класса не переливать шампанское (в кувшины)... Некоторые очень неграмотные люди, та-

кие как Перси Браунлоу, расценивают правильную грамматику как апломб среднего класса. Рони Нокс бледнеет, если кто-то произносит слово «docile» («послушный») с долгим «О». Я исправляю детей, если они говорят: «bike» вместо «bicycle» («велосипед»)» [Noblesse oblige, 1956].

Эссе Н. Митфорд было перепечатано вместе со статьями Ивлина Во, Джона Бетжемана и другими авторами, а также оригинальной статьей Росса в сборнике «Noblesse Oblige: an Inquiry into the Identifiable Characteristics of the English Aristocracy» в 1956 г. («Положение обязывает: Исследование идентифицируемых характеристик английской аристократии») [Noblesse oblige, 1956].

Некоторые из слов-индикаторов устарели к концу XX века, когда в Королевстве распространилась тенденция к «снобизму наоборот» (reverse snobbery), и молодые люди из высшего и среднего класса начали пользоваться элементами речи рабочего класса (Estuary English and Mockney). Отдельные слова-маркеры заменили другие, но сам принцип идентификации остается прежним, и по многим лексемам англичане до сих пор судят о принадлежности человека к тому или иному классу (например, по тому как человек называет дневной прием пищи: «lunch» или «dinner») [<http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/654157>].

Проиллюстрируем с помощью таблицы социальную стратификацию языка на примере наиболее ярких слов-индикаторов.

	Высший класс, аристократы	Верхушка среднего класса	Средняя часть среднего класса	Нижний слой среднего класса	Рабочий класс
1	2	3	4	5	6
не расслышав, спросят:	«What?»	«Sorry», или «Sorry – what»	«Pardon»		«What?»
туалет	loo, lavatory, bog – в иронично-шутливой манере		toilet, gents, ladies, bathroom, powder room, facilities, convenience, latrines, heads, privy		toilet, bog – но без иронии
салфетка	napkin		serviette		

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6
Обед	<i>lunch</i>				<i>dinner</i>
чай в 5 часов дня	<i>tea</i>			<i>afternoon tea</i>	
ужин	<i>dinner (торжеств.) или supper (простой)</i>				<i>tea</i>
небольшой диван	<i>sofa</i>	<i>settee или couch</i>			
гостиная	<i>sitting room или drawing room</i>		<i>lounge или living room</i>		
десерт	<i>pudding</i>		<i>sweet, afters или dessert</i>		<i>pudding</i>
светский	<i>smart</i>			<i>posh</i>	
родители	<i>mummy и daddy</i>		<i>mam и dad</i>		
о своих родителях	<i>my mother и my father</i>		<i>my mum и my dad (или me mum и me dad)</i>		
дамская сумочка	<i>bag</i>		<i>handbag</i>		
духи	<i>scent</i>		<i>perfume</i>		
скачки	<i>racing</i>		<i>horceracing</i>		
поход на вечеринку	<i>party</i>		<i>«go to a function»</i>	<i>«go to a do»</i>	
еда и напитки на приемах	<i>food and drinks</i>		<i>refresh- ments</i>		
порция еды	<i>helping</i>		<i>portion</i>		
первое блюдо	<i>first course</i>		<i>starter</i>		
свое жилище	<i>house</i>		<i>home или property</i>		

Низшие классы стремятся к усвоению вокабуляра высших классов, и как только они вводят слова аристократии в свою речь и начинают активно пользоваться ими, высшие классы отказываются от них и применяют новые [Ивушкина, 1997, с. 15].

По мнению Кейт Фокс, на современном этапе существует семь слов, которые англичане, принадлежащие к высшему обществу и к

верхушке среднего класса, считают безошибочными индикаторами классовой принадлежности, это – *pardon, toilet, serviette, dinner, settee, lounge, sweet*. Рассмотрим подробнее принципы употребления этих лексем.

У аристократов и представителей верхушки среднего класса слово *pardon* (извините, простите) является безусловным табу, более строгим, чем бранные выражения. В английском языке даже закрепилось слово «Pardonia», которым называют пригороды, населенные представителями низов среднего класса [Fox, 2005, p. 76].

Газета *The Daily Telegraph* предложила своеобразный тест на определение классовой принадлежности: беседуя с англичанином, нужно умышленно сказать что-нибудь очень тихо, так, чтобы вас не расслышали. Низшие классы спросят: «Say again?», представитель верхушки среднего класса скажет: «Sorry?» («Прошу прощения?») или «Sorry – what?» («Простите, что вы сказали?»), выходцы из средней части среднего класса скажут: «Pardon?», а люди из высшего общества и рабочие одинаково переспросят: «What?» («Что?»). Последние, возможно, проглотят звук (t) – *Wha?*, но это будет единственное отличие. Иногда представители верхушки рабочего класса, метящие в средний класс, могут употребить слово *pardon*, ошибочно полагая, что это звучит «по-светски» [Lyll, 2009, p. 200].

Toilet («туалет») – еще одно слово, которое заставляет представителей высших классов морщиться и обмениваться многозначительными взглядами, если оно произнесено выскочкой из низов. Представители этих слоев общества употребляют слово *loo* (уборная) или *lavatory* (уборная, туалет), которое аристократией произносится как [lavuh`gy] с ударением на последнем слоге. Слово *bog* (нужник) – также допустимо, но только если оно произнесено в иронично-шутливой манере. (Рабочий класс также иногда употребляет *bog*, но без иронии). Все выходцы из рабочего класса равно как низы и средняя часть среднего класса, говорит *toilet*, с той лишь разницей, что первые глотают конечный звук «t». Лексема *toilet* имеет целый ряд эвфемизмов (*gents* (мужская уборная), *ladies* (дамская комната), *bathroom* (ванная комната), *powder room* (дамская уборная), *facilities* и *convenience* (удобства) и шутливые выражения *latrines* (отхожее место), *heads* (уборная) и *privy* (уборная)), которые в основном употребляют представители нижней и средней части среднего класса с претензией на более благородное происхождение. Женщины обычно ис-

пользуют эвфемизмы первой группы, а мужчины отдают предпочтение более шутливым словам [Fox, 2005, p. 76–77].

Слово *toilet* многим англичанам кажется неприятным из-за скользящего звука [Oy] в середине. Некоторые представители старшего поколения полагают, что использование в речи этого слова равнозначно сквернословию и является важнейшим классовым маркером. Журналисту газеты *the Guardian* Джонатану Марголису, писавшему статью о самом нецензурном слове английского языка (the f-word), одна из интервьюируемых призналась: «I»d rather my children said «f***» than «toilet» (Уж лучше пусть мои дети скажут слово «f***», чем «toilet»). Шестидесятидевятiletний граф Онслоу (Earl of Onslow) написал в очерке для газеты *The Times*, что для него это «almost impossible to force the word «toilet» between my lips» (практически невозможно пропустить слово «toilet» сквозь губы). Помимо произнесения, для него также неприемлемо было и написание этого слова, поэтому граф настаивал на варианте *toilette*, как он написал в рукописи своего очерка [Lyll, 2009, p. 205].

На языке обитателей Пардонии *serviette* (салфетка) – это еще один эвфемизм, изящное французское слово, которое низшие слои общества употребляют вместо традиционного английского *napkin*, ошибочно полагая, что таким образом они повышают свой социальный статус.

Предположительно, слово *serviette* ввели в употребление особо щепетильные выходцы из низов среднего класса, которые считали, что *napkin* слишком похоже по звучанию на *nappy* (пеленка, подгузник), и хотели заменить его чем-то более благозвучным. Каково бы ни было происхождение данного слова, *serviette* теперь считается точным индикатором принадлежности к низшим классам.

Слово *dinner* (обед, ужин) – само по себе нейтрально, но становится определителем принадлежности к рабочему классу, когда так называют дневной прием пищи, вместо слова *lunch* (ланч). Слово *tea* (чай) тоже указывает на принадлежность к низам, если им обозначают вечернюю трапезу: в высшем обществе ужин принято называть *dinner* или *supper*. Как разъясняет К. Фокс, формально *dinner* – более торжественный ужин, чем *supper*: если приглашают на ужин, назвав его *supper*, вероятно, речь идет о простом застолье в кругу семьи, скорее всего, на кухне. Иногда приглашающий выражается более определенно, указывая, что это будет *family supper* или *kitchen supper*.

Представители высшего общества и верхушки среднего класса чаще употребляют слово *supper*, чем представители среднего и нижнего слоев среднего класса. *Tea* для высшего класса – это прием пищи примерно в четыре часа дня: чай, пирожки, булочки (*scone* – аристократы произносят с коротким «о»). Низшие классы называют эту трапезу *afternoon tea* (полдник) [Fox, 2005, p. 77].

Те, кто говорит – «d'lunch», – что, как отмечает Джилли Купер, по звучанию немного напоминает говор жителей Вест-Индии, – пытаются скрыть свое рабочее происхождение, в последний момент вспоминая, что обед словом «dinner» называть нельзя. Они также могут сказать «t'dinner» – что сбивает с толку, поскольку чем-то напоминает йоркширский диалект – о вечерней трапезе, которую они едва не обозвали «чаем» (*tea*) [Cooper, 1979].

Приглашение на *dinner* или на *tea* может, таким образом, «выдать» социальный статус хозяев. В зависимости от их класса время приема гостей может прийти на полдень или на вечер в первом случае, и на четыре или семь часов во втором случае.

Settee (канapé) или *couch* называют небольшой диван люди не выше среднего слоя среднего класса. Представители верхушки среднего класса и аристократы употребляют слово *sofa*. Но лексема *couch* не относится к однозначным классовым индикаторам, таким, как *pardon*, так как из-за популярности американских фильмов и телепрограмм это слово распространилось среди молодежи из верхушки среднего класса. *Settee* остается табу у высших классов и может быть употреблено в разговоре только иронично.

Гостиную низшие классы обычно называют *lounge* или *living room*, а высшие классы предпочитают номинации *sitting room* и *drawing room*. Словосочетание *drawing room* (короткая форма от *withdrawing room*) считалось ранее единственно правильным обозначением гостиной, но, по мнению многих представителей верхушки среднего класса и высшего общества, сейчас не всегда целесообразно называть небольшую комнату в обычном многоквартирном доме *drawing room*, поэтому в обиход вошло словосочетание *sitting room*. Иногда члены верхней части среднего класса могут употребить лексему *living room*, но *lounge* позволительно использовать только среднему слою среднего класса и низам. Как едко замечает К. Фокс, это слово – ловушка, с помощью которой легко выявить выходцев из среднего слоя среднего класса, пытающихся выдать себя за представителей более высокого

сословия: пусть некоторые из них научились не употреблять *pardon* и *toilet*, но они часто не осознают, что *lounge* – это тоже «смертный грех» [Fox, 2005, p. 78].

Как и *dinner*, слово *sweet* (десерт) само по себе не является индикатором классовой принадлежности, но становится таковым, если употреблено не к месту. Верхушка среднего класса и высшее общество настаивают на том, что «сладкое блюдо, подаваемое в конце обеда или ужина» должно называться *pudding*, вне зависимости от того, что оно содержит. Употребление слов *sweet*, *afters* и *dessert* – признак низкого происхождения и в среде высших слоев общества считается неприемлемым. Слово *sweet* можно свободно употреблять лишь в качестве прилагательного, но как существительное – только для обозначения того, что в американском английском называется *candy* (конфета). Фраза же «Does anyone want a sweet?» («Кто-нибудь желает десерт?») характерна для речи среднего слоя среднего класса или более низкого сословия. *Afters* также выдает в говорящих выходцев из низов. Некоторые американизированные молодые люди из верхушки среднего класса употребляют *dessert* – слово, которое признается наименее «низкопробным» из названных трех, но и менее надежный индикатор классовой принадлежности, поскольку, помимо основного значения, в среде высших классов *dessert* традиционно означает блюдо из свежих фруктов, которое подается в самом конце еды, после пудинга, и едят его ножом и вилкой [Fox, 2005, p. 102].

Кроме рассмотренных семи лексических элементов – самых надежных индикаторов классовой принадлежности, есть целый ряд других слов, на которые чутко реагируют внутренние датчики системы социального позиционирования англичан.

Как отмечает К. Фокс, если вы хотите «*talk posh*» («говорить по-светски»), для начала перестаньте употреблять само слово *posh*: по меркам высшего класса нормой в этом случае является слово *smart* (изящный, элегантный, светский). Для верхушки среднего сословия и представителей высшего класса употребление лексемы *posh* возможно только в ироническом, насмешливом ключе [Fox, 2005, p. 79].

Понятие «*common*» (простой, обыкновенный; антоним понятия «*smart*») включает все, относящееся к среднему слою среднего класса и ниже; также это эвфемизм для обозначения понятия «рабочий класс». Но с наступлением эпохи политкорректности слишком частое употребление этого слова – признак снобизма выходца из среднего

слоя среднего класса, стремящегося дистанцироваться от низших классов. Более приемлемое слово в этом случае *naff* (пустяковый, нестоящий). Оно имеет несколько значений: 1) может означать то же самое, что слово *common*, а также 2) «жалкий», «нищенский», «невзрачный» или 3) «безвкусный» [<http://www.thefreedictionary.com/naff>; <http://onlineslangdictionary.com/definition+of/naff>]. Это слово стало общим универсальным выражением неодобрения и неприятия. Подростки часто употребляют *naff* попеременно с другими частотными оскорбительными словами *uncool* (отстой) и *mainstream* (тухлый).

Разумеется, это не исчерпывающий список классовых различий в лексике, которая, как можно заметить, в некоторых случаях поразительно идентична у рабочего и высшего класса и существенно отличается от лексики всех остальных классов. Социальный статус, положение в обществе и образование – основные факторы, определяющие языковые различия среди англичан.

Безусловно, англичане, как и прежде, очень восприимчивы к классовым различиям, но сегодня, соблюдая нормы политкорректности, многие стыдятся своих сословных предрассудков и стараются их скрывать. Представители среднего класса, прежде всего, его верхушка, в этом вопросе особенно щепетильны. Они стараются не употреблять в отношении кого-то или чего-то выражение *working class* (рабочий класс), которое заменяют различными эвфемизмами: *low-income groups* (группы населения с низкими доходами), *less privileged* (менее привилегированные), *ordinary people* (простые люди), *less educated* (менее образованные), *the man in the street* (человек с улицы), *tabloid readers* (читатели бульварной прессы), *blue collar* (синие воротнички), *state school* (бесплатная школа), *council estate* (муниципальный микрорайон), *popular* (народный) и т.д.

Тактичные представители верхушки среднего класса порой стараются совсем не употреблять слово «класс», заменяя его словом *background* (происхождение, среда, связи и окружение).

Однако англичане из рабочей среды не заменяют слово «класс» эвфемизмами и называют себя *working class*; англичане из высшего света тоже зачастую прямо и категорично высказываются о классах, что не означает, что у представителей верхов и низов английского общества в сравнении со средними слоями менее развито классовое сознание. И те, и другие не боятся называть вещи своими именами, с одной стороны, и представление о социальной структуре общества у

них тоже несколько иное, чем у среднего класса, с другой стороны. Их радар социального позиционирования признает, как правило, три класса: рабочий, средний и высший, а иногда всего два. Рабочий класс склонен делить мир на две части: *us and the posh* (мы и свет), высший класс видит только *us and the plebs* (нас и плебс) [Fox, 2005, p. 81].

Хотя в современной Британии классовое сознание с годами ослабевает, но в 2007 году общественность активно обсуждала эту проблему, когда принц Уильям (Prince William) на время расстался со своей возлюбленной из колледжа Кейт Миддлтон (Kate Middleton). Если не учитывать социологические факторы, причина их расставания казалась очевидной: принц был зачислен в школу подготовки офицеров. Но газеты предоставили другое объяснение – классовое. Семью Кейт причисляли к так называемому «*aspirational middle class*» (честолюбивый средний класс), к которому относят всех, кто открыто заявляет о своем желании перейти к более высокому положению в обществе. Мистер и миссис Миддлтон владели успешным торговло-посылочным бизнесом, но миссис Миддлтон жевала резинку в общественных местах, использовала страшное слово *toilet* и в молодости работала стюардессой. В газетах сообщалось, что друзья Уильяма при виде Кейт всякий раз дразнили его фразой «*Doors to manual*» (иронизируя по поводу бывшей профессии матери Кейт), что давило на его высокочувствительную к классовым различиям психику [<http://www.dailymail.co.uk/news/article-449071/William-horrified-sneers-Kates-mum.html>]. Тем не менее, как теперь уже всем известно, любовь победила все преграды, и классовые в том числе.

Британская пресса, подняв в очередной раз проблему класса и обсудив ее со всех сторон, в дальнейшем решила перевести все в ироническое русло. Издание *Daily Mail* предложило шуточные тесты по определению классовой принадлежности: например, «*What kind of rug do you have?*» (Какой у вас ковер?). Если ответ – *shag* (пушистый), это низший класс, если *natural oak floor* (пол из натурального дуба) – средний класс, *threadbare* (потертый) – высший класс.

Таким образом, в процессе речевой коммуникации идентифицируется социальное положение англичанина. Язык стратифицируется как на лексическом, так и на фонетическом уровне: по типу звуков и вокабуляру, которым отдается предпочтение, можно установить класс говорящего. Несмотря на политические и культурные перемены, происходящие в обществе, сознание представителей английской

лингвокультуры продолжает подчиняться классовым нормам. Одновременно в английском обществе распространяется явление «reverse snobbery» (снобизма наоборот), который предлагает новые правила ориентирования в лексическом пространстве языка и вариантах произношения.

2.3. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ, НОМИНИРУЮЩИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ СТРАТ АНГЛИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Значимость классовой системы в Англии трудно переоценить: она издавна выступает структурной рамкой общества, предопределяет социальный путь каждого отдельного его представителя и является призмой, через которую преломляются все традиционные ценности английской культуры.

В данном разделе будет рассмотрен английский феномен CLASS с помощью лингвокультурологического анализа лексических единиц, апеллирующих к различным стратам современного английского общества. Отдельное внимание будет уделено новым лингвокультурным типажам, появившимся в классовой структуре Англии. Под понятием «лингвокультурный типаж», возникшим на стыке лингвокультурологии, лингвоконцептологии и лингвоперсанологии, мы понимаем, вслед за В.И. Карасиком, обобщенный тип личности, выделяемый по социально значимым параметрам в рамках определенного социально-этнического сообщества [Карасик, 2006, с. 103]. Лингвокультурные типажы относят к концептам, содержание которых является узнаваемым и широко распространенным представлением об определенном типе личности, символизирующем ту или иную культуру в целом.

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевого слова» [Попова, Стернин, 2001, с. 62]. Рассмотрим реализацию лексемы *class* в текстах лексикографии, а поскольку данное слово многозначно, для анализа ограничимся интересующими нас социологическими значениями.

Лексема *class* происходит от латинского «*classis*» – «подразделение римлян, оценка или класс учеников» («*a division of the Roman people, a grade, or a class of pupils*») [COED, 2007]. В «Compact Oxford English Dictionary» дефиниции для лексемы *class* таковы:

class noun 1. a system that divides members of a society into sets based on social or economic status – система, разделяющая членов общества на пласты, основывающиеся на социальном или экономическом статусе; 2. a set in a society ordered by social or economic status – пласт общества, организованный по социальному или экономическому статусу [COED, 2007] (перевод здесь и далее наш – Б.Е.).

Collins English Dictionary дает следующие определения лексемы **class**:

2. a group of persons sharing a similar social position and certain economic, political, and cultural characteristics – социолог., группа людей, имеющих похожее социальное положение и определенные экономические, политические и культурные характеристики.

3. a. the pattern of divisions that exist within a society on the basis of rank, economic status, etc. – социолог., модель слоев, существующих в обществе и выделяемых на основе служебного положения, экономического статуса и т.д. b. (as modifier) the class struggle, class distinctions – (как модификатор) классовая борьба, классовые различия [CED, 2003].

Согласно Cambridge Advanced Learner's Dictionary лексема **class** имеет следующие лексико-семантические варианты:

class noun a group of people within society who have the same economic and social position – группа людей в обществе, обладающих одинаковым экономическим и социальным положением. 2. a system that divides members of a society into sets based on social or economic status – система, разделяющая членов общества на группы по социальному или экономическому статусу; 3. a set in a society ordered by social or economic status – пласт общества, диктуемый социальным или экономическим статусом [CALD, 2008].

Как видим, понятие «class» имеет два основных толкования: система, организующая общество по социальному или экономическому принципу, и пласт общества, выделяемый по тем же принципам.

Лексема **class** имеет целый ряд синонимов и эвфемизмов, что доказывает лингвокультурную «разработанность» данного понятия в английском языке. К ближайшим синонимам относятся: *group* (группа, коллектив), *grouping* (группировка), *set* (набор, комплект), *order* (социальная группа, слой), *league* (союз), *division* (деление), *rank* (социальное положение), *caste* (положение в обществе), *status* (положение, статус), *category* (категория), *background* (происхождение, обра-

зование) [STEL, 2002]. Словом *rank* часто обозначают высокое социальное положение (high social standing) [COED, 2007].

Лексема *class* обнаруживает плотную корреляцию с понятием «классовое сознание» (class-consciousness), которое подразумевает четкое знание своего места в обществе и классовых различий (см. прилагательное «class-conscious» – adj very aware of belonging to a particular social class and of the differences between social classes) [OALD, 2005, p. 270].

Язык фиксирует наличие противоположных явлений в обществе – классового сознания, бесклассовости, свободы от классового сознания и классовой борьбы: *class-consciousness, classlessness, class-free, classless, class struggle, class war*, однако два последних словосочетания английские идеографические источники не относят к английскому обществу, ссылаясь на теорию марксизма [OALD, 2005, p. 271].

В триадической концепции социального деления английского общества [Cannadine, 1999] выделяют: *upper class, middle class, working class*. Рассмотрим лингвокультурологические характеристики представителей каждого класса на материале идеографических и публицистических источников.

Высший класс (*Upper class*) – социальная группа, состоящая из людей с наивысшим социальным положением и обычно богатых (a social group consisting of the people who have the highest social rank and who are usually rich) [SSB, 2010]. Или: группы людей, у которых как считается, наивысший социальный статус и больше денег и/или влияния, чем у других людей в обществе (the groups of people that are considered to have the highest social status and that have more money and/or power than other people in society) [OALD, 2005, p. 1686].

Высший класс в Британии является статистически очень малым и состоит из пэров (peerage), дворян (gentry) и землевладельцев (landowners). Эти люди традиционно были самыми богатыми, унаследовав деньги и положение. Обычно они говорят с нормативным произношением (Received Pronunciation) и получили образование в частных школах. Традиционно высший класс имел пренебрежение к торговле.

Понятие «*Upper class*» имеет ряд синонимов. Состоятельных, модных и влиятельных людей принято называть «*high society*». Например: There were 2000 guests from European *high society* at the prince's wedding. – На свадьбе принца присутствовало 2 тысячи гостей из европейского высшего общества [CALD, 2008]. Самых влиятель-

ных людей в стране обозначают как *the ruling class* (правлящий класс) (the most powerful people in a country). Например: He was a member of the *ruling classes*. – Он был членом правящих классов [CALD, 2008]. Номинация *elite* относится к пласту общества самых богатых, влиятельных, образованных или высокопрофессиональных представителей (the richest, most powerful, best educated or best trained group in a society) [CALD, 2008]. *High blood* – «голубая кровь» (об аристократическом происхождении); *the upper crust/ upper crust of society* – «сливки общества»/высший социальный класс (в былые времена самый почетный гость за столом получал право срезать корочку или горбушку хлеба. Так появилось выражение, означающее, что все лучшее достается лучшим, «сливкам»). *The great world* – высший свет.

В основном к высшему классу принадлежит аристократия (*the aristocracy/nobility/nobles*), люди, рожденные в семье из высшего социального класса и наделенные дворянскими титулами (people born in the highest social class, who have special titles) [OALD, 2005, p. 68].

К высшей ступени аристократии относят членов королевской семьи и сословие пэров. Ступенью ниже располагаются баронеты, наследующие титул, но в отличие от пэров, не заседающие в палате лордов. К третьему слою аристократии относят рыцарские ордены [OGBAC, 2005, p. 17]. Таким образом, представителей высшей аристократии номинируют лексемы: *royalty* (члены королевской семьи), *king* (король), *queen* (королева), *monarch* (монарх), *prince* (принц), *princess* (принцесса), *peerage* (пэрство, титул пэра), *peer* (пэр), *peeress* (женщина, имеющая титул пэра; супруга пэра).

Сословие пэров имеет строгую структуру: самое общее деление предполагает наличие двух групп – «*hereditary peers*», пэры, передающие титул из поколения в поколение, и «*life peers*», пэры, получающие персональный пожизненный титул, не передающийся по наследству. Помимо этого, пэрство разделяют на 5 чинов. Самым высшим звеном являются *duke* (герцог) и *duchess* (герцогиня). В современной Великобритании проживают 29 герцогов, 5 из которых – королевские (*royal dukes*), включая the Duke of Edinburgh. Ко второму наивысшему звену принадлежат *marquess/marquis* (маркиз) и *marquioness/marquise* (маркиза), которых на сегодняшний день менее 40. Третью ступень пэрства составляют *earl* (граф) и *countess* (графиня), которых насчитывается около 200. На следующей ступени – *viscount*

(виконт) и *viscountess* (виконтесса). Самый многочисленный, низший слой пэрства представляют *baron* (барон) и *baroness* (баронесса).

В состав ненаследственных пэров (*life peers*) включены *Lords of Appeal in Ordinary*, которых также именуют как *Law Lords* – это высшие судьи в стране; а также *Lords Spiritual* – архиепископы Кентерберри и Йорка и 24 епископа англиканской церкви.

На позиции между пэром и рыцарем располагается *baronet* (баронет), который имеет титул «*Sir*», а его жена – «*Lady*». Низшим членом аристократии является *knight* (рыцарь). В средневековье солдаты получали титул рыцаря за военные заслуги перед местным лордом. В современной Великобритании рыцарством наделяет королева на церемонии, посвященной ее дню рождения или Новому году за успешную государственную службу или другие выдающиеся заслуги. Мужчины-рыцари получают звание, которое используется перед именем – *Sir* (их жены *Lady*), а женщины-рыцари – *Dame*; перед фамилией принято указывать титул.

Широко используемый ранее термин *gentry* (нетитулованное дворянство, джентри), описывающий людей высокого социального класса, как правило, крупных землевладельцев (*people of high social class, especially in the past, (= those who own a lot of land)* [OALD, 2005, p. 647] получил в современной культуре новое языковое воплощение в качестве глагола *gentrify* со значением «поменять статус «бедного» района на «богатый», благодаря людям более высокого социального положения, перемещающимся туда жить». Например, «*The area where I grew up has been all modernized and gentrified, and has lost all its old character*» [CALD, 2008].

Аристократический статус, прежде всего, зависит от происхождения, а не от богатства. Существует множество примеров строгой экономии разорившихся аристократов, пытающихся сохранить свое имущество. В среде обеспеченных людей особым уважением пользуются представители семей, передающих капитал из поколения в поколение. Одобрительным термином *old money* называют не только унаследованное богатство, наделяющее социальным статусом и признанием, но и семью или предков, обладающих таким богатством [RHD, 2010].

Культурно-специфичными номинациями являются лексемы *gentleman* и *lady*. В современном английском языке основные значения слова *gentleman* следующие: 1. формальное или вежливое обра-

щение к мужчине (a formal or polite way of referring to a man); 2. обозначение доброго и вежливого человека с хорошим поведением, особенно по отношению к женщинам, а также с хорошим поведением и манерами (approving, a man who is polite and behaves well towards other people, especially women; a man who is kind and polite and behaves well: He behaved like a perfect gentleman; a man who is polite and well educated, who has excellent manners and always behaves well); 3. человек, принадлежащий к нетитулованному дворянству, социальный класс состоятельных людей, которым не нужно было работать (approving, a man of a high social class; (in Britain, especially in the past) a man who belonged to the gentry, a social class of people who were wealthy and didn't need to work [CALD, 2008; OGBAC, 2005, p. 181; OALD, 2005, p. 647]. В вышеуказанных источниках третье значение дается с пометой «устаревшее», также устарело и слово *gent*, которое имело третье значение лексемы *gentleman* [CALD, 2008].

В настоящее время редко используемыми стали лексемы *dandy* и *toff*. *Dandy* именовали мужчин, одевавшихся в дорогую, модную одежду и очень заинтересованных своим внешним видом (a man, especially in the past, who dressed in expensive, fashionable clothes and was very interested in his own appearance) [CALD, 2008].

Лексема *toff* также отпращивала к состоятельным высшим классам (a member of the wealthy upper classes) [DS, 2010], но все рассмотренные словарные статьи указывают, что данная номинация (в отличие от *gentleman*) имела негативную коннотацию, так как обозначала не только элегантно одетого, богатого джентльмена, но и высокомерного человека, относящегося к высшему классу или претендующему на принадлежность к высшему классу (a person of the upper class or high class pretence and usually communicating an air of superiority) [CED, 2003; LDCE, 1995; RHD, 2010; MFEW, 2012]. Предполагается, что это слово возникло как сленг низших классов в середине XIX в. и стало альтерацией лексемы *tuft* (пучок). Словом *tuft* в середине XVIII в. обозначали дворянина или джентльмена, имея в виду декоративную золотую кисточку на колпаках студентов Оксфорда и Кембриджа, чьи отцы были пэрами и заседали в палате лордов [OED, 2010]. В современном английском языке значение слова *toff* – «неодобрительный способ обращения к кому-то из высшего социального класса» (a disapproving way of referring to sb from a high social class) [OALD, 2005, p. 1614].

Примеры со словом *toff* в художественной литературе можно найти у А. Конан Дойля в «Собаке Баскервиллей»: «He was dressed like a toff, and he had a black beard, cut square at the end, and a pale face» (Он был одет как джентльмен, его темная борода была подстрижена квадратом, а лицо было бледным). В серии приключенческих романов, выпущенных с 1938 по 1977 гг. британским писателем Джоном Кризи (John Creasey), *the Toff* – кличка почтенного сыщика Ричарда Роллисона, на визитной карточке которого была нарисована карикатура «тоффа»: человек в цилиндре, с моноклем, галстуком-бабочкой, сигаретой и мундштуком [http://en.wikipedia.org/wiki/The_Toff]. Другой пример: «... he was known in their street, because of the number of his shirts, as Toff Hicking» («... по соседству он был известен как Тофф Хайкинг из-за количества рубашек») (The Little White Bird by Barrie, James Matthew).

Еще одним отрицательным и в настоящее время устаревшим термином, обозначающим богатого человека из семьи, влияние которой длилось долгое время, является *nob* (old-fashioned informal disapproving a rich person whose family has been important for a long time) [CALD, 2008]. Также существует отдельный термин для обозначения молодого члена богатой и знаменитой семьи – *scion* (a young member of a rich and famous family), который является книжным [CALD, 2008].

Nobby Clarke – модно одетый человек, «пижон» («clarke» – это искаженный вариант слова «clerk»). Намек на то, что от клерков, несмотря на то что они получали просто нищенскую зарплату, требовали, чтобы одевались они на уровне, поддерживая солидную репутацию фирмы, в которой служат. А «nobby» – это сокращение от «nobility» – дворянство. Тем самым подчеркивается, что большинство мелких служащих были отпрысками хотя и обедневших, но благородных семей.

Lady также имеет основным значением 1. «вежливый или устаревший способ обращения или общения с женщиной» (a polite or old fashioned way of referring to or talking to a woman); 2. устаревшим значением признается следующее: «женщина, которая ведет себя таким образом, который традиционно присущ для женщины» (old-fashioned a woman who behaves in a way that is traditionally considered to be suitable for a woman: Of course I remember Mrs Connor – she was a real lady); 3. другим устаревшим значением является употребление данно-

го слова перед названием женской профессии (old-fashioned sometimes used before the name of a job done by a woman: a lady doctor) [CALD, 2008]. Слово *Lady*, с заглавной буквы, имеет значение «титул, данный в Британии женщине или девушке, имеющей социальный статус пэра или жене пэра или рыцаря» (a title given in Britain to a woman or girl who has the social rank of a peer, or to the wife of a peer or knight: Lady Diana Spencer, Sir Charles and Lady Finlater) [CALD, 2008]. Другой источник добавляет значения: «женщина, имеющая высшее социальное положение» (a woman of superior social position) и «вежливая или благовоспитанная женщина» (a courteous or genteel woman) [COED, 2007].

Номинацией с семой неодобрения является словосочетание *Lady Bountiful*, обозначающее женщину, которая любит демонстрировать свою доброту и богатство, одаривая бедных людей (disapproving, a woman who enjoys showing people how rich and kind she is by giving things to poor people) [CALD, 2003]. Как правило, лингвокультурный типаж *Lady Bountiful* применим к высшим классам, а впервые этот антропоним появился как имя персонажа в пьесе ирландского писателя Джорджа Фаркера (George Farquhar) (1678–1707) «Хитроумный план щеголей» («The Beaux` Stratagem») (1707) [OGBAC, 2005, p. 256].

Идея, что люди, принадлежащие к высокому социальному классу, должны вести себя великодушно по отношению к представителям более низких классов выражена в номинации *noblesse oblige* [CALD, 2008]. Семантически родственной можно считать лексему *well-bred* (благовоспитанный), которая имеет основным значением «говорящий или ведущий себя правильно и вежливо» (speaking or behaving in a way that is generally considered correct and polite); устаревшим значением на сегодняшний день является «происходящий из семьи с высоким социальным положением» [CALD, 2008].

Отдельный интерес представляет лингвокультурный типаж *Sloane Ranger*, который пришел на смену немного устаревшим образам «dandy» и «toff». Термин *Sloane Ranger* (часто сокращаемый как *Sloane* или *Sloanie*) описывает стереотип молодежи из высшего класса или верхушки среднего класса, как женщин, так и мужчин, обладающих общими отличительными чертами стиля жизни. Общее значение этой лексики – «молодой человек из высшего социального класса, который обычно живет в пределах или вблизи Лондона, носит доро-

гую, традиционную одежду и говорит с произношением высшего класса» (old-fashioned disapproving a young person from a high social class who lives usually in or near London, wears expensive, traditional clothes and speaks with an upper class voice) [CALD, 2008].

Каламбур термина заключается в комбинации словосочетаний «Sloane Square», расположенной в лондонском районе Челси, известном богатством жителей и гостей, и героя телевизионных вестернов «The Lone Ranger». Первоначально термин «Sloane Ranger» использовался в основном применительно к женщинам, и ярким архетипом этой социальной группы стала Диана, принцесса Уэльская. Однако этот термин сейчас обычно относится к мужчинам [SSB, 2010]. Считается, что «слоуны» могут носить одежду, пошитую для сельской местности, громко говорят и имеют устаревшие взгляды на общество и политическую систему [OGBAC, 2005, p. 438]. В словарных статьях термин дается с пометами «informal» (разг.), «humorous» (юмористич.), «disapproving» (неодобрит.).

Упоминания о «слоун-рейнджерах» часто встречаются в британской прессе, где описывается их речь, поведение или точный ареал обитания: «The *Sloane Rangers* always add tone. They never put on prole accents, like self-conscious Oxford boys in the sixties». – Слоун-рейнджеры всегда задают тон. Они никогда не примерят пролетарский акцент, как делали застенчивые оксфордские мальчики в шестидесятые годы [<http://www.phrases.org.uk/meanings/sloane-ranger.html>]; «Visitors to London wishing to study the breed should simply take a walk through *Sloane Ranger* land – known to the Post Office as the SW 3,5,7 and 10 districts, and to the general public as Knightsbridge, South Kensington and Chelsea – where they will find them thick on the ground: at work, rest and play in their». – Посетителям Лондона, желающим изучить породу, следует просто прогуляться по местам слоун-рейнджеров – известным в почтовом ведомстве как районы SW 3,5,7 и 10, а также широкой общественности как Найтсбридж, Саут Кенсингтон и Челси – где они найдут их в изобилии: на работе, отдыхе и за игрой) [<http://www.nytimes.com/1984/03/25/travel/on-the-trail-of-london-s-sloane-rangers.html>].

«Слоунов»-мужчин также называют «*Ra Ra Ruperts*» и «*Hooray Henrys*». Номинация *Hooray Henry* также носит сему неодобрения и относится к молодым мужчинам из высокого социального класса, которые громко говорят и ведут себя очень заметно в общественном

месте (a young man from a high social class who speaks loudly and behaves in a noticeable way in public). Например, «The pub was full of *Hooray Henrys*». – Паб был полон «Ура-Генри» [CALD, 2008].

Британцы из высшего класса или верхушки среднего класса, которые живут или любят посещать сельскую местность, получили прозвище *the green welly brigade*, которая в словарях имеет помету «humorous disapproving». Название происходит от «the green Wellington boots» (зеленые резиновые сапоги), которые, как правило, носят такие люди [OGBAC, 2005, p. 197].

Для апеллирования к образу жизни высшего класса часто используется лексема *posh*. Например: He takes her to some really *posh* restaurants. – Он ее приглашает в действительно шикарные рестораны. Или: A woman with a very *posh* accent telephoned for him earlier. – Женщина с очень светским акцентом звонила ему раньше [CALD, 2008]. Лексемой *posh* низшие классы называют представителей высших классов.

Также распространено выражение «*too posh to push*», которое описывает обеспеченных, как правило, известных женщин, не желающих рожать самостоятельно. Приведем пример: «Some, as the British tabloids have put it, are simply «*too posh to push*». Whether or not the label fits, more and more women – and not just celebrities like Madonna, actress Kate Hudson... – are taking charge of their childbearing these days and avoiding the vagaries of natural births». – Как выразились британские таблоиды, некоторые – просто «*too posh to push*». Подходит этот ярлык или нет, но все больше женщин – и не только такие знаменитости, как Мадонна и Кейт Хадсон... – берут руководство родами в свои руки и избегают осложнений естественных родов [<http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,993857>].

Средний класс (*middle class*) – социальная группа, состоящая из хорошо образованных людей, таких, как: врачи, юристы и учителя, с хорошей работой, которых нельзя отнести ни к богатым, ни к бедным (a social group that consists of well-educated people, such as doctors, lawyers, and teachers, who have good jobs and are neither very rich nor very poor [CALD, 2008]).

Номинация «middle-class» в английском языке может также выполнять атрибутивную функцию и иметь нейтральное значение «связанный со средним социальным классом» (connected with the middle social class), а также отрицательно-окрашенное значение «типичный для людей из среднего социального класса, например, наличие тради-

ционных взглядов» (disapproving, typical of people from the middle social class, for example having traditional views: a middle-class attitude; The magazine is very middle-class) [OALD, 2005, p. 966].

Средний класс в Великобритании принято разделять на *Upper middle class* (верхний слой среднего класса), *Middle middle class* (средний слой среднего класса) и *Lower middle class* (низы среднего класса).

Верхний слой среднего класса (*Upper middle class*) в Британии состоит из образованных специалистов, которые обычно происходят из интеллигентных семей. Эти люди традиционно говорят с общепринятым произношением (Received Pronunciation Accent), учатся в частных школах или гимназиях, а затем в университетах. Традиционные профессии этой группы – адвокат, врач, офицер, ученый, высший государственный служащий или биржевой брокер в лондонском Сити. В Англии этот класс людей не так легко определить, так как личное благосостояние не является обязательным критерием. Семейное происхождение и сдержанность, как в поведении, так и вкусе, являются определяющими характеристиками верхушки среднего класса. Хотя это не класс землевладельцев, его представители могут претендовать на характеристики, или быть описаны как джентльмены (господа).

Средний слой среднего класса (*Middle middle class*) в Британии состоит из буржуазии, происходящей из менее образованных кругов. Эти люди – основа местных приходов. Они говорят с более провинциальными акцентами, чем общепринятое произношение (RP) и, как правило, реже получают университетское образование, чем представители верхов среднего класса; могут владеть и управлять местным бизнесом или работают в крупных корпорациях менеджерами младшего и среднего звена.

К нижнему слою среднего класса (*Lower middle class*) относят служащих, живущих в менее благополучных пригородах. Они, как правило, не получают университетского образования и говорят с местным акцентом, хотя и относительно мягким.

Рассмотрим синонимы понятия «middle class». За хорошо образованными людьми среднего класса, которым нравится обсуждать политические, культурные и социальные вопросы и которые выражают мнение о многих явлениях, в разговорном языке закрепилась неодобрительная номинация *the chattering classes* (UK informal disapproving,

well-educated middle-class people who enjoy discussing political, cultural and social matters and who express opinions on a lot of subjects) [CALD, 2008]. К среднему классу принято также апеллировать с помощью лексемы *bourgeoisie* (the middle classes in society 2. (politics) the capitalist class) [OALD, 2005, p. 173] и *the petite bourgeoisie* (или *petty bourgeoisie*), если нужно уточнить, что речь идет о нижнем слое среднего класса (the lower middle class in society) [OALD, 2005, p. 1130].

Прилагательное *bourgeois*, помимо первого значения «принадлежащий к среднему классу» (belonging to the middle class), имеет второе, отмеченное неодобрительной коннотацией «заинтересованный в основном в собственности, социальном статусе и поддерживающий традиционные ценности» ((disapproving) interested mainly in possessions and social status and supporting traditional values) [OALD, 2005, p. 173]. Например: «It's a bit *bourgeois*, isn't it, joining a golf club?» – Это немного буржуазно – посещать гольф-клуб, не так ли? [CALD, 2008].

Широкое применение по отношению к среднему классу получил термин *white-collar* («белые воротнички») – относящийся к людям, работающим в офисах, делающим работу, требующую больше умственных, чем физических усилий (adjective, relating to people who work in offices, doing work that needs mental rather than physical effort). Например: «The 1980's saw an explosion in *white-collar* crime». – В 80-х произошел всплеск преступлений, совершенных «белыми воротничками». «The earnings of women in *white-collar* jobs are the second highest in Britain». – Женщины – «белые воротнички» – на втором месте по высокооплачиваемости в Британии.

Для богатых членов общества существует номинация *moneyed classes* (прилагательное «moneyed» означает богатый) (formal, rich) [CALD, 2008]. Богатых и модных людей принято называть *the beautiful people*, а если помимо этого они творческие или хорошо образованные – *smart set*.

Человека, преуспевшего в бизнесе или промышленном производстве и ставшего очень богатым и влиятельным в бизнесе, недвижимости, морских перевозках называют *tycoon* (тайкун) (a person who has succeeded in business or industry and has become very rich and powerful a business/property/shipping) или *magnate* (магнат) (a person who is very rich and successful in business or industry) [CALD, 2008].

Отметим, что богатство, доставшееся не по наследству или легким путем, неодобрительно оценивается в английской лингвокультуре

ре, что подтверждает наличие таких лексем, как: *nouveau riche*; *new money*; *fat cat*; *moneybags*; *parvenu*; *rags-to-riches*; *Guchi-muchi people*.

Термин *nouveau riche* (нувориш) описывает людей из низкого социального класса, ставших богатыми недавно и предпочитающих демонстрировать свое богатство публично, тратя много денег (disapproving describes people from a low social class who have recently become very rich and like to show this publicly by spending a lot of money) [CALD, 2008]; недавно приобретенное состояние или новые полученные средства (a fortune recently acquired; newly raised funds) называют *new money* [RHD, 2010]; а также людей или семьи, которые недавно разбогатели (persons or families that have recently become wealthy) [MFEW, 2012]. Номинацией с отрицательной коннотацией является *fat cat*, обозначающей человека, у которого много денег, особенно главу компании, который вправе сам себе увеличивать зарплату (disapproving, someone who has a lot of money, especially someone in charge of a company who has the power to increase their own pay) [CALD, 2008]. Другим неодобрительным выражением является *moneybags* (informal disapproving a rich person) [CALD, 2008]. Представителя низкого социального слоя, который вдруг стал богатым или успешным, обозначают неодобрительной номинацией *parvenu* (парвеню/выскочка) (formal disapproving, someone from a low social position who has suddenly become rich or successful). Например: His mannerisms were a constant source of irritation to many. Though Frank is largely accepted by the community, by some he is still considered to be a *parvenu*. – Его манерность была для многих постоянным источником раздражения. Хотя Фрэнка в основном принимают в обществе, некоторые его до сих пор считают «парвеню» [<http://www.mnemonicdictionary.com/word/parvenu>]. Еще более уничижительная номинация *rags-to-riches* (рус. эквивалент – «из грязи в князи») описывает состояние человека, попавшего из бедности в богатство (used to describe what happens to a person who was poor but becomes rich) [CALD, 2008]. *Guchi-muchi people* – люди, которые много покупают товаров «Гуччи» (так полупрезрительно-полушутливо называют на Западе нуворишей из мира бизнеса). Как известно, фирма «Гуччи» обслуживает мировую аристократическую и финансовую элиту, а «muchi» – разговорный сленг от английского слова «much» – много.

Новый английский лингвокультурный типаж *Mondeo Man* (человек с Фордом-Мондео) включает людей, которые заняты в частном

секторе в качестве продавцов или управленцев начального уровня и водят служебные автомобили такие, как Ford Mondeo. Эти люди – с ограниченными образованием и культурными устремлениями, но стремятся «подняться по карьерной лестнице» и, по мнению политиков и маркетологов, представляют средние слои Англии. Например: *Does Mondeo Man matter any more?* – Играет ли еще большую роль «человек с Мондео»? [<http://www.telegraph.co.uk/finance/2803808/Business-profile-Mondeo-mans-making-more-millionaires.html>].

Типажом, родственным *Mondeo Man*, выступает *Essex man* (человек из Эссекса) – стереотипная фигура, которая была популяризирована в 1990-х годах в Англии. Это бывший представитель рабочего класса, который в 80-х гг. XX в. разбогател благодаря политике поддержки частного предпринимательства правительства М.Тэтчер. «Человек из Эссекса», как политическая фигура, является примером усредненного избирателя и был призван, чтобы объяснить успехи на выборах Маргарет Тэтчер. «Человек из Эссекса» любит покупать предметы роскоши, и его вкусы часто пародируются [SSB, 2010]. Приведем пример с британского сайта: *However, Chris belongs to the more flamboyant breed of Essex Man, the type who has everything and more... The Essex Man with a gold credit card. The type whose bed chair costs more, and is more comfortable, than the bed in his own home.* – Однако Крис принадлежит к более заметной породе «Эссекского мужчины», типу людей, который имеет все, и даже больше... Эссекский мужчина с золотой кредитной картой. Люди, у которых стул у кровати дороже и удобнее, чем сама кровать в их собственном доме [<http://www.fishingwarehouse.co.uk/section/articles/articleinfo>].

Жизнь богатых людей с домами в сельской местности и со спортивными интересами, такими, как охота, воплощает лингвокультурный типаж *tweedy man*, зачастую имеющий неодобрительную окраску (describes the life of rich people with homes in the countryside and an interest in sports like hunting). Например: *We met a tweedy man walking a couple of dogs.* – Мы встретили мужчину в твидовом костюме (любящего носить непритязательную одежду из твида), выгуливающего пару собак [CALD, 2008].

Представляет интерес номинация *dinky*, которая является аббревиатурой от выражения «*double income no kids yet*» («двойной доход, еще нет детей»), и обозначает члена молодой пары, в которой оба партнера зарабатывают большие деньги и могут тратить их на себя,

поскольку они не имеют детей (a member of a young couple in which both partners earn a lot of money and are able to spend it on themselves because they have no children). Например: This area of London is too expensive for most people to live in, but it's particularly popular with *dinkies*. – Этот район Лондона – слишком дорогой для жизни большинства горожан, но он особенно популярен у «динки» [CALD, 2008].

Низы общества в Англии не имеют однозначной номинации: существует *низший класс (lower class)*, *рабочий класс (working class)*, который в свою очередь структурируется, и *подкласс (underclass)*.

Термин «низший класс» (*lower class*) считается устаревшим и применим к людям с низшим положением в обществе и наименьшим количеством денег (people who belong to the social class that has the lowest position in society and the least money) [CALD, 2008].

Согласно дефиниции, *рабочий класс (working class)* – социальная группа, состоящая из людей, зарабатывающих мало денег, получающих оплату только за трудовые часы или дни и выполняющих обычно физическую работу (a social group that consists of people who earn little money, often being paid only for the hours or days that they work, and who usually do physical work) [CALD, 2008].

Синонимом понятия «working class» можно считать термин *blue-collar* («синие воротнички»), описывающий людей, которые выполняют работу, требующую физической силы или навыков, а не офисную работу (adjective, describes people who do work needing strength or physical skill rather than office work), а также предметы/явления, относящиеся к рабочему классу, например: Even as a tenured professor, she remained proud of her *blue-collar* values. – Даже пребывая в должности профессора, она продолжала гордиться ценностями, присущими «синим воротничкам» [CALD, 2008].

Термин *pink-collar* («розовые воротнички») употребляется для описания низкооплачиваемой работы, в основном выполняемой женщинами, например, в офисах и ресторанах» (connected with low-paid jobs done mainly by women, for example in offices and restaurants). Например: Until recently secretarial work and nursing were very much *pink-collar* professions. – До недавнего времени работа секретарем и медсестрой оставались преимущественно профессиями «розовых воротничков» [OALD, 2005, p. 1143].

Commoner (простолюдин) является антиподом аристократа – это человек, происходящий не из королевской или дворянской семьи (а

person who does not come from a royal or noble family) [OALD, 2005, p. 303]; либо «человек, не рожденный в положении высокого социального ранга» (a person who is not born into a position of high social rank) [CALD, 2008].

К представителям рабочего класса зачастую апеллируют с помощью термина *toilers* (труженики) – усердно и много работающие люди (*toiler – one who works strenuously*) [<http://www.thefreedictionary.com/toiler>].

Антиподом буржуазии выступает *the proletariat*, данная лексема (приводимая с пометой «особенно когда речь идет о прошлом») означает класс простых людей, зарабатывающих деньги работой, особенно те, у которых нет имущества ((used especially when talking about the past) the class of ordinary people who earn money by working, especially those who do not own any property) [OALD, 2005, p. 1207]. В английском языке продолжает употребляться слово *proletarian* (пролетарский), обозначающее «связанный с простыми людьми, зарабатывающими деньги работой и не владеющими собственностью» [SSB, 2010].

Рабочий класс в Англии подразделяется на квалифицированный и традиционный. Квалифицированный рабочий класс (*Skilled working class*) включает квалифицированных «синих воротничков», традиционно работающих в промышленности, но в последние десятилетия также людей, занимающихся предпринимательской деятельностью, таких, как стереотипные «люди из белого фургона» (*white van men*) или самозанятых подрядчиков. Эти люди разговаривают с местным акцентом и имеют ограниченный уровень образования. Традиционный рабочий класс (*Traditional working class*) состоит из людей, работающих на вакансиях «синих воротничков» с низкими доходами. Они, как правило, имеют низкий образовательный уровень и не ценят образования [SSB, 2010].

Подклассом (*underclass*) называют группу людей с более низким социально-экономическим положением, чем любые другие классы общества (a group of people with a lower social and economic position than any of the other classes of society) [CALD, 2008]. Так как представители подкласса имеют очень низкий уровень доходов, многие из них проживают в государственном или муниципальном жилье. Эти люди чувствуют себя исключенными из жизни общества [SSB, 2010].

Оскорбительными словами являются *the plebs* (плебс) – обидный способ обращения к простым людям, особенно к представителям низших социальных классов ((informal) an offensive way of referring to ordinary people, especially those of the lower social classes) [OALD, 2005, p. 1157]; *pleb* (простолюдин) – неодобрительная номинация лица низкого социального класса (informal disapproving a person of a low social class); и прилагательные *plebby/plebeian* (плебейский). Например: He used to make fun of what he called her «plebeian origins» – Он любил пошутить над тем, что называл ее «плебейскими корнями» [CALD, 2008].

К низшему классу можно отнести лингвокультурный типаж «человек из белого фургона» (*white van man*). Этой неодобрительной номинацией обозначают человека, который считается типичным водителем легких коммерческих автомобилей, таких, как Ford Transit. Как правило, люди этого типажа имеют бедные навыки вождения или отличаются агрессивным и бесцеремонным поведением. Стереотипный «человек из белого фургона», часто работающий не по найму, может быть владельцем малого бизнеса; зачастую строителем, плотником, или водопроводчиком. Такие люди грубы, не очень образованны, имеют твердые, часто неприятные воззрения (UK disapproving, a man who is thought to be typical of drivers of white vans by being rude, not well educated, and having very strong, often unpleasant opinions) [CALD, 2008]; [SSB, 2010]. Приведем примеры с этой номинацией: New technology could help tame bad behaviour by the infamous «white van man», it was claimed this week. – На этой неделе было заявлено, что новая техника может помочь укротить плохое поведение печально известного «человека из белого фургона». Или: England's roads are ruled by the white van man. If a man's home is his castle, then his van is his battleship, office and soapbox. – Дорогами Англии правит «человек из белого фургона». Если дом человека – его замок, то его фургон является его броненосцем, офисом и трибуной [<http://www.icons.org.uk/nom/nominations/white-van-man>].

Отдельного внимания заслуживает лингвокультурный типаж «чав» (*Chav*). Сленговая лексема *chav* имеет следующую дефиницию: «молодой, часто необразованный человек, одетый особым образом, часто с большим количеством ювелирных изделий, и поведение которого многие находят оскорбительным» (UK slang, a young, often uneducated person who dresses in a particular way, often with a lot of

jewellery, and whose behaviour many people find offensive) [CALD, 2008]. Электронная энциклопедия Википедия преподносит чава как весьма отрицательную фигуру: «Стереотипный «чав» (известен также как *charver* на северо-востоке Англии) – это 1) агрессивный подросток, как правило, безработный или из среды рабочего класса; 2) молодой человек, неоднократно замеченный в антиобщественном поведении (употреблении спиртного на улице, злоупотреблении наркотиками и бесчинстве или в других формах преступности среди несовершеннолетних). Чавы обычно носят тренировочные костюмы и толстовки известных брендов, таких, как: Nike, Reebok, Burberry и Adidas» [<http://en.wikipedia.org/wiki/Chav>]. Например: I wouldn't go to that part of town if I were you; it's full of chavs. – На твоём месте я бы не пошел в ту часть города – там полно «чавов» [MFEW, 2012]. Помимо лексем *chav*, *chaver*, и *chavette*, в языке появилась лексема *chavdom*.

Новый лингвокультурный типаж «chav» сложно отнести к конкретному классу: он располагается за пределами старой традиционной классовой структуры. Этимология слова *chav* неясна, но существует версия, согласно которой оно происходит от цыганского слова *chavi* (ребенок). Основными признаками чавов считаются усыпанная логотипами яркая дизайнерская одежда и обилие украшений (вне зависимости от уровня состоятельности). Мужчины-чавы носят нарядные спортивные костюмы и бейсболки; женщины-чавы ходят с голым животом и туго укладывают волосы в гулю или хвост. Что касается социального поведения чавов, они могут отличаться большими тратами денег на свое увеселение, скандалить в алкогольном опьянении, неуместным образом проявлять любовные чувства на публике, посещать шумные спортивные бары, уничтожать имущество. Чавы-знаменитости часто появляются на страницах желтой прессы покидающими в пьяном виде ночные клубы или ссорящимися с другими знаменитыми чавами.

Виктория Бекхэм (Victoria Beckham), получившая кличку «Posh» (ее отец ездил на роллс-ройсе, когда она была маленькой), – это квинтэссенция женщины-чава (*chavette*). Церемония ее бракосочетания с Д. Бекхэмом считается апофеозом приверженности ценностям чавов, самое важное место там было отведено внешним эффектам (сочетающимся фиолетовым нарядам жениха и невесты и обстановке). Самым заметным чавом эпохи Т. Блэра был бывший уборщик и многократный правонарушитель Майкл Кэрролл, выигравший 9,7

млн фунтов в национальной лотерее и вывесивший на своем мерседесе баннер «King of Chavs» (король чавов) [Lyll, 2009, p. 207–208].

Богатой синонимикой отличаются уничижительные выражения, апеллирующие к низшим, небогатым классам. Обозначение *the hoi polloi* (простонародье) употребляется либо неодобрительно, либо с юмором для номинирования простых людей (disapproving or humorous, ordinary people). Например: Anthony will be in the VIP lounge where he doesn't have to mix with the hoi polloi. – Энтони будет в VIP гостиной, где ему не придется общаться с простонародьем [CALD, 2008]. Другой источник уточняет, что это оскорбительное слово (an insulting word for ordinary people) [LDCE, 1995]. Людей с плохой репутацией или из низкого социального класса неодобрительно именуют *riff-raff* (сброд) (disapproving, people with a bad reputation or of a low social class). Например: She says that charging high prices will keep the riff-raff out. – Она считает, что высокие цены отпугнут сброд [CALD, 2008]. Другими идиоматическими выражениями, номинирующими людей низшего социального положения являются *the bottom of the heap* (дословно – «в нижней части кучи»), подчеркивающими, бедность и неудачливость этой социальной группы (people who are at the bottom of the heap are poor and unsuccessful and have the lowest position in society), и *the bottom of the barrel* (дословно – на дне бочки). Например: That last secretary you sent me was really the bottom of the barrel. I don't need any candidates from the bottom of the heap. – Тот последний секретарь, которого ты мне прислал, был настоящим отбросом общества. Мне не нужны кандидаты с самого дна жизни [<http://idioms.thefreedictionary.com/bottom+of+the+heap>]. Бездомных женщин, которые носят все свои пожитки в пластиковых сумках, называют *bag ladies* (a woman who has no home and carries everything that she owns around with her in plastic bags) [CALD, 2008]. Слово *peasant* (крестьянин) имеет не только значение «фермер, владеющий или арендующий маленький кусок земли» ((especially in the past, or in poorer countries) a farmer who owns or rents a small peace of land); но и значение, имеющее отрицательную коннотацию «грубый человек, который плохо себя ведет или малообразован» ((informal disapproving) a person who is rude, behaves badly, or has little education) [OALD, 2005, p. 1115].

Существует ряд терминов, номинирующих людей различных классов, стремящихся к более высокому социальному статусу, таких, как: *arriviste*, *social climber*, *upwardly mobile*. Неодобрительной номинацией *arriviste* (арривист/карьерист) называют человека, который

хочет перейти в более высокий класс в обществе (disapproving, a person who wants to move into a higher class in society). Этот термин применим и к аристократии. Писательница Сара Лайлл метко замечает: «...it is a mistake to think the royal family is as exclusive or as aristocratic as they come: the Spencers, who come from ancient English stock, are said to sneer at the Windsors as nouveau-powerful Teutonic arrivistes» – ...было бы ошибочно полагать, что королевская семья исключительна или наиболее аристократична по происхождению: говорят, что Спенсеры, происходящие из древнего английского рода, усмеваются над семейством Виндзоров, считая их новоявленными по своему авторитету тевтонскими арривистами [Lyall, 2009, p. 205].

Людей, которые пытаются улучшить свое социальное положение, будучи очень дружелюбными к представителям высшего социального класса, неодобрительно называют *social climber* (социальный альпинист) (disapproving, someone who tries to improve their social position by being very friendly to people from a higher social class). Например: To watch a social climber may be hurtful, if that social climber is one's friend. – Смотреть на социального альпиниста может быть вредно, если этот социальный альпинист является вашим другом [CALD, 2008]. Наиболее нейтральным термином выступает выражение *upwardly mobile* (стремящийся вверх), обозначающее перемещающихся или имеющих возможность перейти в более высокий социальный класс, например, становясь богаче (moving or able to move to a higher social class, for example by becoming richer) [CALD, 2008].

В английском национальном характере заложен важный принцип «быть одним из». Англичанин чувствует себя защищено, если окружен группой лиц, с которыми у него много общего. Взаимное молчаливое одобрение в таком обществе внушает англичанам уверенность в себе. Именно по этой причине английская жизнь полна загадок, связанных с наличием в этой стране огромного количества самых разнообразных клубов и обществ. Эта потребность «быть вместе» проявляется и в преданности англичан классовой системе [Miall, Milsted, 2001].

Со середины XX века в Англии возникают многочисленные субкультуры, последователей которых объединяют общие идеи. Надо отметить, что представители низших классов охотнее вступают в такие культурные группы. Назовем основные из них:

Wiggers (также *wigga*, *whigger*) («white+nigger» или «wannabe+nigger») – пренебрежительная номинация молодежи европейского происхождения, как правило, молодых мужчин, которые одеваются, разговаривают или ведут себя в манере, которая стереотипно ассоциируется с определенными аспектами афро-американской, карибской или хип-хоп культурой [CED, 2003; MFEW, 2012].

Mods – молодежная субкультура, появившаяся в Лондоне в начале 1960-х гг.; движение рабочего класса, предпочитающего стилизованную одежду, короткие волосы; слушающего музыку ритм-Н-блюз и передвигающегося на мотороллерах [WD, 2010].

Rockers – субкультура молодых приверженцев рок-музыки, ассоциирующихся с одеждой из кожи и мотоциклами, которая возникла в середине 1960-х гг. [COED, 2007; CALD, 2008].

Punks – культура, популярная среди молодых людей, особенно в конце 1970-х годов, подразумевала оппозицию к власти, выраженную в шокирующем поведении, одежде и прическе, и в быстрой громкой музыке [CALD, 2008].

Skinheads – молодые люди в Британии или Америке, особенно мужчины с короткими волосами или без волос, которые являются частью группы, зачастую с агрессивным поведением, собираются на рок-концертах или демонстрациях, провозглашая превосходство белой расы [COED, 2007; WD, 2010].

Goths – любители готической музыки, которая часто выражает идеи о конце жизни или света и насыщена скорбными стихами, и моды, заключающейся в черной одежде и белом гриме, что создает образ привидения [CALD, 2008; COED, 2007; CED, 2003].

Trustafarians («trust fund» (целевой фонд) + «Rastafarian» (растафари)) – сленговая или неофициальная номинация для молодых людей из богатых семей, чей целевой фонд позволяет им воздерживаться от стандартных взглядов на работу, одежду, употребление наркотиков и т.д. Они, как правило, следуют моде контркультур: хиппи, анархизма, маоизма или панк-рока и относятся к группе безработных, ведут гедонистический образ жизни [CED, 2003; MFEW, 2012].

Снобизм (*snobbery*), как известно, является одной из национальных черт англичан, и более всего он характерен для высших слоев общества. Термин *snob* имеет два значения, оба имеют отрицательную коннотацию: 1. человек, который слишком восхищается людьми из высших социальных классов и не уважает людей низших классов

(a person who admires people in the higher social classes too much and has no respect for people in the lower social classes); 2. человек, который считает себя лучше других, поскольку он умен или ему нравится то, что многим не нравится (a person who thinks they are much better than other people because they are intelligent or like things that many people do not like) [OALD, 2005, p. 1448]. Пример к первому значению: «He's a frightful *snob* – if you haven't been to the right school he probably won't even speak to you» – Он ужасный сноб, если вы не окончили соответствующую школу, он возможно с вами и не заговорит [CALD, 2008].

В последнее время в английском обществе широко распространилось явление «снобизма наоборот» (*inverted snobbery/reversed snobbery*). Термин *inverted snob* относится к человеку, который дает понять, что не любит то, что предполагает высокое социальное положение, но оправдывает все то, что относится к низкому социальному положению (UK disapproving, a person who makes it known that they do not like things which suggest high social position but approve of things related to low social position) [CALD, 2008].

Биограф принца Чарльза Джонатан Димблби (Jonathan Dimbleby) рассказывает, что у принца совсем не было друзей в школе, где он учился. Он был встречен ровесниками недоброжелательно: любой мальчик, который пытался заговорить с ним, был обвинен в угодничестве. Тех, кто продолжал настаивать на дружбе с Чарльзом, считали либо слишком толстокожими к общественному мнению, либо лицемерами; в любом случае нежелательными товарищами [Dimbleby, 1994].

В политике слишком благородное происхождение тоже вызывает недоверие. Дэвид Камерон (David Cameron), лидер Консервативной партии, действующий премьер-министр, сделал все возможное, чтобы преодолеть подозрение, вызванное классовыми привилегиями, и был ужасно смущен, когда таблоиды вытянули на свет божий его фотографии в компании друзей в эксклюзивном Оксфордском клубе. Когда депутат-консерватор с аристократическим произношением Борис Джонсон (Boris Johnson) (который также являлся членом того же клуба, что и Кэмерон) выдвинул свою кандидатуру на пост мэра Лондона, Лейбористская партия «разыграла» классовую карту. Министр кабинета Хейзел Блэйрс (Hazel Blears), назвал его «fogeyish, bigoted and upper-class twit» («старомодный, фанатичный, никчемный человек из высшего класса»); другой лейборист описал его как «tufty toff from

Етон» («джентльмен с кисточкой из Итона») [цит. по: Lyall, 2009, p. 210–211].

Мозаику терминов, номинирующих представителей различных классов британского общества, продемонстрируем с помощью таблицы:

Upper class:	<i>royalty, king, queen, monarch, prince, princess, peerage, peer, peeress, duke, duchess, marquess/marquis, marchioness/marquise, earl, countess, viscount, viscountess, baron, baroness, lord, lady, baronet, knight, gentry, gentleman, gent, dandy, toff, old money, nob, scion, high society, the ruling class, elite, high blood, the upper crust/ upper crust of society, the great world, the aristocracy/nobility/nobles, Lady Bountiful, Sloane Ranger /Ra-Ra-Rupert /Hooray Henry, the green welly brigade, too posh to push.</i>
Middle class:	<i>tycoon, magnate, nouveau riche, new money, fat cat, money-bags, parvenu, rags-to-riches, the chattering classes, bourgeoisie, the petite bourgeoisie / petty bourgeoisie, white-collar, moneyed classes, the beautiful people, smart set, Guchi-muchi people, Mondeo Man, Essex Man, Tweedy Man, Dinky, Sloane Ranger /Ra-Ra-Rupert /Hooray Henry, the green welly brigade, Chav.</i>
Working class:	<i>toiler, pleb, White Van Man, the hoi polloi, riff-raff, the bottom of the heap / the bottom of the barrel, bag lady, peasant, beggar, commoner, Chav, blue-collar, pink-collar, the proletariat, skilled working class, traditional working class.</i>

Итак, семантический анализ словарных дефиниций лексемы *class* позволяет выделить признаки, составляющие ядро и базовый слой данного концепта: «система/модель», «пласт общества/группа людей», «социальный/экономический статус/положение», «разделение/организация общества», «общие характеристики».

Языковая манифестация когнитивного слоя «upper class» в лексикографических источниках реализует следующие семантические признаки: «наивысшее социальное положение», «богатство/влияние в обществе», «аристократическое происхождение/титулованность», «высокий образовательный уровень», «землевладение», «нормативное произношение» [CALD, 2008; CED, 2003; COED, 2007].

Средний класс («Middle class») является наиболее неоднородным, и его семантические признаки будут варьироваться в зависимости от принадлежности его представителей к высшему, среднему или низшему слою. Так, для представителей «upper-middle class» характерны: «университетское образование», «нормативное произношение», «сдержанность», «солидный материальный достаток», «уважаемая профессия». У представителей среднего и низшего слоев среднего класса необязательно наличие высшего образования, их отличает средний достаток, возможен провинциальный акцент (особенно у людей из lower-middle class).

Принадлежность к рабочему классу определяют такие признаки, как: «низкооплачиваемая физическая работа», «ограниченный уровень образования», «низшее положение в обществе».

К семантическим признакам, разграничивающим когнитивные слои «upper class», «middle class», «working class», мы относим: «социальное положение/профессия», «материальный достаток», «происхождение», «образовательный уровень», «владение землей», «произношение».

Нюансированностью отличается мозаика терминов, номинирующих представителей различных страт общества. В современном британском обществе усиливается тенденция к расслоению социальной действительности и соответственно к языковой дифференциации. Следует отметить появление большого количества новых терминов, номинирующих представителей различных страт общества. Интересно отметить, что все новые лингвокультурные типажи, описывающие представителей различных классов, имеют негативную культурную коннотацию (Sloane Ranger, Mondeo Man, Essex Man, Chav, Tweedy Man, White Van Man), что, возможно, говорит о неприятии англичанами классовых различий на современном этапе.

Большинство терминов, отправляющих к высшему классу, имеют нейтральную или положительную коннотацию (33) (royalty, king, queen, monarch, prince/princess, peerage, peer, peeress, duke/duchess, marquess (marquis)/marchioness (marquise), earl/countess, viscount/viscountess, baron/baroness, baronet, knight, gentry, old money, gentleman, lady, lord, dandy, scion, noblesse oblige, well-bred, posh, high society, the ruling class, elite, high blood, the upper crust/upper crust of society,

the great world, the aristocracy/nobility/nobles и только 5 – отрицательную (toff, nob, lady Bountiful, Sloane Ranger (Hooray Henry), the green welly brigade). Нейтральных или положительных лексем, объективирующих членов среднего класса, – 9 (the beautiful people, smart set, tycoon, magnate, bourgeoisie, the petite bourgeoisie, dinky, white-collar, moneyed classes), отрицательных, в основном описывающих недавно разбогатевших людей, выбившихся в средний класс, – 12 (nouveau riche, new money, fat cat, moneybags, parvenu, rags-to-riches, chav, Tweedy man, Mondeo man, Essex man, the chattering classes, Guchimuchi people). Положительных и нейтральных терминов, апеллирующих к рабочему классу, – 4 (toiler, blue-collar worker, pink-collar worker, the proletariat), отрицательных – 10 (the plebs, commoner, White van man, the hoi polloi, riff-raff, the bottom of the heap, the bottom of the barrel, bag lady, beggar, peasant).

Как можно видеть, вербально выраженные оценки наиболее неоднозначны относительно представителей среднего класса.

Среди устаревших или частично устаревших лексем большинство относится к высшему классу (7): gent, dandy, toff, nob, gentleman (в третьем значении), lady (частично), well-bred (во втором значении), что вызвано социо-культурными модификациями в укладе высшего класса. В корпусе лексики, называющей представителей среднего класса, не обнаружено устаревших терминов. Именно представители среднего слоя английского общества склонны делить общество на промежуточные слои, ориентируясь на едва уловимые различия. Устаревших лексем, относящихся к рабочему классу, выявлено 2 (lower class, proletariat).

Среди номинаций классов наибольшей синонимичностью отличается высший класс (5 лексем: high society, the ruling class, elite, aristocracy, nobility). Выявлено 6 синонимов, относящихся к представителям верхнего и среднего слоев среднего класса: bourgeoisie, petite bourgeoisie, white colour, moneyed classes, the beautiful people, smart set. К синонимам понятия «working class» можно причислить 2 лексемы: blue-colour, the proletariat.

Высокая плотность лексических единиц вербальной сферы концепта CLASS подтверждает его особое место в ценностной картине мира английского общества.

2.4. THE ESTABLISHMENT КАК ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКОЙ КЛАССОВОЙ СИСТЕМЫ

Трансформируясь и видоизменяясь со временем, классовость, будучи глубинным конструктом английского менталитета, неизменно остается важным ориентиром для жителей Альбиона. Информацию о классовом мировоззрении представителей английской лингвокультуры мы извлекаем через единицы языка, применяя лингвокультурологические и герменевтические методы изучения.

В данном случае наше внимание привлекло понятие «the Establishment», которое является чисто английским изобретением, и оказалось настолько востребованным для обозначения кругов правящей элиты, что было заимствовано во многие языки и культуры мира, в том числе и в русскую.

Чаще всего этот термин употребляется в Соединенном Королевстве, где он включает в себя ведущих политиков, высших чиновников, адвокатов и судей, аристократов, высшее духовенство в установленной англиканской церкви, самых видных финансистов, промышленников, членов правления Би-Би-Си и монархию. Недаром кандидатам на тот или иной политический пост говорят, что они должны произвести впечатление на истеблишмент партии, чтобы получить одобрение. В этом смысле термин был применен британским журналистом Генри Фэрли (Henry Fairlie), который в сентябре 1955 г. в лондонском журнале «The Spectator» назвал сеть выдающихся сплоченных людей «the Establishment», поясняя: «By the «Establishment», I do not only mean the centres of official power – though they are certainly part of it – but rather the whole matrix of official and social relations within which power is exercised. The exercise of power in Britain (more specifically, in England) cannot be understood unless it is recognized that it is exercised socially» [Цит. по: http://en.wikipedia.org/wiki/The_Establishment]. – Под истеблишментом я понимаю не только центры официальной власти – хотя они, несомненно, являются его частью – а скорее, всю матрицу официальных и социальных отношений, в рамках которых применяется власть. Применение власти в Британии (а точнее, в Англии) не может быть понято, пока не будет признано, что её функционирование носит социальный характер. Этот термин был быстро подхвачен всеми лондонскими газетами и журналами, цитировавшими Генри Фэрли. Необходимо заметить, что

он был не первым, кто использовал понятие «the Establishment» в этом значении. Ральф Уолдо Эмерсон (Ralph Waldo Emerson) упоминал его век назад, однако The Oxford English Dictionary цитировал колонку Фэрли как первоисточник [там же].

Появление в языке лексемы *establishment* и ее дериватов относится к 1731 году, изначально она принадлежала религиозному дискурсу. На новое значение данного слова, вероятно, повлиял британский термин «Established church», который обозначал официальные церкви Великобритании. Значение «правлящие люди и институты» (from *establish+ment* meaning «ruling people and institutions») относительно новое, оно развивается с 1923 года [OED, 2010].

К терминам-дериватам относятся такие понятия, как: *anti-establishment*, *establishmentarianism* (продвижение и развитие государственной церкви), *disestablishment* (постепенное отделение Англиканской церкви от государства), *disestablishmentarianism* и *antidial establishmentarianism* (движение противников процесса дисэстаблишмента церкви). Все они развивают проблематику религиозного дискурса.

В данном разделе наше наблюдение сводится к светскому понятию «the Establishment», поэтому рассмотрим словарные статьи, посвященные данной лексической единице в интересующем нас значении:

1) The Establishment – (often disapproving) the people in a society or profession who have *influence* and *power* and who usually *do not support change* [OALD, 2005, p. 519] – (часто неодобр.) люди в обществе или профессии, которые имеют *влияние* и *власть* и которые обычно *не поддерживают перемен* (курсив здесь и далее наш – Б.Е.).

2) The establishment – the *important* and *powerful* people who *control* a country or an organization, especially those who *support the existing situation*: Critics said judges were on the side of the establishment [CALD, 2008] – *важные* и *влиятельные* люди, которые *контролируют* страну или организацию, особенно те, кто *поддерживает существующую ситуацию*.

3) The Establishment – a *group or class of people* having institutional *authority* within a society, esp. those who *control* the civil service, the government, the armed forces, and the Church: usually with a *conservative outlook* [CED, 2009] – *группа или класс* людей, обладающих институциональной *властью* в обществе, особенно те, кто *контролирует* государственную службу, управление, вооруженные силы и церковь: обычно ассоциируемые с *консервативным мировоззрением*.

4) Establishment – (often initial capital letter) the existing *power structure in society*; the *dominant groups in society* and their customs or institutions; institutional *authority* (usually preceded by the): The Establishment believes exploring outer space is worth any tax money spent [RHD, 2010] – (часто первая буква заглавная) существующая *властная структура в обществе*; *доминирующие группы в обществе* и их обычаи или институты; институциональная *власть* (часто употребляется с определенным артиклем).

5) Establishment – *the persons* (or committees or departments etc.) who make up a body for the purpose of *administering* something; he quickly became recognized as a member of the establishment [CTEL, 2002] – *люди* (или комитеты, или ведомства и т.д.), которые формируют организацию с целью *управления* чем-то.

6) В Оксфордском словаре британской и американской культуры присутствует важное дополнение о том, что истеблишмент влиятелен не только в вопросах политики, но и в нравственной сфере: идеи, вкусы и т.п.

The Establishment (especially BrE usually disapproving) – *the group of powerful people who influence or control policies, ideas, taste, etc. and usually support what has traditionally been accepted* [OGBAC, 2005, p. 146] – (особенно в брит. англ., неодобр.) *группа влиятельных людей*, которые *контролируют политику, идеи, вкусы* и т.д. и обычно *поддерживают то, что стало традиционно общепринятым*.

7) Такой важный семантический признак, как «закрытость/наличие границ», встречается в следующем определении из Википедии:

The Establishment is a term used to refer to a visible *dominant group or elite that holds power or authority* in a nation or organization. The term suggests *a closed social group* which selects its own members (as opposed to selection by inheritance, merit or election). The term can be used to describe specific entrenched elite structures in specific institutions, but is usually informal in application and is more likely used by the media than by scholars [FEW]. – Истеблишмент – это термин, применяемый для обозначения определенной *господствующей группы или элиты*, у которой концентрируется *власть или авторитет* в стране или организации. Термин обозначает *закрытую социальную группу*, которая избирает своих членов (в противопоставление отбору по наследству, способностям или по выборной системе). Термин может быть ис-

пользован для описания отдельных элитных структур в конкретных организациях, но он обычно неформальный в употреблении и чаще используется в средствах массовой информации, чем учеными.

Данная лексема может функционировать как определение с доминантным семантическим признаком «консервативное мировоззрение»:

Establishment – n (modifier) belonging to, characteristic of the Establishment; orthodox or *conservative*: the establishment view of history [STEL, 2002] – принадлежащий или характерный истеблишменту; ортодоксальный или консервативный.

По результатам дефиниционного анализа можно установить, что базовыми семантическими признаками понятия «the Establishment» выступают: «группа влиятельных людей», «власть/авторитет в обществе», «контроль над главными институтами страны/политикой», «закрытость/избранность/немногочисленность», «нежелание перемен/консервативное мировоззрение». Часть источников указывает на отрицательную коннотацию «неодобрительно», а также на средства массовой информации как основную сферу употребления, то есть понятие «the Establishment» является элементом наивной картины мира, а не научной, что позволяет изучать его концептуальные признаки как феномена национальной, в данном случае английской лингвокультуры.

Уникальность данного понятия подтверждается тем языковым фактом, что оно практически не имеет лексических синонимов, а только описательные обороты: *the authorities, elite, the powers that be, the ruling class, top brass* (в значении «самые важные люди в правлении»), *political class* [STEL, 2002]; «*the Great and the Good*» [McDowall, 2008]; зато имеет семантический антипод (*the Establishment* <--> *outsiders*).

Понятие «establishment», как видно, коррелирует с понятием «*the ruling/political class*», представителей которого также относят к элите страны, но доминирующим признаком здесь выступает «власть», а также с лексемой французского происхождения *elite*, у которой в англоязычных словарных статьях не обнаруживается никаких культурных сем (a group of people in a society, etc. who are powerful and have a lot of influence, because they are rich, intelligent, etc. [OALD, 2005, p. 495] – группа авторитетных людей в обществе, которые имеют большое влияние, поскольку они богатые, интеллектуальные и т.д.). По отношению к лексеме-объекту данного анализа вышеприведенные

единицы мы будем считать гипонимами. В качестве антонимической единицы функционирует английское понятие «*outsider*» (аутсайдер), также заимствованное многими лингвокультурами, которым в терминах социологии, обозначают людей, не принадлежащих к истеблишменту [Elias, Scotson, 1965; Elias, Martins, Whitley, 1982].

Насколько семантические характеристики исследуемого понятия, зафиксированные толковыми словарями, актуальны сегодня и насколько меняется состав участников английского клуба, под названием «the Establishment»? Для ответов на эти вопросы мы обратились к ноэматическому анализу современных публицистических текстов, посвященных выявлению и объяснению сути истеблишмента в современных реалиях.

Результаты проведенного анализа позволили подтвердить наличие базовых характеристик понятия «the Establishment», добавив уточняющие признаки. Приведем примеры, где основным концептуальным признаком в цепочке ноэм является «*власть/влияние*».

Влиятельные круги – привычная среда существования:

«They move easily in the most influential political, cultural or social circles» [McDowall, 2008, p. 95]. – Они с легкостью возвращаются в самых влиятельных политических, культурных или социальных кругах.

Власть – влияние – наличие элитарного образования:

«The levers of the country outside our elected politicians are held by powerful groups of people usually white private school and Oxbridge educated, males» [Sampson, 2004]. – Рычаги управления в нашей стране помимо избранных политиков в руках влиятельных групп людей – обычно светлокожих мужчин, которые получили образование в частной школе, а затем в Оксфорде или Кембридже.

Влияние – наследство/собственность – малочисленность:

«The reason that the top 1 per cent has remained so wealthy is inheritance, which is spread around the family to minimise the effects of taxation» [McDowall, 2008, p. 95]. – Причина, по которой 1% элиты остается таким состоятельным, – это наследство, которое распространяется среди членов семьи, чтобы минимизировать налогообложение.

Влияние – наследство – хорошие манеры:

«Heritage and good manners are far more compelling than a contract or a rule book for the English» [Gill, 2006, p. 22]. – Наследство и хорошие манеры более привлекательны, чем контракт или книга правил для англичан.

Власть – внешние атрибуты – способы времяпрепровождения:

«The Establishment was *gentlemen's clubs* and *Mayfair restaurants*, *Members enclosures on race tracks* and *cricket grounds*. It went to the country at weekends, *shot and fished* and *rode and played golf*, ... it gently *chivvied* and *guided* the nation like a flock of slovenly sheep» [Gill, 2006, p. 22]. – Истеблишмент включал в себя *джентльменские клубы*, *рестораны района Mayfair* (Мэйфер), *vip-ложи посетителей автодромов* и *крикетных площадок*. Это была та часть общества, которая по выходным выезжала за город: *играла в гольф*, *стреляла*, *ловила рыбу*, *занималась верховой ездой*, *гоняла* и *руководила* нацией как стадом *неряшливых овец*.

Власть – немногочисленность – гибкость – сохранение влияния:

«The ruling minority has survived all the transformations from medieval to modern society by long *series of concessions* and *accommodations* in return for retention of *privileges* and *property*» [McDowall, 2008, p. 95]. – *Правящее меньшинство* сумело пережить все перевороты, от средневекового периода до современного общества, *длинной чередой уступок* и *приспособлений*, взамен на сохранение *привилегий* и *собственности*.

Однако многие авторы признают, что степень влияния английского истеблишмента уменьшается.

Истеблишмент – уменьшение влияния:

«The British Establishment is still there but *less influential* than it used to be» [Sampson, 2004]. – Британский истеблишмент никуда не исчез, но стал *менее влиятельным*, чем раньше.

Концептуальный признак *«закрытость/избранность/немногочисленность»* истеблишмента как элитной социальной группы также находит подтверждение в нашей выборке примеров:

Закрытость – сохранение границ класса:

«Despite this fluidity, elite of society, itself a segment of the professional class, *takes great care to protect itself*» [McDowall, 2008, p. 93]. – Несмотря на перемены, элита общества и, в частности, сегмент профессионального класса *с большой тщательностью охраняет свои границы*.

Закрытый клуб – единодушие:

«An *oligarchy*, a *club*, a *freetasonry of like-minded* and self-serving people» [Gill, 2006, p. 21]. – *Олигархия*, *клуб*, *масонство корыстных единомышленников*.

В следующем примере, где актуализируется признак «избранность/немногочисленность», наблюдается оппозиция «elite <—> outsiders»:

Немногочисленность – влияние/контроль – закрытость:

«It is also true that *the "top" 1 per cent has enormous influence and control. A handful of outsiders obtain access to this elite*» [McDowall, 2008, p. 95]. – Это действительно, правда, что у 1% элиты сконцентрировано огромное влияние и контроль. И только незначительная доля посторонних получает доступ к этой элите.

Избранность и закрытость этой социальной группы объясняются особым фактором ее формирования – землевладениями, передающимися из поколения в поколение, о чем идет речь ниже:

Избранность/немногочисленность – наследство/древность рода:

«In the country areas of this country, the power is held by *a few very wealthy landowners and their friends. These were families which had lived in the area for centuries*» [Sampson, 2004]. – В сельских районах страны власть принадлежит *нескольким очень состоятельным землевладельцам* и их друзьям. Речь идет о семьях, которые *жили* на этой территории *в течение веков*.

Семантическая характеристика «консервативное мировоззрение/нежелание перемен» не была нами обнаружена в современной публицистике, скорее, наоборот подчеркиваются изменения в мировоззрении представителей истеблишмента и их отношении к так называемым «аутсайдерам».

Сема «**группа влиятельных людей**» в публицистике значительно детализируется, так как в текстах, обсуждающих феномен истеблишмента, чаще всего осмысливается проблема принадлежности к этой немногочисленной социальной прослойке.

Представители истеблишмента – государственная служба:

«Traditionally, the young men of elite went into the professions: *the Civil Service, the law, medicine, the armed forces or the Church. That was partly the result of the original public school ethic of «service»*» [McDowall, 2008, p. 95]. – Традиционно молодежь из элиты выбирала такие профессии, как: *государственная служба, право, медицина, вооруженные силы* или *церковь*. Частично это был результат подлинной этики «служения», пропагандируемой в частных школах.

Представители истеблишмента – джентри-землевладельцы – избранные социальные круги:

«It includes *the «gentry» class made up mainly of landowners, and others who move in the most exclusive English social circles» [McDowall, 2008, p. 93]. – Эта элита включает в себя джентри, в основном землевладельцев и других людей, которые вращаются в самых избранных социальных кругах.*

Выясняется, что состав истеблишмента в текстах публицистики подвергается иерархизации, когда истеблишмент сопоставляется с дихотомической концепцией социального деления на верхи и низы.

Состав истеблишмента – высшие и низшие круги:

«There were people, of course, who were de facto members: *judges, bishops, generals, Whitehall civil servants, consultants, presidents of royal societies. And then there were the lackeys of the Establishment: NCOs, magistrates, doormen» [Gill, 2006, p. 21]. – Членами истеблишмента de facto всегда считались судьи, епископы, генералы, чиновники Уайтхолла, консультанты и президенты королевских обществ. Но также были лакеи истеблишмента – это сержанты, судьи низших инстанций, швейцары.*

Как можно убедиться, в составе истеблишмента произошли определенные изменения. Если раньше его представителями считались политики и чиновники высокого ранга, то сегодня профессиональный состав расширяется.

Представители истеблишмента – государственная служба, бизнес-руководители, судьи, медиамагнаты, церковь:

«Such groups include *top levels of the Civil Service, big business, judiciary, press barons and the church of England...*» [Sampson, 2004]. – Такие группы включают в себя высшие чины госслужащих, бизнеса, судей, медиамагнатов и англиканскую церковь.

Достаточно отчетливо проговариваются изменения в составе членов истеблишмента, а именно увеличение представителей частного сектора относительно государственных служащих по причине возрастания заработной платы в сфере бизнеса в эпоху свободного рынка.

Представители истеблишмента: государственная служба → бизнес:

«During the Thatcher years ... this elite, but also many members of the upper middle class as a whole, has *moved from public service into the private sector: merchant banks, accountancy, management and financial consultancy» [McDowall, 2008, p. 95]. – В течение периода правления Тэтчер ... большая часть элиты, а также многие представители вер-*

хушки среднего класса в целом *переместились из сферы государственной службы в частный сектор: коммерческие банки, бухгалтерия, менеджмент и финансовое консультирование.*

Представители истеблишмента – размывание границ:

«The top 1 per cent of wealth holders probably own about one-quarter of the nation's wealth, a large drop from the two-thirds they controlled in 1914 but a larger proportion than one might expect in a modern democracy» [McDowall, 2008, p. 95]. – Этот главный 1% владельцев благосостояния обладает $\frac{1}{4}$ богатств всего государства. Это значительный спад по сравнению с $\frac{2}{3}$, которые они контролировали в 1914 году, но это все-таки большая пропорция, чем может себе позволить современное демократическое общество.

Представители истеблишмента: консервативный список состава + успешные деятели искусства + лидеры общественных организаций:

«...this was *very conservative* and Conservative in former times. Add to that key figures in *arts administration* and *leaders of various quangos*» [Sampson, 2004]. – В былые времена все было очень консервативно. Сейчас к этому списку можно добавить *главных людей в искусстве и лидеров неправительственных организаций.*

Проведенный ноэматический анализ публицистических текстов показывает, что английскость рассматриваемого феномена заключается в том, что он не имеет четких границ внутри классовой системы, то есть никто из представителей английского истеблишмента не может быть уверен, является ли он его членом. Приведем отрывок, где с помощью метафоризации понятия (истеблишмент → огромный замок) объясняется его абстрактность с точки зрения понимания представителями своего места в нем, так как внутреннее пространство истеблишмента более обозримо для людей, не входящих в него.

Неосознанность принадлежности к истеблишменту его членов:

«The Establishment *never met in secret conclave, never had public rallies; its members never referred to each other as Establishment figures.* It was like a great castle, and *only those on the outside could see the extent of its walls and fortifications.* On the inside, it just looked like a collection of agreeably inoffensive nineteenth-century rooms» [Gill, 2006, p. 22]. – Члены Истеблишмента *никогда не встречались на тайных совещаниях, никогда не проводили общественных собраний; его члены никогда не обращались друг к другу как к членам Истеблишмента.* Истеблишмент был как огромный замок, и только аутсайдеры могли ви-

деть размеры его стен и укреплений. Изнутри он выглядел как набор приятных и безобидных апартаментов XIX века.

«The Establishment was *a secret society without a roll call*» [Gill, 2006, p. 21]. – Истеблишмент был *секретным обществом без переключки*.

Чтобы объяснить неформальность и обтекаемость термина «истеблишмент» и те предпосылки, которые сделали этот культурный феномен продуктом общества, опирающегося на прецедент, британский журналист А.А. Гилл сравнивает истеблишмент с одной из центральных улиц Лондона Constitution Hill.

Умозрительность истеблишмента:

«There is a road beside Buckingham Palace called Constitution Hill. We don't have a constitution, and it isn't a hill. The Establishment was *an empty name* that was given supernatural powers. The English particularly like institutions that have grown without rules or written agreements. They like *the world to be unframed – a society formed from precedent and common practice*» [Gill, 2006, p. 22]. – Существует улица около Букингемского дворца, которая называется «Холм Конституции». У нас нет Конституции, а сама улица не на холме. Истеблишмент был «*пустым*» словом, которому приписывались сверхъестественные возможности. Англичане особенно любят институты, образованные без правил или письменных договоренностей. Они предпочитают *мир без рамок: общество, сформированное из прецедента и общей практики*.

Рассмотрим выявленные нами концептуальные характеристики, которые не отражены в семантической структуре понятия.

«Образование» – один из важнейших признаков, не зафиксированный в лексикографических источниках, вместе с тем объективирующий многие другие. Считается, что до 1970-х гг. в Британии была однородная правящая элита, сформированная из семей высшего класса, чьи сыны знакомились в элитных частных школах, таких как Итон и Хэрроу, и из сообщества «старых мальчиков» (the «old boy» network) Оксфорда и Кембриджа, которые влияли на общественную жизнь страны [РС, 2013].

Представим ноэматические ряды с базовым признаком «образование».

Элитарное образование – кратчайший путь в истеблишмент:

«*The main route into the British establishment still runs through Oxford and Cambridge. Many establishment members went to private school,*

too, but the establishment is *less posh* than it was» [Kuper, 2012]. – *Главный путь в британский истеблишмент* пролегает через Оксфорд и Кембридж. Многие члены истеблишмента также учились в частных школах, но сейчас истеблишмент *не такой фешенебельный*, как раньше.

«The sons all go to *public schools*, usually *the more famous ones*» [McDowall, 2008, p. 95]. – Сыны в элитных семьях идут учиться в *частные школы*, как правило, в *более известные*, чем их родители.

Действительно, современные публицистические тексты подтверждают, что образование остается важной характеристикой представителей истеблишмента, но получение образования в элитарных школах и университетах больше не является обязательным условием вхождения в клуб членов истеблишмента. Однако через обучение в элитарных образовательных учреждениях с детства воспитывается чувство социального превосходства.

Образование → элитарная культура публичных школ → чувство социального превосходства:

«It sends its children to be educated privately at a public school, where its children obtain a better academic education than normally possible in state-funded schools. More importantly they obtain a sense of social superiority through the public schools elitist culture. A recent Provost (or president) of Eton College told assembled pupils that they were being educated so as "to exercise authority"» [McDowall, 2008, p. 93]. – Детей этой элиты посылают *получать частное образование в публичной школе*, где они получают *более качественное академическое образование*, чем обычно это возможно в государственных школах. Более важно даже то, что они приобретают *чувство социального превосходства* через *элитарную культуру публичных школ*. Один из ректоров или президентов Итона сказал собравшимся ученикам, что их обучают, чтобы в дальнейшем «применять власть».

После 1970 года наблюдается сдвиг в смысловой сфере этого понятия. Истеблишмент становится более открытым для людей с более низким социальным происхождением, желающих стать политиками и высокими чиновниками. Все большее число членов парламента от консервативной партии получает образование в обычных школах и отмечается скромным происхождением. Все больше членов парламента от лейбористской партии – представители среднего класса, белые воротнички с университетским образованием [РС, 2013].

В публицистических текстах также можно найти подтверждение, что в настоящее время истеблишмент стал гораздо более открытым пластом общества, попасть в который можно благодаря своим умственным способностям, приспособляемости; успехам, достигнутым в менее элитных университетах и государственных школах. Приведем примеры:

Высокий уровень интеллекта как условие для вхождения в истеблишмент:

«Whether you are working class, a woman or a cocker spaniel, *the new British establishment will let you in* if you are *clever* and behave yourself. ...The establishment is always scouting for clever recruits. ...Even toffs like David Cameron need brains to get into the establishment» [Kuper, 2012]. – Не важно, являетесь ли вы представителем рабочего класса, женщиной или коккер-спаниелем, *новый британский истеблишмент примет вас* в свои ряды, если вы *умны* и хорошо себя ведете. ...Истеблишмент всегда в поиске умных новобранцев. ...Даже таким джентльменам, как Дэвид Кэмерон, нужны мозги, чтобы попасть в истеблишмент.

Приспособляемость как способ войти в истеблишмент:

«*Literally anyone can be accommodated: "God Save the Queen"* by the Sex Pistols, the ultimate anti-establishment song, was played at the Olympic opening ceremony just before the Queen's own comic caper» [Kuper, 2012]. – «*Буквально любой человек может вписаться: «God Save the Queen»* в исполнении Sex Pistols, крайне анти-истеблишментская песня прозвучала на церемонии открытия Олимпийских игр, как раз перед комическим прыжком королевы».

Успехи в образовании – путь в истеблишмент:

«...things are changing as *more people are coming via other major universities, and state schools*» [Sampson, 2004]. – Все меняется, так как *все больше людей добиваются успеха, обучаясь в других серьезных университетах и государственных школах.*

Другая важная характеристика английского истеблишмента, не присущая элитам других культур, выявленная на материале публицистики, – **«единообразие во взглядах представителей истеблишмента/солидарность».**

Сплоченность – общность мировоззрения:

«One thing has struck me forcibly again: the UK has a *unified establishment*. The country is run by a group of people who *believe much the*

same set of things» [Kuper, 2012]. – Вот что меня больше всего опять поразило: в Соединенном Королевстве *очень сплоченный истеблишмент*. Страна управляется группой людей, *которые верят в один и тот же набор идей*.

Дружеские взаимоотношения – неформальность общения:

«...establishment members generally *get on well*. They all live in London, and meet at receptions and in each other's kitchens (but rarely over long restaurant lunches any more). *The links between different sectors are close and informal*, even when not forged at Eton» [Kuper, 2012]. – ...в основном члены истеблишмента *хорошо ладят между собой*. Все они живут в Лондоне, встречаются на приемах и на кухнях друг у друга (но сейчас уже крайне редко на длинных ресторанных ланчах). *Связи между разными частями истеблишмента тесные и неформальные*, даже если эти представители не выросли в Итоне.

Говоря о солидарности британского истеблишмента, Саймон Купер уверяет, что ни в Италии, ни в США, ни во Франции со времен правления Саркози нет такой однородной элиты и что эта черта является весьма полезной для жизни страны.

Единодушие во всех сегментах истеблишмента/солидарность:

«As I groom *the lower slopes of the establishment*, I've witnessed the same *agreeableness*. ...In Britain, all establishment members *agree* on the same set of facts and, to some degree, even opinions, which they absorb every morning from BBC Radio 4's Today programme» [Kuper, 2012]. – Работая на *низы истеблишмента*, я наблюдал то же самое *единодушие*. ... В Британии все члены истеблишмента *согласны друг с другом* по поводу одних и тех же фактов и в некоторой степени даже мнений, которые они впитывают каждое утро из программы Today BBC Радио 4.

Сплоченность истеблишмента – гарант социальной стабильности общества:

«...Having a *unified establishment* has a *soothing effect* on national life» [Kuper, 2012]. – ...*Сплоченность истеблишмента* оказывает *успокаивающее воздействие* на жизнь страны.

Дружественная атмосфера и единодушие в английском истеблишменте обусловлены историческим развитием страны, в частности, отсутствием революций и серьезных политических переворотов. Важным изменением в характеристике изучаемого феномена является смена консервативного мировосприятия на более гибкое, отвечающее требованиям современного общества. Фактором, объяс-

няющим жизнестойкость английского истеблишмента, является присущая английской нации ценностная характеристика «умение держать лицо».

Дружественность членов истеблишмента – гибкость мировоззрения – соблюдение приличий:

«The right and left wings of Britain's establishment *get along fine*. Establishment members *are discouraged from holding strong fixed beliefs*. Britain has no recent traumas of revolution, civil war or collaboration. Consequently, establishment members *treat each other as good chaps* even when they disagree on matters of life and death» [Kuper, 2012]. – «Правые» и «левые» представители Британского истеблишмента прекрасно уживаются друг с другом. Не приветствуется, если члены истеблишмента придерживаются строгих, твердых принципов. Британия не претерпевала ущерба революций, гражданской войны или коллаборационизма. Следовательно, члены истеблишмента общаются друг с другом как хорошие друзья, даже когда они расходятся в вопросах жизни и смерти.

Истеблишмент – умение приспосабливаться к меняющимся реалиям:

«It subtly altered its methods and its membership as society changed its demands» [Gill, 2006, p. 22]. – Он искусно менял свои методы и состав своих членов, так как общество меняло свои требования.

Истеблишмент, трансформируясь со временем, утратил свою былую социальную функцию – оказывать влияние на настроения, идеи, вкусы в обществе, уступив свое место современным знаменитостям («селебрити»). Однако между представителями истеблишмента и селебрити существуют принципиальные отличия: чтобы стать медийным лицом, необязательно участвовать в политической или социальной жизни страны, необязательно являться выходцем из высшего или верхушки среднего класса, иметь солидное образование или землевладения.

Утраченное истеблишментом влияние в обществе перешло к знаменитостям:

«Some time in the late eighties – the Establishment stole off into the night. It was as if we'd all grown out of it, stopped believing in it. *The trappings of the Establishment* are still there: *the titles and the clubs, the royal societies, the conventions, the dining-room, the Members Only bars*, but they no longer broker power or influence. *The Establishment* may have

disappeared in one incarnation, but the collective need something like it is still here, and in many ways the role has been taken on by the monstrous battalion of *celebrity*» [Gill, 2006, p. 23]. – Однажды, в конце 80-х годов, истеблишмент исчез в ночь. Это произошло так, как будто мы все выросли из него, перестали в него верить. *Внешние атрибуты* все же налицо: *титулы, клубы, королевские общества, условности, гостиницы, бары только для членов*, но они больше не несут власти и влияния. Вероятно, *истеблишмент исчез в одном своем воплощении*, но коллективная нужда чего-то похожего все еще существует, и во многом роль истеблишмента возложил на себя громадный батальон *знаменитостей*.

Знаменитостей так же, как и истеблишмент, характеризует определенная степень закрытости, отсутствие четких правил поведения в этой социальной группе, привилегии и избранность. В то же время состав института знаменитостей, в отличие от истеблишмента, известен поименно, а известные люди осознают свою принадлежность к нему. Если истеблишмент не вызывал у аутсайдеров ассоциаций с конкретными персоналиями, а возможно, только с определенными профессиями, то «селебрити» у каждого отдельного индивидуума могут ассоциироваться с каким-то именем.

Знаменитости → *осознание избранности* – *привилегии* – *функции истеблишмента*:

«From the outside, celebrity looks like *a closed shop*, a mutually beneficial oligarchy whose rules are unspoken, whose members are elected by some secret ballot. All celebrities seem *to know each other* and live in a world separated from the rest of us by an invisible rope of *privilege and preference*... Celebrities fill in where the Establishment left off. Where the Establishment was anonymous, celebrity, by its nature, is not. And the anger that was once directed generically is now specific» [Gill, 2006, p. 23]. – Снаружи институт знаменитостей выглядит как *закрытое предприятие*, взаимовыгодная олигархия с неписаными правилами, чьих членов избирают секретной жеребьевкой. Кажется, что все знаменитости *знают друг друга* и живут в мире, отделенном от остальных невидимой нитью *привилегий и избранностью*... Знаменитости заполняют то место, которое освободил истеблишмент. В то время как истеблишмент был анонимным, знаменитости по своей природе на виду. И гнев, который был однажды направлен на всех, теперь специфический.

Интересно проследить объективацию понятия «истеблишмент» в английской эмоциональной картине мира, так как языковое освоение действительности невозможно без эмотивно-оценочного отношения к ней. Согласно лексикографическим данным, лексема *истеблишмент* имеет отрицательную коннотацию и отмечается пометой «неодобрительно». Приведем примеры из публицистики, где актуализируется эмотивная рефлексия по отношению к обсуждаемому феномену.

Истеблишмент – институт, вызывающий негативные эмоции – объект гнева и недовольства:

«There was no corner of the country too insignificant to attract *the interference of the Establishment*. People would put their blighted careers down to their refusal to kowtow to it; ...the price of beer and the pick of the England team could *all be ascribed to and blamed on the Establishment*» [Gill, 2006, p. 22]. – Не было такого уголка в стране, настолько незначительного, чтобы не *привлечь внимания истеблишмента*. Люди списывали свои несостоявшиеся карьеры на нежелание раболепствовать перед истеблишментом; ...цена пива и состав английской сборной – *все приписывалось истеблишменту, и во всем обвинялся истеблишмент*.

Из проанализированных публицистических текстов становится понятно, что истеблишмент мешает развитию меритократии в Англии, и авторы немного завидуют более демократическим и менее консервативным странам.

Истеблишмент – пережиток прошлого:

«Fortunately *we are changing but like evolution, it is a slow process*» [Sampson, 2004]. – К счастью, *наша страна меняется*, но, как всякая эволюция, это медленный процесс.

Выясняется, что в устной коммуникации необходимо осторожно обращаться с данной номинацией, не возбраняется использовать ее в разговоре, но, назвав собеседника представителем истеблишмента, можно его обидеть.

Истеблишмент – негативное отношение:

«To accuse someone of having become a member of the Establishment was a dire insult» [Gill, 2006, p. 21]. – Обвинить кого-то в том, что он стал членом истеблишмента, было ужасным оскорблением.

Чувство классовой несправедливости у простых англичан вызывают даже не сами представители истеблишмента, а его устройство. Привилегии, передаваемые из поколения в поколение, в частности,

возможность обучаться в лучшей частной школе, сводят к нулю принципы равенства.

Привилегии истеблишмента – чувство классовой несправедливости у аутсайдеров:

«A boy at John Major's old (state) school had this to say: «If John Major wants a classless society, then he'll have to abolish the public school sector. *We can't have equal opportunities with two different sectors*». Another commented, «*You feel different from them. It's not equal. They start on a different level*» [McDowall, 2008, p. 93]. – Мальчик из старой (государственной) школы, где учился Джон Мэйджор, сказал: «Если Джон Мэйджор желает, чтобы общество стало бесклассовым, ему придется отменить сектор частных школ. *Мы не можем иметь равные возможности, имея два различных сектора*». А другой прокомментировал: «*Мы чувствуем себя непохожими на них. Нет равенства. Они начинают с другого уровня*».

В следующих примерах истеблишмент сравнивается с емкостью, в которую помещаются все скопленные негативные эмоции, от неуверенности до ярости. Но, несмотря на негативное отношение, которое он вызывает у общественности, истеблишмент выполняет сдерживающую функцию.

Истеблишмент – объект, отвечающий за неуверенность и снобизм:

«The Establishment was... *a construct of all their insecurity and snobbery, a spittoon for their anger and the slights of life. They were all joined together and made a regiment of faceless, pin-striped demons*» [Gill, 2006, p. 22–23]. – Истеблишмент был *конструктом неуверенности и снобизма*, плевательницей для гнева и для жизненных обид. Все это соединялось вместе и составляло полк безликих демонов в костюмах в светлую полоску.

Истеблишмент – механизм, сдерживающий ярость и негодование:

«The Establishment's great role was *part of the coping mechanism for English fury. The nebulous will-o'-the-wisp nature of it meant that it could stand as a huge punch-bag and sponge for self-righteous anger. If it had been any more visible or corporeal, it might have ended up strung from lampposts...; but you couldn't sue the Establishment, or ask it outside man-to-man. It soaked up the resentment and never tired*» [Gill, 2006,

р. 22]. – Великая роль истеблишмента состояла в том, что он был *частью механизма, который боролся с английской яростью*. Его туманная природа означала, что он может стоять как огромная ёмкость для пунша или губка для ханжеского гнева. Если бы он был более видимым и материальным, то он бы закончил свое существование свисающим с уличных фонарей...; но вы не могли подать на истеблишмент в суд или «выяснить с ним отношения». *Он впитывал негодование* и никогда не уставал.

Результаты ноэматического анализа относительно установления ценностного коэффициента понятия «истеблишмент» в целом совпадают с результатами лексикографического обзора. Эмотивные конститuentы, входящие в ноэматику феномена, в основном сконцентрированы на отрицательном полюсе: гнев, недовольстве, раздражении, обиде, чувстве несправедливости, неуверенности, снобизме, ярости, негодовании. Однако признается, что однородный английский истеблишмент выступает гарантом стабильности в обществе и выполняет сдерживающую функцию.

Основные выводы сводятся к следующему:

1. Базовыми семантическими признаками понятия «the Establishment» являются: «группа влиятельных людей», «власть/авторитет в обществе», «контроль над главными институтами страны/политикой», «закрытость/избранность/немногочисленность», «нежелание перемен/ консервативное мировоззрение».

2. Особое место понятия «the Establishment» в лингвокультуре подтверждает лексическая система английского языка. Наблюдаемая лексема не имеет эквивалентов в словарных составах других языков и была заимствована как специфическое английское понятие, она не имеет лексических синонимов, но для обозначения представителей социума, не принадлежащих элите, выработано понятие «outsider», которое также вошло в другие языки как английское заимствование.

3. За исключением признака «консервативное мировоззрение», все семантические характеристики широко актуализированы в современной публицистике. Ноэматический анализ позволил продемонстрировать причинно-следственные отношения базовых концептуальных признаков и обнаружить этнокультурные смыслы – ноэмы, детерминирующие и эксплицирующие базовые концептуальные характеристики. Представим результаты в виде схемы:

- *Привычная среда существования* → наличие элитарного образования (Оксфорд и Кембридж) → *собственность, передаваемая по наследству* → *хорошие манеры* → *внешние атрибуты* → *специфические способы времяпрепровождения* → *гибкость мировоззрения* → ВЛАСТЬ/ВЛИЯНИЕ.
- *Сохранение границ социальной группы* → *избранность* → *древность семейного рода / наследство* → ЗАКРЫТОСТЬ/ИЗБРАННОСТЬ/НЕМНОГОЧИСЛЕННОСТЬ.
- *Избранные социальные круги* → *высшие и низшие круги* → *государственная служба* → *джентри-землевладельцы* → *бизнес + видные деятели искусства и общественных организаций* → *размытие границ* → *неосознанность принадлежности к истеблишменту его членов* → ГРУППА ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.

Важно указать, что эти три базовых признака находятся в стадии деинтенсификации значения.

Существенные ноэматические смещения произошли в концептуальных признаках: «группа влиятельных людей», «закрытость» и «консервативное мировоззрение». Так как представителей истеблишмента все больше ассоциируют с бизнес-руководителями, которые принадлежат upper-middle class, мы можем наблюдать в цепочке «представители истеблишмента» смещение: *государственная служба* → *бизнес* → *знаменитости*. В признаке «закрытость» вектор сместился следующим образом: *высокий уровень интеллекта/успехи в образовании* → *приспособляемость* → *условия вхождения в истеблишмент*, что показывает: истеблишмент больше не является закрытым клубом для самых избранных. Смещение «консервативное мировоззрение истеблишмента» → *гибкость мировоззрения/умение приспособливаться к меняющимся реалиям* → *сохранение привилегий и влияния»,* на наш взгляд, лучше всего объясняет, почему феномен истеблишмент оставляет за собой высокую лингвокультурологическую значимость и в наше время.

4. Этнокультурную специфику феномена «the Establishment» формируют концептуальные признаки, которые могут быть выявлены лишь путем рефлексии над текстами культуры. Нам удалось смоделировать следующие ряды нозм, не зафиксированных лексикографическими источниками:

- *Элитарная культура публичных школ → Оксфорд и Кембридж – кратчайший путь в истеблишмент → чувство социального превосходства → высокий уровень интеллекта как условие для вхождения в истеблишмент → ОБРАЗОВАНИЕ.*
- *Сплоченность → дружеские взаимоотношения → неформальность общения → гибкость мировоззрения → умение приспосабливаться к меняющимся реалиям → соблюдение приличий → ОБЩНОСТЬ ВЗГЛЯДОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИСТЕБЛИШМЕНТА/ СОЛИДАРНОСТЬ → гарант социальной стабильности.*

5. Английскость феномена «the Establishment» состоит в том, что синкретичность границ данного субконцепта в рамках концептуального поля «class system» порождает неосознанность принадлежности к английской элите её представителей.

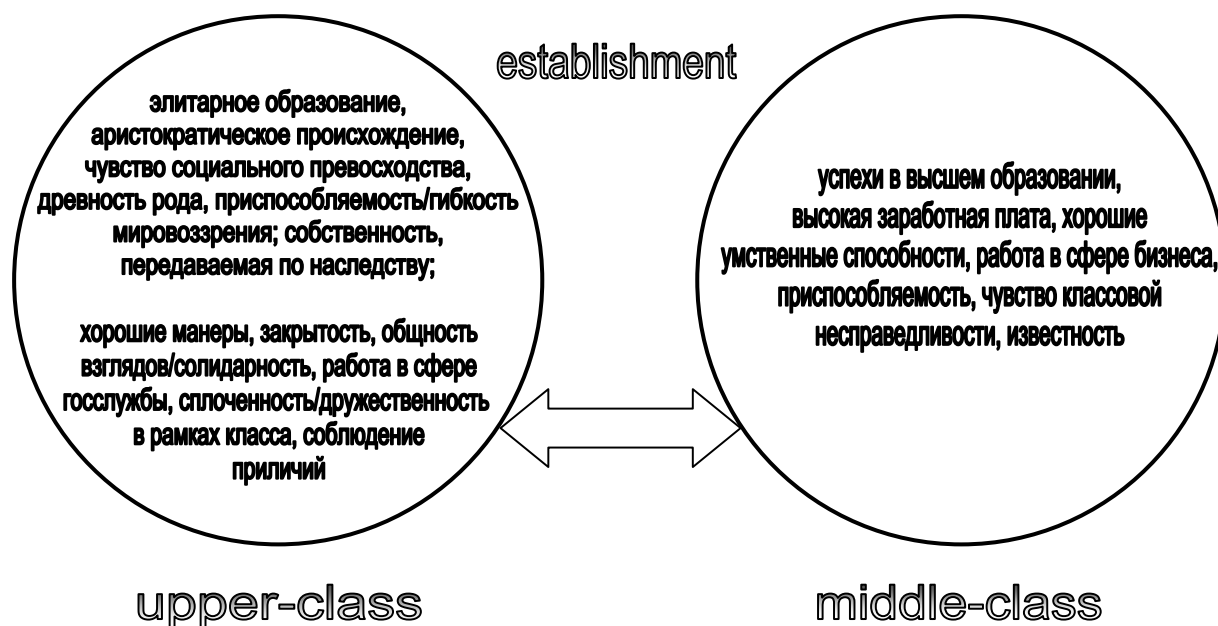
6. Рассмотрение вербализации понятия «the Establishment» в английской эмоциональной картине мира позволило определить статус конструкта «the Establishment» как антиценности, поскольку большинство рассмотренных примеров из текстов публицистики реализуют негативное отношение к данной социальной группе. Эмотивное содержание ноэматики «the Establishment» может быть представлено в следующем виде:

Истеблишмент – институт, отвечающий за эмоции людей → негативное отношение → объект гнева и недовольства → пережиток прошлого → чувство классовой несправедливости → объект, отвечающий за неуверенность и снобизм.

Однако у изучаемого субконцепта обнаружены и имплицитные положительные аксиологические признаки: *истеблишмент – гарант социальной стабильности → механизм, сдерживающий ярость и негодование.*

7. В XX веке ноэматическое наполнение субконцептов «the Establishment» и «upper class» во многом совпадало. На современном этапе генезиса английской лингвокультуры наблюдается расширение концептуальной структуры феномена «the Establishment», так как он частично охватывает ценности «upper-middle class» и «middle class». В то же время ноэмы ценностного поля «upper class» также остаются значимыми в рамках субконцепта «the Establishment» (см. диаграмму ниже).

Корреляция понятия «the Establishment» с ценностями субконцептов «upper class» и «middle class»

2.5. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА CLASS В ЕДИНИЦАХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО УРОВНЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Объектом наблюдения на данном этапе нашей работы послужили устойчивые сочетания, концептуализирующие принадлежность англичанина к определенному социальному классу. Данные конструкции, придающие речи неповторимый национальный колорит и особую экспрессию, являются привлекательным объектом исследования. Цель работы – проверить, подтверждаются ли в паремиологическом фонде английского языка умозаключения, сформулированные нами в результате онтологического анализа феномена CLASS в английской лингвокультуре.

Фразеологизацию понятия «класс» мы рассматриваем с позиций герменевтического подхода в лингвокультурологии и понимаем ее как один из способов концептуализации понятий, т.е. процесс смыслообразования и опредмечивания какого-либо феномена в знаках языка. Фразеологизация понятия «класс» в английской лингвокультуре исследуется нами через описание ноэматических характеристик лексики как совокупности культурных смыслов.

Фразеологические единицы (далее – ФЕ), паремии интересны как средство познания национального характера народа, хранилище разнообразной культурологической информации, поскольку прошли испытание временем более продолжительное, чем любое произведение классической художественной литературы, а потому могут считаться самым надежным источником информации о системе ценностей.

ФЕ представляют собой зафиксированные словарями, узнаваемые большим количеством говорящих, стереотипные, но яркие представления или характеристики концептуализируемого понятия, в отличие от метафор, образованных в рамках художественной коммуникации, где выбор образа, положенного в основу номинации, зависит от автора.

Значение ФЕ есть результат переосмысления окружающей действительности. Фразеологизация как форма рефлексии внеязыковой действительности отличается объективацией абстрактного через конкретное. ФЕ – специфические тексты культуры, рассматриваемые народной памятью как руководство к действию, так как представляют собой готовые к применению в коммуникации отрефлексированные идеи, фиксирующие наиболее ценные аспекты мироощущения и устойчивые в лингвокультурном сообществе аксиологические характеристики.

С позиций данного исследования не имеет принципиального значения традиционное разграничение пословиц, поговорок, фразеологизмов, поскольку нас интересуют не семантическое или структурное их отличие, а осмысленные и опредмеченные в языке аксиологические характеристики, присущие разным социальным классам, жизненные закономерности, зависящие от классовой принадлежности англичанина, отношения между представителями разных страт общества и руководства к действию в той или иной ситуации. Укажем, что мы не оперируем термином фразеологический концепт (Бабушкин, 1996), так как ФЕ для нас не способ существования, а средство объективации концепта.

Самое широкое понимание класса в Великобритании – это класс как иерархия, система, обеспечивающая представителям британской лингвокультуры чувство принадлежности.

Место британца в классовой иерархии определяется такими факторами, как: происхождение, акцент, образование, поведение, манера одеваться и стиль жизни.

Пословицы подтверждают мысль о том, что высший класс отличается от остальных *не внешними признаками, а, прежде всего, своим происхождением, «добрым именем», благородным поведением, воспитанием и хорошими манерами: Noblesse oblige* – положение обязывает. Как отмечает Ф. Нортон, эта иностранная фраза воплощает очень английский концепт (*Noblesse oblige (privilege entails responsibility) is a foreign phrase but it embodies a very British concept*) [Norton, 1984, p. 3–101]; *It is not the gay coat that makes the gentleman* – Джентльмен узнается не по ярким одеждам (рус. эквиваленты: Не одежда красит человека/По одежке встречают, по уму провожают / По одежке не суди, по делам гляди); *Manners make the man* – человека делают манеры (можно сравнить с аналогичной русской пословицей: Одежда красит человека); (в круглых скобках приводятся русские соответствия английским пословицам).

Аристократия традиционно пользовалась большим уважением в Англии и оставалась законодателем образа жизни, даже если не отличалась привилегированностью в политической и экономической сфере. В Англии классовые различия не точно соответствуют экономическим. Отношение англичан к своему социальному статусу – специфическое. Оно выражено в аксиологической установке – не привлекать внимания к своему благосостоянию и даже стыдиться его. Принадлежность к высшему обществу определяется, прежде всего, происхождением, а не богатством. Как отмечает Сара Лайлл, аристократы сохраняют свое высокое положение даже во время пребывания в тюрьме, в психиатрической больнице или в нищете. Им позволено быть очень богатыми и расточительными; быть богатыми и вести себя, как бедные; быть действительно бедными или, по крайней мере, не иметь наличных денег [Lyall, 2009, p. 204]. Подтверждение этому есть в пословицах: *A good name is better than riches / A good name is better than a golden girdle* – Доброе имя – лучше богатства (в рус. яз.: Добрая слава лучше богатства) – Значение второго высказывания более чем очевидно, ибо в старой Британии «a girdle of gold» называли ремень или пояс из золотых монет; *To be born with a silver spoon in one's mouth* – Родиться с серебряной ложкой во рту (в рус. яз.: родиться в рубашке); *Get a name to rise early, and you may lie all day* – Создай себе репутацию рано встающего человека, потом хоть целыми днями валяйся в постели; *What will Mrs Grundy say?* – Что скажет

Миссис Гранди? (в рус. яз.: Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна!; Что скажут люди?)

Реализации ноэмы «честь как неотъемлемая черта джентльмена», на наш взгляд, отводится особое место в паремиологическом фонде английского языка, где отмечается социально значимая положительная оценка чести: *Conduct and courage lead to honour* – Руководящий образ действий и храбрость ведут к чести (рус.: Либо пан, либо пропал; Не будешь покойник, будешь полковник); *Either live or die with honour* – Одно из двух: живи или умри с честью (рус.: Бесчестье хуже смерти; Смерть лучше бесчестья; Чести дворянин не кинет, хоть головушка погинет); *Honour and ease are seldom bed fellows* – Честь и непринужденность редко плохие товарищи (рус.: Не богат, да славен: тот же барин); *It is a sign of a worthy spirit whom honour amends* – Знак достойного духа, кому честь – вознаграждение (рус.: По заслугам и честь); *It is a worthier thing to deserve honour than to possess it* – Достойнее заслужить честь, чем обладать ею; *Where honour ceases, knowledge decreases* – Где исчезает честь, уменьшается знание (Честь ум рождает, а бесчестье и последний отнимает); *The honours of this world are the principles of virtue* – Почести этого мира – принципы добродетели.

Но встречается и критичное отношение к этой категории: *Honour and shame from no condition rise* – честь и позор ничем не обусловлены (ср. рус.: Не в бороде честь – борода и у козла есть); *Honour buys no beef in the market* – За честь не купишь говядину на базаре (рус.: Что и честь, коли нечего есть? Хороша и честь и слава, а лучше того каравай сала); *Honours best thrive when rather from our acts* – Титулы процветают больше всего из наших дел (рус.: Честь честью, а дело делом. Честь по заслугам); *It is better to be beloved than honoured* – лучше быть любимым, чем почитаемым (ср. рус.: Береги честь смолodu, коли рожа кривая); *New-made honour doth forget men's names* – Новоиспеченная честь забывает людские имена (рус.: Пришла честь – сумей её снести; Дай Бог тому честь, кто умеет её снести); *Regal honours have regal cares* – С королевскими отличиями получаешь королевские заботы (рус.: Дай бог в честь да в радость; Больше почет, больше хлопот; Велик почет не живет без хлопот).

Другие отличительные признаки высших классов – речь и образование. Была найдена только одна пословица об общей пользе образования: *Money spent on the brain is never spent in vain* – Деньги, по-

траченные на образование, никогда даром не пропадают (рус.: Наука – верней золотой поруки). Как указывает К. Фокс, до относительно недавнего времени представители высшего класса и аристократии были убежденными противниками интеллектуальности (в этом они схожи с рабочим классом) и смотрели свысока на средние классы, почитающие высшее образование [Фокс, 2008, с. 436–437].

Следующие пословицы выражают мысль, что и в высших классах могут происходить *скандалы* – события, позорящие и ставящие их в неловкое положение: *Accidents will happen in the best of families/ Many a good cow hath an evil (bad) calf* – Скандалы случаются и в лучших семьях / И у хорошей коровы может быть злой (плохой) теленок (рус.: Скандал в благородном семействе / В семье не без урода).

Великобритания сохраняет нетронутыми разработки формальной системы ранга и приоритета, вершина которой – монархия и которая означает, что престиж и честь могут быть переданы и унаследованы из поколения в поколение. Пословицы подтверждают значимость королевского происхождения, при этом слово *king* часто употребляется в переносном смысле – как признак превосходства: *To be born in the purple* – родиться в пурпурном / родиться в королевской семье (выражение появилось еще в Византии, где царскую опочивальню всегда убирала в пурпурные шелка; фиолетовый (пурпурный) у англичан считается королевским цветом; *Every inch a king* – Каждый дюйм – король (рус.: Всяк в чем-то король); *Queen Ann is dead* – Во времена королевы Анны (рус.: Во времена оны; рассказ «с бородой»); *War is the sport of kings* – Война – занятие королей; *The king of the castle* – Король замка/самая важная персона; *King for a day* – король на день (рус.: калиф на час); *In the country of the blind the one-eyed man is the king* – Среди слепцов и одноглазый – король; *Uneasy lies the head that wears a crown* – Нелегко голове, носящей корону (рус.: Тяжел ты, венец царский). Представителям монархии приписываются положительные характеристики: *Punctuality is the politeness of kings* – Точность – вежливость королей.

Лексема *lord* сохранилась в паремиях английского языка, отправляющих к различным сторонам действительности и, безусловно, подтверждающих высокий статус лорда: *New lords, new laws* – Новые лорды, новые законы; *Live like a lord /Live in clover* – Жить как лорд/Жить в клевере (припеваючи) (рус.: Жить барином/Как сыр в масле кататься); *Act the lord* – Вести себя как лорд (рус.: Корчить из

себя господина); *A nod from a lord is a breakfast for a fool* – Для дурака кивок лорда всё равно что завтрак; *As drunk as a lord* – Пьян, как лорд (рус.: пьян, как сапожник); *Swear like a lord* – ругаться, как лорд (рус.: ругаться как извозчик/ ругаться на чем свет стоит).

С лексемой *knight* функционируют следующие ФЕ: *Knight without fear and without reproach* – рыцарь без страха и упрека; *A knight in shining armour* – рыцарь в сияющих доспехах (рус.: доблестный рыцарь, галантный кавалер); *knight of the road* – ирон., шутл., коммивояжёр, бродяга, водитель грузовика, такси.

С лексемой *gentleman* мы находим такие устойчивые сочетания, как: *a gentleman of fortune* – джентльмен удачи, авантюрист, искатель приключений (первоначально о пиратах); *a gentleman's agreement* – джентльменское соглашение (первоначально американское).

Итак, 31% исследованных пословиц отправляет нас к представителям аристократии и к имущественному высшему слою среднего класса.

19% пословиц повествуют о жизни рабочих неимущих классов. В большинстве из них представлена нозма «сочувствие к незавидной тяжелой доле бедняков»: *Poverty is no crime (disgrace)* – Бедность не порок/не позор; *Necessity is the mother of invention/ Need makes the old wife trot* – Необходимость – мать изобретений/ Нужда заставляет старую жену спешить (рус.: Голь на выдумки хитра); *Poverty is no shame, but the being ashamed of it is* – Бедность не позор, но стыдиться ее позорно; *Beggars can't be choosers* – Нищим выбирать не приходится (русский эквивалент: бедному да вору – всякая одежда в пору); *Debt is the worst poverty* – Долг – худший вид бедности; *The poor must pay for all* – Бедняк расплачивается за всех; *Poor as a church mouse* – Беден как церковная мышь; *A beggar's purse is bottomless* – Суму нищего не наполнишь; *The pleasures of the mighty are the tears of the poor* – Удовольствия богатых – слезы бедных (рус.: Богатому рай, а бедному ад; Богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник горюет).

В ряде пословиц можно проследить соотношение «мастерство рабочего – результаты его труда»: *As is the workman so is the work/ as the baker, so the buns / the work shows the workman/ He works best who knows his trade/ Practice makes perfect* – Каков рабочий, таков и его труд/ Каков пекарь, таковы и булочки/ Работника видно по труду/ Работает лучше всех тот, кто знает свое ремесло/ Практика ведет к совершенству (рус.: Дело мастера боится/ Хорошему мастеру любой

материал хорош/ Только опыт создает настоящего мастера/ Добрый портной с запасом шьет); *A bad workman quarrels with his tools* – Плохой работник с инструментами не в ладу (рус.: У плохого мастера и пила плохая; Мастер глуп – нож туп).

Унизительное положение бедных осмысливается в следующих ФЕ: *Many kiss the hand they wish to cut off* – Многие целуют руку, которую желали бы отрубить; *He that hath not silver in his purse should have silk in his tongue* – Тот, у кого нет серебра в кошельке, должен иметь шелковый язык (рус.: Бедняку гордость не по карману / Бедному лишний раз поклониться – голова не отвалится).

Встречаются пословицы, в которых можно выявить нозму *превосходство и независимость бедных людей*: *A beggar can never be bankrupt* – Бедняк никогда не обанкротится; *A great fortune is a great slavery* Большое состояние – большое рабство; *The beggar may sing before the thief (before a footpad)* – Нищий может петь в лицо вору; *A clean fast is better than a dirty breakfast* – Честный пост лучше украденного завтрака (рус.: Лучше бедность, да честность / Лучше быть честным бедняком, чем богатым подлецом).

Наиболее продуктивны в пословично-поговорочных высказываниях (50%), касающихся феномена CLASS, примеры, в которых демонстрируется взаимоотношение классов (нередко отмечается *подобострастное отношение бедных людей к вышестоящим классам*), переход из одного социального положения в другое. Если речь идет о переходе на более высокую ступень при помощи денег, то часто он осуждается в паремиях, так как манеры все равно выдают происхождение, а деньги деструктивно воздействуют на человека: *Set a beggar on horseback and he'll ride to the devil* – Посади нищего на коня, он и к самому дьяволу отправится; *The higher the ape goes, the more he shows his tail* – Чем выше взбирается обезьяна, тем виднее ее хвост; *The shepherd even when he comes a gentleman smells of the lamb* – Пастух пахнет овцой, даже если становится джентльменом; *Wealth like want ruins many* – Богатство, как и нужда, многих губит; *Money often un-makes the men who make it* – Деньги часто разрушают людей, их заработавших (рус.: Богатый совести не купит, а свою погубит/ В аду не быть – богатства не нажать); *He is not poor that has little, but he that desires much* – Не тот беден, у кого мало, а тот, кто много хочет; *Honour and profit lie not in one sack* – Честь и прибыль лежат в разных мешках (рус.: Честным трудом богат не будешь/ Где говорят деньги,

там молчит совесть); *Power corrupts, absolute power corrupts absolutely* – Власть развращает, абсолютная власть развращает полностью.

Тем не менее нозма «*власть и могущество богатства*» представлена во многих пословицах: *It is easy to swim if another holds up your chin (head)* – Легко плыть, если тебя поддерживают за подбородок (за голову); *He must needs swim that is held up by the chin* – Волей-неволей поплывешь, если тебя поддерживают за подбородок (рус.: И комар лошадь свалит, коли волк пособит); *A golden key opens every door* – Золотой ключик открывает все двери; *Money talks* – Деньги говорят (рус.: Мошна туга, всяк ей слуга); *Money makes the man* – Деньги делают человека (рус.: С деньгами на свете, так и дурак ездит в карете); *An ass loaded with gold climbs to the top of the castle* – Грузенный золотом осел и на крышу замка взберется; *To angle with a silver hook* – Удить серебряным крючком; *A thief passes for a gentleman when stealing has made him rich* – Когда воровство сделало вора богатым, то он сходит за джентльмена; *Honours change manners* – Общественное положение меняет поведение людей/ манеры.

Народная мудрость гласит: *Gentility without ability is worse than plain beggary* – Аристократ без денег хуже, чем попрошайка (русский аналог: Нищий князь хуже последнего попрошайки).

Потеря высокого социального статуса, переход в низшие классы осмысливается как *серьезная неудача*: *The highest branch is not the safest roost* – С высокого дерева больно падать; *The highest tree has the greatest fall* – С самого высокого дерева больше всего падать (рус.: Кто слишком высоко летает, тот низко падает/ Дьявол гордился да с неба свалился); *Pride will have a fall* – Гордость ведет к падению (рус.: Кто высоко заносится, тот низко падает/ Кто слишком высоко летает, больно падает).

Отношения людей разных социальных групп как отношения непонимания представлены в следующих примерах: *He that is warm thinks all so* – Кому тепло, тот думает, что тепло всем; *A man with a full belly thinks no one is hungry* – Человек с полным желудком думает, что никому есть не хочется; *It is ill speaking between a full man and a fasting* – Между сытым и постником разговора не получится (рус.: Сытый голодного не разумеет).

Известно, что в английском национальном характере заложен важный принцип «быть одним из», что объясняет существование огромного количества разнообразных клубов и обществ в Англии.

Потребность «быть вместе» проявляется и в преданности англичан классовой системе, дающей им чувство защищенности. Во множестве пословиц просматриваются нозмы: «*призыв к общению с «себе подобными»*», *закрытость социальных групп, влияние окружения на человека*: *Birds of a feather flock together* – Птицы одного оперения собираются вместе; *Evil communications corrupt good manners* – Плохое окружение портит хорошие манеры; *He that lies down with dogs must rise up with fleas* – Кто с собаками ляжет, с блохами встанет (русский аналог: С кем поведешься, от того и наберешься); *He that lives with cripples learns to limp/ He that dwells next door to a cripple will learn to halt* – Тот, кто живет с калеками, научится и хромать (рус.: С кем хлеб-соль водишь, на того и походишь/ С кем живешь, тем и слывешь); *A goose is no playmate for a pig/ A goose is not a good companion for a pig/ A sow is no match for a goose* – Гусь свинье не товарищ; *There is honour among thieves* – Среди воров свои законы; *A crow will not pick out another crow's eye* – Ворон ворону глаз не выклюет; *A dog doesn't eat a dog* – Собака не съест собаку (рус.: Волк волка не съест); *The rotten apple injures its neighbours* – Одно гнилое яблоко портит остальные; *One drop of poison infects the whole tun of wine* – Одна капля яда заражает целую бочку вина (рус.: Паршивая овца все стадо портит); *Familiarity breeds contempt* – Чрезмерная близость порождает презрение.

В ряде пословиц реализуется нозма *неравенство представителей разных классов перед законом*: *Law catch flies, but let hornets go free* – Законы ловят мух, а шершней отпускают (рус.: Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет/ Алтынного вора вешают, полтинного чествуют); *One law for the rich, and another for the poor* – Для богатых один закон, а для бедных другой; *One man had better steal a horse than another look over the hedge* – Одному легче украсть лошадь, чем другому посмотреть через изгородь (рус.: Что сходит с рук вора, за то воришек бьют); *Possession is nine tenths of the law* – Собственность – это девять десятых закона.

Однако характерной составляющей английской культуры, которая внедрялась на протяжении веков правящими классами, является особое представление о равенстве как равенстве перед законом, но не равенстве по статусу. В некоторых ФЕ выражена нозма *неизбежность неравенства*: *It takes all sorts to make a world* – Человеческое общество из разных людей состоит (рус.: Всякие люди бывают); *All*

men can't be first – Не всем дано быть первыми; или *High and low* – люди всякого звания. В других можно проследить ноэму *неизменность классовой принадлежности (как происхождения)*: *The leopard can't change his spots/Can the leopard change his spots?* – Леопард не может изменить полосы (рус.: Змея меняет шкуру, да/но не меняет натуру); *The cask savours of the first fill* – Бочонок отдает первым содержимым (рус.: Черного кобеля не отмоешь добела); *Bone will not go out of the flesh /What is bred in the bone will not go out of the flesh* – Что зародилось в костях не выйдет из плоти; *He who is born a fool is never cured* – Кто родился дураком, того не вылечить (рус.: Дураком родился, дураком помрет); *You cannot wash charcoal white* – Древесный уголь добела не отмоешь; *The fox may grow grey, but never good* – Лиса может стать серой, но не хорошей; *He will die as he lived* – Он умрет таким же, каким жил (рус.: Горбатого одна могила исправит); *You cannot make a silk purse out of a sow's ear* – Из свиного корма не сделаешь серебряного кошелька; *An ass is but an ass, though laden with gold* – Даже нагруженный золотом, осел остается ослом (рус.: Осел останется ослом и в орденах, и в лентах/ Свинья и в золотом ошейнике – все свинья); *Tarred with the same brush (stick)* – Намазанные одной кисточкой (рус.: Одного дуба желуди/ Одного поля ягода/ Под одну стать (масть)/ Одним миром мазаны); *Chip of the old block* – Щепка от старого бревна (рус.: Достойный сын своего отца). Впервые в этом значении фраза была использована Эдмундом Берком, известным политическим деятелем и оратором XVIII века. Именно такими словами Берк охарактеризовал, выступая в палате общин, сына другого известного политического деятеля – Уильяма Питта-младшего, который дважды, в период с 1804 по 1806 гг., возглавлял британское правительство. Здесь безусловный намек на генеалогическое древо семейства Питтов.

Как видно, пословичная картина мира характеризуется антиномичностью, в ней дискутируются все возможные жизненные ситуации с самых разных ракурсов.

«Каждый англичанин тонко чувствует едва уловимые различия, по которым судят о принадлежности человека к тому или иному классу», – утверждает К. Фокс [Фокс, 2008, с. 25].

В следующих примерах, как нам представляется, можно проследить ноэму «реальность определения статуса человека, в том числе социального»: *A bird may be known by its song* – Птицу узнают по пе-

нию (рус.: Видно (видать) птицу (сокола) по полету); *A good horse cannot be of a bad colour* – Хорошая лошадь не может быть некрасивого цвета; *The ass is known by its ears* – Осла видно по ушам; *Judge not of men and things at first sight* – Не суди о людях и вещах с первого взгляда (рус.: Встречают по одежке – провожают по уму).

Г.Д. Гачев, сравнивая английскую и русскую пословицы (*A bird may be known by its song* – Видно птицу по полету), считает что, в английском тумане, в отличие от русских просторов, не разглядеть полет птиц, поэтому птицу узнают по песне [Гачев, 2007, с. 216]. Смеем предположить, что здесь акцентируется мысль о том, что любой англичанин, стоит ему заговорить, мгновенно обнаруживает свою классовую принадлежность. Еще Бен Джонсон заявлял: «Наиболее ярко характеризует человека язык. Говори, чтоб я понял, кто ты такой» [Цит. по: Фокс, 2008, с. 93]. Лексика и произношение – два фактора, помогающих определить положение человека на карте классовой иерархии.

Лингвокультурологический анализ показал, что классовое сознание помогает упорядочить жизнь англичанина, действует как стабилизирующая сила, вызывает не только негативные, но и положительные эмоции. Мысль, что *каждый полезен на своем месте*, подтверждается в таких пословицах, как: *Let not the cobbler go beyond his last / Let the cobbler stick to his last / The cobbler must (should) stick to his last* – Сапожник должен заниматься колодками (рус.: Не в свои сани не садись (не лезь)/ Беда, коль пироги начнет печи сапожник); *Know your place!* – Знай свое место; *Stay on your own side of the fence!* – Оставайся на своей стороне забора; *The gunner to his linstock, and the steersman to the helm* – Артиллерист должен оставаться с его фитильным пальником, а штурман у руля; *Let every herring hang by its own gill* – Каждая сельдь пусть висит за свою жабру; *Let every sheep hang by its own shank* – Каждая овца пусть висит за свою ногу (рус.: Каждый баран висит за свою ногу); *Let every tailor stick to his goose* – Пусть каждый портной остается со своим гусем (рус.: Всяк сверчок знай свой шесток!/ Живи всяк своим умом да своим горбом/ Не за свое дело не берись).

Ноэма «возможность социального роста и побуждение к проявлению активности в достижении целей» реализуется в следующих паремиях:

He who would climb the ladder must begin at the bottom – Желаящий подняться по лестнице должен начать с нижней ступени; *He that never climbed never fell* – Кто никогда не поднимался, никогда не падал; *He that never rode never fell* – Кто никогда не ездил, никогда не падал; *He that never stubbed never fell* – Тот, кто никогда не спотыкался, никогда не падал (рус.: Не познавши взлетов, не узнаешь и падений/ Кто в послушниках не жила, тот и горя не знавал/ Кто в море не бывал, тот горя не видал/ Не ошибается тот, кто ничего не делает); *He goes long barefoot that waits for dead man's shoes* – Кто ждет обуви, которая останется после покойника, тот долго ходит босым (рус.: На чужое богатство не надейся / Чужое добро впрок не пойдет / На чужом жиру далеко не уедешь).

Встречаются и пословицы с философским смыслом: *The end makes all equal* – Смерть всех уравнивает (рус.: На погосте все равны); *One touch of nature makes the whole world kin* – Одно прикосновение природы роднит весь мир (рус.: Все равны под солнцем/ В церкви и в бане все равны).

В пословичной картине мира не признается триадичная концепция класса, она упрощается до двух полюсов – аристократов и рабочих, бедных и богатых, средний класс из нее исключен. Рассмотренные ФЕ распределились следующим образом: 31% апеллируют к высшему классу, 19% – к рабочему, и 50% посвящены межклассовым отношениям.

Проведенный ноэматический анализ позволяет констатировать, что рассмотренные пословицы в половине случаев демонстрируют имплицитный способ фразеологизации, то есть не содержат лексем, прямо указывающих на социальный статус (сама лексема *class* не встретилась ни разу). В качестве прямых индикаторов класса чаще всего выступали лексемы: *lord, beggar, gentleman, king*, а также устойчивые признаки классов: *poor, rich, manners, honor, poverty, workman, best families, money, power*.

Высший класс характеризуется следующими ноэматическими признаками: «*титул, благородное происхождение, доброе имя, благородное поведение и манеры, честь, власть, богатство; скандалы*». Аристократам в пословицах приписываются многочисленные положительные характеристики: хорошие манеры, смелость, честь, хорошая репутация, ответственность, но указываются и присущие пороки: пьянство, сквернословие, скандалы.

Рабочему классу соответствуют такие признаки, как: *«труд; бедность; незавидная тяжёлая доля; зависимость от высших классов; результаты труда обусловлены мастерством; унижительное положение; неравенство перед законом; некоторое моральное превосходство безденежного существования»*.

Фразеологизация явлений, относящихся к рабочему классу, осуществляется преимущественно посредством конкретизации по профессиональному признаку и метафоризации посредством зоонимов. Принадлежность к рабочему классу выявляется в пословицах с помощью присутствующих в них наименований рабочих профессий, наиболее частотные из которых: *cobbler* (сапожник), *baker* (пекарь), *shepherd* (пастух), *taylor* (портной), *workman* (рабочий), *gunner* (артиллерист), *steerman* (штурман). С помощью зоонимов в большинстве случаев метафоризируются наименования представителей низших социальных ступеней: лексемы *ape* (обезьяна), *ass* (осел), *dog* (собака), *pig* (свинья), *sow* (свинья), *fox* (лиса), *mouse* (мышь) получают негативные коннотации бедности, тупости, низкого происхождения и плохих манер. Нейтральную или положительную коннотацию получают лексемы *birds* (птицы), *horse* (лошадь), *herring* (сельдь), *goose* (гусь), *leopard* (леопард).

Анализ фразеологических и паремиологических средств, касающихся отношений различных социальных групп английского общества, позволил выявить следующие нозмы: *«осуждение перехода на более высокую социальную ступень при помощи денег; манеры выдають происхождение; подобострастное отношение бедных людей к вышестоящим классам; власть и могущество богатства; потеря высокого социального статуса – серьёзная неудача; отношения людей разных социальных групп – отношения непонимания; призыв к общению с «себе подобными», закрытость социальных групп, влияние окружения на человека; неравенство представителей разных классов перед законом; неизбежность неравенства; неизменность классовой принадлежности (как происхождения); реальность определения статуса человека; каждый полезен на своем месте; возможность социального роста и побуждение к проявлению активности в достижении целей»*.

Таким образом, отношения различных социальных страт английского общества рассматриваются как отношения непонимания и неравенства, в пословицах дается совет вести коммуникацию с предста-

вителями своего окружения и указывается на невозможность «перекраивания» классовой системы, которая выполняет упорядочивающую функцию. Эта часть пословичной картины мира наиболее эксплицитно проявляет свойство антиномичности: наличие денег оценивается как отрицательно (деньги разрушают личность), так и положительно (признается могущество денег); не одобряется переход «из грязи в князи», так как натуру человека не изменишь, при этом высокомерие обедневших представителей высших слоев также осуждается; с одной стороны, говорится о неизменности социальной принадлежности, с другой же стороны, пословицы призывают к активности в достижении социального роста.

Нами не ставилось задачи провести сопоставительный анализ паремий английского и русского языка, относящихся к описанию социальных групп, но результаты показывают, что 28% английских ФЕ не имеют эквивалентов в русском языке, 63% примеров нашей выборки не имеют прямых эквивалентов и наблюдается несовпадение образного компонента, что говорит в пользу эндемичности английских паремий, репрезентирующих классовость.

2.6. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФЕНОМЕНА CLASS В АНГЛИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Как многомерное смысловое образование концепт «встроен» в общий механизм культуры, поэтому всестороннее описание, лингвокультурологическое изучение феномена CLASS возможно посредством обращения к многочисленным контекстам его функционирования в языковой культуре. Значимой областью духовной культуры в Англии является публицистическая литература, представляющая собой отдельную лингвокультурную область, к которой мы обращаемся в данном разделе.

Состав значимых лингвокультурных областей в национальных культурах различается, так как каждая национальная культура, как известно, есть совокупность ценностей определенной нации и аксиологических установок, вырабатываемых историей из системы естественных реалий, артефактов и ментефактов (термин Телия).

Общественный характер и роль публицистики видны уже из этимологии самого слова «публицистика» (от лат. *publicus* – общественный).

Под публицистикой понимается «особый род литературы, рассматривающий актуальные политические, экономические, нравственные, воспитательные, литературные и другие проблемы; ее основной целью является воздействие на общественное мнение и сознание, нравы, политические и социальные институты с целью укрепления и изменения их в соответствии с социальными и нравственными идеалами» [ЛЭС, 1989, с. 313].

Значимость публицистики для английского общества подтверждает история ее становления. Еще в 40-х годах XVII столетия в период английской буржуазной революции началось активное развитие английской публицистики. С XVIII века (особенно после отмены цензуры в 1695 г.) печатные издания в Англии обладают влиятельной силой и прочно вошли в жизнь если не всех англичан, то образованной их части. Уже в XVIII веке на страницах периодических изданий все чаще можно встретить сопоставление различных позиций, разные подходы к проблемам общества.

В современный период, характеризующийся небывалым коммуникационным взрывом во всем мире, исключительным ростом воспроизводимой и потребляемой информации, можно отметить неослабевающий интерес к печатному слову, к публицистическим произведениям, посвященным актуальным проблемам и явлениям текущей жизни и общества в Англии. С точки зрения прагматического потенциала публицистика играет заметную роль при воздействии на массовое сознание с целью формирования общественного мнения, корректировки его ценностных ориентиров.

Одним из этапов нашей процедуры анализа является исследование отдельной лингвокультурной области (публицистической прозы) в английской лингвокультуре с целью выявления контекстных употреблений номинантов концепта CLASS.

Ноэматический анализ мы проводим с опорой на системо-мыследеятельностную методологию (СМД), разработанную Г.П. Щедровицким [Щедровицкий, 1995]. Ноэматические свойства лексики анализируются в соответствии: 1) с ее статусом – принадлежностью к определенной лингвокультурной области; 2) с уровнем рефлексии, приведшим к возникновению той или иной ноэмы.

Об анахроничности и кастовости английской классовой системы, ее несовпадении с экономическим неравенством писал Дж. Оруэлл в 1944 г. в эссе «Англичане»:

But the peculiarity of English class distinctions is not that they are unjust – for after all, wealth and poverty exist side by side in almost all countries – but that they are *anachronistic*. They do not exactly correspond to economic distinctions, and what is essentially an industrial and capitalist country is haunted by *the ghost of a caste system* [Orwell, 1970, p. 84].

Из данных рассуждений об английской системе классов выявляются ноэмы: *анахронизм, призрак кастовой системы, несовпадение с экономическими различиями*.

Известный британский журналист и литератор А.А. Гилл (A.A. Gill) уже в XXI веке в своей книге «The Angry Island: Hunting the English» замечает, что суть класса в том, что это тщеславие, схема устройства:

The point about class is that it is a *conceit*, a *plot device* [Gill, 2006, p. 85].

Потеря классовой системы как значимого или манипулируемого социального инструмента приравнивается А. Гиллом к потере империи:

The loss of the class system as a meaningful or manipulable *social tool* is like the loss of empire [Gill, 2006, p. 85].

Из приведенных примеров видим, что характерной чертой пояса М-К (мысли-коммуникации) относительно феномена CLASS является реализация ноэм: *тщеславие, манипулируемый социальный инструмент, «схема устройства» общества*.

Современный английский философ и писатель Р. Скрутон в эссе об Англии, рассуждая о сути английского понимания класса, считает, что это не снобизм, а некие правила приличия, которые побудили английских людей искать отдельные сферы их принадлежности:

And here we come to the essence of the English experience of class. It was *not snobbery but a kind of decorum* that motivated the English people to seek out their separate *spheres of belonging* [Scruton, 2009, p. 172].

В приведенном примере наблюдается отношение *класс не снобизм, а правила приличия, отдельная сфера принадлежности*.

Антрополог К. Фокс в книге «Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения», которая была восторженно встречена в Англии, пишет о реалиях XXI века. Она поразительно точно, по мнению ее соотечественников, создала портрет английского общества. Анализируя отличия английской классовой системы, она отмечает, что вкусы, поведение, суждения и формы взаимодействия англичан обуслов-

лены классовой принадлежностью (и/или надежностью социального статуса); о классовой принадлежности они судят не по богатству, а в некоторой степени по роду занятий, но главным образом по индикаторам неэкономического характера, таким, как: речь, привычки, вкусы, образ жизни; у каждого из них есть «внутренний» высокочувствительный датчик социального позиционирования: «What is distinctive about the English class system is the degree to which our class (and/or class-anxiety) determines our taste, behaviour, judgements and interactions; the fact that class is not judged at all on wealth, and very little on occupation, but purely on *non-economic indicators* such as *speech, manner, taste and lifestyle choices*; the acute sensitivity of our on-board class-radar systems...» [Fox, 2005, p. 406].

В данном фрагменте раскрывается ноэма: *класс, детерминированный индикаторами неэкономического характера: родом занятий, речью, привычками, вкусами, образом жизни.*

Сравнивая суждения Дж. Оруэлла и К. Фокс, можно увидеть, что и через шестьдесят лет сущность социальной иерархии английского общества почти не изменилась.

По мнению А. Гилла, класс в Англии – культурная форма, как фарс или частушки. Он имеет набор правил, которые все в стране понимают, но они просто не применяются в реальной жизни: «Class in England is a *cultural form, like farce or limericks*. It has a set of rules that everyone in the country understands; they just don't apply to anyone's real life ...» [Gill, 2006, p. 85].

В этом примере выявляется ноэма *класс – культурная форма, набор правил, не применяющихся в реальной жизни.*

Кейт Фокс напротив констатирует присутствие класса во всех областях жизни и культуры англичан: «class pervades all aspects of English life and culture» [Fox, 2005, p. 15].

В данном утверждении реализована ноэма *класс как реалья.*

В различии точек зрения А. Гилла и К. Фокс на проблему феномена CLASS прослеживается содержательная противоречивость данного концепта.

Ни триадическая модель классов (высший, средний и нижний), ни абстрактные алфавитные системы рыночных экспертов, базирующиеся на классификации по роду занятий не отражают всех оттенков восприятия классовых различий англичанами.

Ноэма *класс* – совокупность едва уловимых признаков: различия в организации быта, обустройстве дома, марке автомобиля, еде, одежде, проведении свободного времени, лексике и произношении проявляется в следующем фрагменте из книги К. Фокс:

But we judge social class *in much more subtle and complex ways: precisely* how you arrange, furnish and decorate your terraced house; not just the make of car you drive, but whether you wash it yourself on Sundays, take it to a car wash or rely on the English climate to sluice off the worst of the dirt for you. Similar fine distinctions are applied to exactly what, where, when, how and with whom you eat and drink; the words you use and how you pronounce them; where and how you shop; the clothes you wear, the pets you keep; how you spend your free time; the chat-up lines you use and so on [Fox, 2005, p. 15].

А. Гилл иронично пишет о целесообразности класса, который используется англичанами как стенография характера, они любят пьесы и черно-белые фильмы, где класс – это естественный код, двигатель повествования. Большая часть английской культуры, дизайна и истории строится на трех основных классах, что позволяет принять и признать, что класс сделал свою работу:

Class is used by the English as *a shorthand for character*; they love plays and black-and-white films where class is *an effortless code, an engine of narrative*. So much of English culture, design and history seems to be built on the three pillars of class that to simply let it go and admit that it's done its job... [Gill, 2006, p. 87].

В данном высказывании реализована ноэма *класс – стенография характера, естественный код, двигатель повествования*.

Классовая система оценивается публицистами положительно или нейтрально, что подтверждают выявленные в следующих примерах ноэмы: *удобная в ретроспективе, напоминание о лучших временах, сама структура жизни, удачное оправдание, предлог для праведного гнева*.

Классовая система, по представлению А. Гилла, кажется такой удобной в ретроспективе, каждый знал свое место, и цели рабочих были столь благородными и жизнь аристократии такой элегантно:

The class system seems so *cosy* in retrospect; everyone knew their place, and the objectives of the workers were so noble and the life of the aristocracy so elegant [Gill, 2006, p. 87].

Класс – это не только напоминание о тех лучших временах, когда класс был самой структурой жизни, размышляет А. Гилл. Это было большое оправдание – каждая нация нуждается в сильных оправдывающих обстоятельствах, и класс принадлежал англичанам. Если у вас ничего не получилось, если брак неудачный, или дети оказались плохими, все это могло быть списано на класс. Ваш или чужой. Это был замечательный, тонкий и прямой, всегда свежий и приветствуемый предлог для праведного гнева:

Class isn't just a reminder of those better times, class was the very structure of life. It was the great excuse – every nation needs a great excuse, and class belonged to the English. If you didn't get on, if the marriage failed or the kids turned out bad, it could all be put down to class. Yours or someone else's. It was a wonderful, subtle and direct, ever warm and welcoming excuse for righteous anger [Gill, 2006, p. 87].

Когда А. Гилл размышляет о том, что классовая система не просто исчезает, а переходит в новый тип социальных групп – молодежных племен со своими стилями: яппи (yuppy) и чавы (chavs), Эссекские девушки (Essex girls) и виггеры (wiggers), трастафарианы (trustafarians), слоун-рейнджеры (sloane-rangers) и «люди с Мондео» (Mondeo men), он подчеркивает, что ни одно из определений не является важным или достаточно мощным, чтобы быть надлежащей помехой для других, все из них добавляют немного чего-то особенного к английскому потертому гобелену:

«None of the definitions are important or powerful enough to be a proper hindrance to anyone, all of them add a little something to *England's threadbare tapestry*» [Gill, 2006, p. 88].

В данном пассаже выявляется нозема *класс – английский потертый гобелен*.

Приведем примеры, в которых CLASS получает негативную оценку.

А. Гилл, рефлексирюя по поводу обсуждаемого феномена, пишет, что классовая система была плохой, грубой, неприятной вещью, и ностальгировать о классе все равно, что скучать по собственному дерьму. Люди, которые постоянно твердят об этом, нюхают туалетную бумагу:

The class system was a bad, rude, unpleasant thing, and getting nostalgic about class is like missing your own shit. People who go on about it are sniffing toilet paper [Gill, 2006, p. 88].

И далее журналист заявляет, что класс стал сточными водами фокус-группы и консультанта по маркетингу. Не будучи более опорой общества, класс стал мимолетным выбором в меню модного снобизма.

Class became the *effluent* of the focus group and the marketing consultant... No longer the legs of society, it became *a transient selection on a menu of fashionable snobbery* [Gill, 2006, p. 88].

В вышеприведенных саркастичных замечаниях А.А. Гилла относительно класса реализуются ноэмы: *плохая, грубая, неприятная вещь; собственное дерьмо, сточные воды, мимолетный выбор в меню модного снобизма.*

К. Фокс также считает все английские индикаторы классовой принадлежности поразительно нелепыми и смехотворными, равно как и их классовые предрассудки:

«The minutiae and sheer mind-boggling silliness of our class indicators and class anxieties. Our sense of humour about all this» [Fox, 2005, p. 406].

В этих рассуждениях наблюдается отношение *класс – нелепый и смехотворный предрассудок.*

Итак, в публицистике, как правило, понятия культуры рефлектируются в поясе М-К (мысли-коммуникации), т.е. обсуждение развивается в некотором контексте, в результате слово приобретает дополнительные коннотации, аксиологическую характеристику, и выход к поясу М (чистого мышления) осуществляет сам читатель.

Концептуализация понятия «class» в данной выборке текстов публицистических произведений осуществляется посредством реализации ноэм в следующих смысловых цепочках:

класс – анахронизм – призрак кастовой системы – несовпадение с экономическими различиями (Дж. Оруэлл);

класс – тщеславие, манипулируемый социальный инструмент, «схема устройства» общества – культурная форма, набор правил, не применяющихся в реальной жизни – стенография характера, естественный код, двигатель повествования – удобный, напоминание о лучших временах, сама структура жизни, удачное оправдание, предлог для праведного гнева – английский потертый гобелен – плохая, грубая, неприятная вещь; собственное дерьмо, сточные воды, мимолетный выбор в меню модного снобизма (А.Гилл);

класс – правила приличия – отдельная сфера принадлежности (Р. Скрутон);

класс – детерминируют индикаторы неэкономического характера, род занятий, речь, привычки, вкусы, образ жизни – реалия – совокупность едва уловимых признаков – нелепый и смехотворный предрассудок (К. Фокс).

Из всего многообразия выражаемых в публицистических текстах нозм выделим, на наш взгляд, доминирующие нозмы – *показатель, не совпадающий с экономическими различиями; реалия; культурная форма; предрассудок.*

Исследование сущности концепта CLASS в английской публицистике позволяет указать на некоторые базовые культурные смыслы и выделить нозму-основу – *отдельная сфера принадлежности.*

Эмоционально-оценочная рефлексия относительно феномена CLASS осуществляется посредством многочисленных эпитетов: «плохая, грубая, неприятная вещь», классовая система «такая удобная» (Гилл), «нелепый и смехотворный предрассудок» (Фокс).

Ценностная составляющая концепта CLASS отличается противоречивостью и варьируется от положительной до отрицательной оценки.

Можно отметить, что ассоциативные и другие текстовые связи составляют основу национально-культурной специфики представления концепта CLASS. В его смысловой структуре актуализируются оппозиции «сама структура жизни – мимолетный выбор в меню модного снобизма», «реалия – анахронизм», «манипулируемый социальный инструмент, «схема устройства» общества – нелепый и смехотворный предрассудок».

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что мировосприятие, миропонимание англичан во многом формируются сквозь призму классового подхода, а CLASS является мировоззренческим концептом английской культуры. В публицистических произведениях содержатся образы и оценки феномена CLASS, характерные для английской лингвокультуры.

2.7. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА CLASS В АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. ФЕЛЛОУЗА «СНОБЫ»)

Проблема постижения культурного самосознания через языковые средства и способы отображения концептов культуры является одной из интереснейших на сегодняшний день. Так как наша монография

посвящена исследованию концепта CLASS, невозможно не обратиться к его лингвокультурной специфике в английской художественной литературе, в данном случае на примере романа Джулиана Феллоуза «Снобы», впервые опубликованного в Великобритании в 2004 году, действие которого разворачивается в современных реалиях. Обратим внимание на лексические единицы и текстовые фрагменты, репрезентирующие данный концепт в текстах художественной литературы.

Обсуждение понятия в некотором контексте, при котором слово может приобретать дополнительные коннотации, аксиологическую характеристику, разворачивается при фиксации рефлексии в поясе М-К (мысли-коммуникации).

Поясу М-К соответствует текст для *когнитивного* понимания, который выступает как упорядоченная передача содержания [Богин, 1986, с. 63], поскольку когнитивное понимание предполагает «освоение содержательности познавательной информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание» [Богин, 1982, с. 53].

Анализ концепта CLASS в английской художественной литературе позволяет выделить следующие ноэматические характеристики рассматриваемого феномена: *одержимость классом, своеобразный предмет британской озадаченности*:

Of course, David Easton was not the first *upper-middle-class* Englishman to discover that it is easier to demonstrate a spurious *aristocratic background* in London than in the country [Fellowes, 2009, p. 6].

To be included in the Ascot house-party, Isabel, like Pervaneh in Hassan, would have faced the Procession of Protracted Death. Or at least she would have considered it. It only goes to show, I suppose, that for all the *educated classes'* contempt of mass star-worship, they themselves are just as susceptible to fantasy when it is presented in a palatable form [Fellowes, 2009, p. 24].

Описывая посещение знаменитых королевских скачек в Аскоте, Дж. Феллоуз замечает одержимость своим социальным статусом бизнесменов средних лет из самых дорогих пригородов Лондона, которые составляют большинство посетителей Королевской ложи (куда можно попасть только по личному приглашению Её Величества либо купить место на самой привилегированной трибуне, но обсуждать цену вопроса публично не принято):

For a day or two every year these *working people* allow themselves the luxury of pretending that they are part of some *vanished leisure class*, that the world they mourn and admire and pretend they would have belonged to if it still existed (which as a rule they would not) is alive and well and living near Windsor [Fellowes, 2009, p. 21].

В последнем примере можно также выявить нозмы *класс – особенности отдыха; высшие классы – отсутствие необходимости зарабатывать на жизнь*.

Английская система социального статуса, в отличие, например, от американской, базирующейся на принципе меритократии, основана на классовой принадлежности, определяемой по происхождению.

Подтверждение данного тезиса видно в следующем примере, где на первое место среди достоинств жениха выдвигается благородное происхождение:

His name was Philip, his mother was *fairly grand*, there was a little money – enough to start them off in Clapham... [Fellowes, 2009, p. 28].

England of the *upper-middle* and *upper classes*, is criss-crossed with a million invisible silken threads that weave them together into a *brilliant community of rank and grace* and exclude everybody else [Fellowes, 2009, p. 14].

Как видно из данных примеров, отношение «класс – происхождение» составляет важный аспект нозматической характеристики слова *класс*, относительно которой может осуществляться коммуникация. Эти понятия, будучи связанными, конкретизируют друг друга.

По мнению французского журналиста Бертрана Мейер-Стабли, три высшие ценности британцев: аристократизм, традиционная семья и жизнь в сельской местности [Мейер-Стабли, 2007]. Действительно, высшие классы в Англии, несмотря на утрату политической власти, по-прежнему задают тон в обществе и определяют стремления честолюбцев. Как указывает Джереми Паксман, заработав первые десять миллионов фунтов, удачливый бизнесмен начинает внимательно просматривать страницы журнала «Жизнь за городом», чтобы выбрать особняк для покупки [Паксман, 2010, с. 251]. То есть англичане, стремящиеся занять высокое положение в обществе, пытаются приобрести дом с садом в сельских предместьях. Приведем примеры, в которых выявлена нозма *высшие классы – землевладение (загородный дом) и престиж*:

All in all, the Broughtons were the very acme of the «*surviving*» *English family*. They had reached the 1990s with their *prestige* and, more significantly, their *estates practically intact* [Fellowes, 2009, p. 5].

В следующем фрагменте мы также находим указание на один из главных маркеров высших классов – *наличие загородного дома и на особенности их отдыха в сельской местности*:

The English upper-classes do not as a rule leave their houses in the country in the evening except to go to other people's houses. They might be tempted by a country house opera or even the occasional play with a picnic attached ... [Fellowes, 2009, p. 172].

Отношение *высшие классы* – *лицемерное отрицание необходимости богатых владений для статуса* реализуется в примере:

The English *upper-classes* have a deep, subconscious need to read their difference in the artefacts about them. Nothing is more depressing (or less convincing) to them than the attempt to claim some *rank* or *position*, some *family background*, some *genealogical distinction*, without the requisite acquaintance and props. ... But, above all things, the real marker for them, the absolute litmus test, is whether or not a family has retained its *house* and its *estates*. ... He knows that the family that has lost everything but its *coronet*, those *duchesses* in small houses near Cheyne Walk, those *viscounts* with little flats in Ebury Street, lined as they may be with portraits and pictures of the old place, these people are all *declassé* to their own kind. It goes without saying that this consciousness of the need for the materialisation of *rank* is as unspoken as the Masonic ritual [Fellowes, 2009, p. 120–121].

Английские высшие классы имеют аксиологическую установку не привлекать внимания к своему благосостоянию, такое отношение к своему социальному статусу можно считать специфическим.

She was beginning to understand it is a point of honour in that world that *one must never be overawed by any display of wealth*, no matter how fabulous. To register that riches on any scale are not routine, even mundane, is to risk being «*middle-class*» – a sector of society to which many of them spend most of their lives proving to no one in particular that they do not belong [Fellowes, 2009, p. 107].

In England one of the saddest mistakes a *social climber* can make is *excessive generosity* [Fellowes, 2009, p. 171].

В данных примерах можно выявить ноэму *высшие классы – притворная стыдливость богатства – желание доказать, что стиль и традиции для них важнее, чем деньги.*

Высшие классы отличают умение не показывать своих чувств, осуждение публичных проявлений эмоций и потребности общественного внимания. Ноэма *высшие классы – сдержанность в проявлении эмоций и желание избежать скандальной известности* реализуется в следующих фрагментах:

The upper classes are not, as a whole, a complaining lot. ... it is not lack of feeling that marks them apart, rather it is lack of expression of feeling. ... What they do not appreciate, of course, is that these tragedies, national and domestic, the war casualties, the random killings, the pile-ups on the M3, offer most ordinary bereaved what is probably their only chance of fleeting celebrity. ... The upper classes do not understand this hunger because they do not share it. They are born prominent [Fellowes, 2009, p. 44–45].

She had acquired the pretended horror of publicity and the *genuine horror of scandal* that are the hallmarks of Charles's class [Fellowes, 2009, p. 152].

Рассуждая об отличиях представителя среднего класса и аристократа, Дж. Феллоуз отмечает:

Of course the aristocracy's circle of acquaintance is much smaller and so there is *invariably* with them the *sense of the membership of a club* [Fellowes, 2009, p. 26].

Charles was saddled with that most tedious of all *English aristocratic affectations*, the need to create the illusion that you are completely unaware of any of *your privileges* [Fellowes, 2009, p. 92].

В данных примерах можно обнаружить ноэму *английские высшие классы – очень большой клуб для избранных, членом которого они являются.*

Тем не менее английская аристократия умело сохраняла свое влияние и избегала социальных конфликтов, допуская в свои ряды карабкающихся вверх по социальной лестнице. Ноэмы *укрощение классовых противников допуском их в элиту общества и позволение вливаться в аристократические круги людям нетитулованным, но богатым* выявляются в следующих двух примерах:

And so Edith learned the first lesson of why England has had no revolutions, of what has emasculated so many careers from Edward IV's queen

to Ramsay MacDonald. Namely that the way to deal with a troublesome outsider is *to let him in, to make him a convert with a convert's zeal* and in no time he will be plus Catholique que le Pape [Fellowes, 2009, p. 108].

Two marriages, one to a banker's daughter and the other to the heir-ess of a large section of San Francisco had steered the family craft through the turbulent seas of the agricultural depression and the Great War. Unlike many such dynasties, they had retained some if not all of their London holdings, and various tricks with property in the sixties had brought them to the comparatively safe shores of Mrs Thatcher's Britain [Fellowes, 2009, p. 5].

Принято считать, что англичанам свойственен снобизм и некоторая надменность по отношению к другим народам, что во многом определяется их имперским мышлением. Но их отличает и классовый снобизм, о котором писали многие классики английской литературы.

В современном романе также обнаружена нозма *высшие классы – снобизм – проявление внешних форм феодализма*:

She had that curiously *English upper-class* belief that whatever the occasion, however much people have put themselves out, even when, as now, total strangers extend their hospitality as a duty, still she, Lady Caroline Chase, *was doing them a favour* [Fellowes, 2009, p. 104].

По мнению антрополога К. Фокс, классовое сознание англичан, особенно из среднего класса, – это лицемерие и самообман [Фокс, 2008, с. 486]. Именно представители среднего класса склонны делить общество на промежуточные слои, ориентируясь на едва уловимые различия.

В следующем примере реализована нозма *средние классы – снобизм*:

Although kindly in many ways, Mrs Lavery was passionately *snobish* to a degree verging on insanity and so her frail connection to this, the very lowest hereditary rank filled her with *the warming sense of belonging to that inner circle of rank and privilege* where her poor husband must ever be a stranger. Mr Lavery did not, for this reason, resent his wife. ... he was rather entertained by the idea that the phrase «*noblesse oblige*» (one of Mrs Lavery's favourites) could have the slightest application to his household [Fellowes, 2009, p. 14].

Достаточно неодобрительно в английской лингвокультуре оценивают людей различных классов, стремящихся к более высокому социальному статусу:

Of course, such people, like Simon, are generally unaware that beneath the superficial acceptance that their charm and easy manner can gain for them, their *grand hosts* do not seriously consider them *to belong to their world*. It is sad to watch the «walker-favourite» of *great family* arrive ... at public event ... only to find that they are placed in the back pew ..., while half-known and much disliked *grandeess* are show up to the front [Fellowes, 2009, p. 156].

Like many aggressive *parvenus* who have climbed the greasy pole, he was under the illusion that the reason people did not point out his social failings was because they were no longer visible [Fellowes, 2009, p. 73].

Представителя низкого социального слоя, который вдруг стал богатым или успешным, обозначают неодобрительной номинацией *parvenu* (парвеню/выскочка).

В приведенных примерах реализуется ноэма *класс – презрение к выскочкам*.

Ноэма *класс – старая иерархия теряет значимость* выявляется в следующих примерах:

The truth was that in the less socially free-wheeling world of the 1950s, there had been *clearer demarcation lines between precisely who was in Society and who was not* [Fellowes, 2009, p. 16].

... the fact that *the Season* had opened its arms to her daughter meant it was *no longer* in the 1980s *the exclusive institution* it had been in Mrs Lavery's youth [Fellowes, 2009, p. 18].

Следует заметить, что рефлексия по поводу класса (социального статуса) характерна как для данного романа, так и для английской художественной литературы в целом. Хотя в последнее время чувство классовой принадлежности приобретает все более имплицитную форму опредмечивания в британской лингвокультуре, что вызвано явлением политкорректности и политическим курсом развития Великобритании, тем не менее оно продолжает оставаться базисным в миропорядке представителей английской нации.

В большинстве вышеприведенных примеров CLASS оценивается нейтрально или положительно, что свидетельствует о позитивном отношении англичан к данному феномену.

Но все же в некоторых примерах встречается негативная оценка классовой системы: *самый скучный аристократический предрассудок, снобизм граничил с помешательством, агрессивные парвеню*.

Вышеприведенные художественные иллюстрации «жизни» концепта CLASS в современном английском языке позволяют говорить о том, что класс как социальная иерархия имеет противоречивую оценку.

Примеры, представляющие собой вербализацию эмоциональной или оценочной интерпретации номинантов концепта CLASS, указывают на такие случаи, как на факты опредмеченной рефлексии в поясе М-К (мысли-коммуникации).

Класс рассматривается англичанами как каузатор их действий, поступков. Каузативная функция класса обнаруживается в высказываниях типа: *to demonstrate a spurious aristocratic background* (поддерживать иллюзию аристократического происхождения); *these working people allow themselves the luxury of pretending that they are part of some vanished leisure class* (эти люди позволяют себе роскошь забыть о том, каким трудом они зарабатывают на жизнь, и притвориться, что принадлежат к некоему исчезнувшему праздному классу); *to risk being «middle-class» – a sector of society to which many of them spend most of their lives proving to no one in particular that they do not belong* (люди могут принять тебя за представителя среднего класса – части общества, свою непринадлежность к которой многие из них со страстью доказывали всю жизнь неизвестно кому).

Анализ ноэматических свойств лексики, объективирующей концепт CLASS в рассмотренном романе английской художественной литературы, показал их разнообразие и богатство смыслов.

Итак, выделяя ноэматические составляющие концепта CLASS посредством контекстуального анализа, мы исходили из того, что речь идет о культурно обусловленном смысле, репрезентацией которого служат слова с семантикой класса.

В нашей выборке примеров выявлены следующие характеристики, свойственные рассматриваемому концепту в современной английской художественной литературе:

класс – одержимость, своеобразный предмет британской озабоченности; происхождение; презрение к выскочкам; старая иерархия теряет значимость; особенности отдыха;

высшие классы – отсутствие необходимости зарабатывать на жизнь; землевладение (загородный дом) и престиж; лицемерное отрицание необходимости богатых владений для статуса; притворная стыдливость богатства – желание доказать, что стиль и традиции для них важнее денег; очень большой клуб для избранных, членом ко-

того они являются; укрощение классовых противников допуском их в элиту общества; позволение вливаться в аристократические круги людям нетитулованным, но богатым; сдержанность в проявлении эмоций и желание избежать скандальной известности; снобизм – проявление внешних форм феодализма;

***средние классы** – снобизм.*

Из всего многообразия выраженных в художественном тексте ноем выделим, на наш взгляд, доминирующие ноемы, воспроизводящие стереотипы и константы культуры: *предмет озадаченности; происхождение; землевладение; желание доказать, что стиль и традиции для них важнее денег; сдержанность в проявлении эмоций; снобизм.*

Таким образом, выявленные особенности концепта CLASS позволяют в какой-то мере судить о его культурной специфичности и значимости в английской лингвокультуре. Оказывающий влияние на представителей данного этноса, этот концепт широко актуализирован в языке и может быть исследован с помощью анализа апеллирующих к нему текстов.

ВЫВОДЫ по главе 2

1. Феномен CLASS занимает одно из наиболее значимых мест в аксиологической системе британской лингвокультуры: на его базе исторически строится британская ценностная картина мира. Многочисленные фрагменты действительности получают оценку через призму классового сознания англичан: организация быта, способы времяпрепровождения, культура речи, окружение/друзья. Стремление подняться выше по социальной лестнице остается неизменным в обществе.

Сопротивление дихотомической модели социального деления является одной из основных особенностей английской классовой системы. Утверждение многочисленного мобильного среднего класса способствовало нейтрализации социальных конфликтов и классового антагонизма. Начиная с XIX века, экспансия среднего класса распространилась на все сферы жизни: экономическую, социальную, политическую и на общественное сознание.

Принадлежность к аристократии определялась прикрепленностью к земле, корпоративной идентичностью и авторитетом, а не властью, привилегиями или богатством. Отношение представителей ан-

глийских высших классов к своему положению отличается от меритократических стран тем, что привлекать внимание к благосостоянию не принято, потому что широко распространена ценностная установка «стиль и традиции важнее, чем деньги».

Наибольшие изменения в социальной структуре общества были вызваны политикой М. Тэтчер, направленной на нивелирование классовых различий, что нашло отражение в лингвокультуре. Язык социальной солидарности производительных классов был подорван. Последующие политические лидеры (Дж. Мейджор, Т. Блэр, Д. Кэмерон) продолжили тенденцию пропагандирования бесклассового языка.

Несмотря на все изменения, происходящие в обществе, некоторое упразднение старых социальных делений массовой культурой, Британия остается классовым и закрытым обществом, в котором происхождение во многом определяет образовательные и карьерные шансы следующих поколений.

К одной из характерных черт английской культуры, которая внедрялась на протяжении веков правящими классами, можно отнести особое представление о равенстве как равенстве перед законом, но не равенстве по статусу.

Чувство классовой принадлежности упорядочивает жизнь англичанина, действует как стабилизирующая сила, вызывает не только негативные, но и положительные эмоции. Социальный класс в Англии воспринимается как очень большой клуб, члены которого взаимосвязаны.

В самом широком смысле место британца в классовой иерархии определяют такие факторы, как: происхождение, акцент, образование, поведение, манера одеваться, особенности отдыха, тип жилья и стиль жизни.

2. В процессе речевой коммуникации идентифицируется социальное положение англичанина. Язык стратифицируется как на лексическом, так и на фонетическом уровне: по типу звуков и вокабуляру, которым отдается предпочтение, можно установить класс говорящего.

Аристократическое произношение («телеграфный стиль») характеризуется выпуском гласных, опусканием местоимений, артиклей и союзов. Фонетика низших классов, помимо проглатывания согласных, отличается неправильным произношением ряда звуков. Манера

произношения гласных тоже выдает принадлежность человека к тому или иному классу.

Estuary English традиционно признается выговором рабочего класса, однако в настоящее время Estuary English используется и для деловых целей. Тем не менее даже благозвучный региональный акцент не перестает служить индикатором социальной принадлежности к выходцам из рабочего класса.

На эталонном нормативном произношении (RP), которое распространялось через систему частного образования, в основном говорят представители высшего слоя среднего класса.

Лексикон говорящего и выбор слов – самые быстрые индикаторы его классовой принадлежности. Отдельные слова-маркеры могут заменять другие, но сам принцип идентификации остается прежним, и по многим лексемам англичане до сих пор судят о принадлежности человека к тому или иному классу.

Несмотря на политические и культурные перемены, происходящие в обществе, языковое сознание представителей английской лингвокультуры продолжает подчиняться классовым нормам. Одновременно в английском обществе распространяется явление «reverse snobbery» (снобизма наоборот), который предлагает новые правила ориентирования в лексическом пространстве языка и вариантах произношения.

3. Семантический анализ словарных дефиниций лексемы *class* позволяет выделить признаки, составляющие ядро и базовый слой данного концепта: «система/модель», «пласт общества/группа людей», «социальный /экономический статус/положение», «разделение/организация общества».

К семантическим признакам, разграничивающим когнитивные слои «upper class», «middle class», «working class», относятся: «социальное положение/профессия», «материальный достаток», «происхождение», «образовательный уровень», «владение землей», «произношение».

Языковая манифестация когнитивного слоя «upper class» в лексикографических источниках реализует следующие семантические признаки: «наивысшее социальное положение», «богатство/влияние в обществе», «аристократическое происхождение/титулованность», «высокий образовательный уровень», «землевладение», «нормативное произношение».

Средний класс («Middle class») является наиболее неоднородным, и его семантические признаки будут варьироваться в зависимости от принадлежности его представителей к высшему, среднему или низшему слою. Так, для представителей «upper-middle class» характерны: «университетское образование», «нормативное произношение», «сдержанность», «солидный материальный достаток», «уважаемая профессия». У представителей среднего и низшего слоя среднего класса не обязательно наличие высшего образования, их отличает средний достаток, возможен провинциальный акцент (особенно у людей из lower-middle class).

Принадлежность к рабочему классу определяют такие признаки, как: «низкооплачиваемая физическая работа», «ограниченный уровень образования», «низшее положение в обществе».

Нюансированностью отличается мозаика терминов, номинирующих представителей различных страт общества. Все новые лингвокультурные типажи, описывающие представителей различных классов, имеют негативную культурную коннотацию, что говорит о неприятии англичанами классовых различий на современном этапе.

Большинство терминов, отправляющих к высшему классу, имеют нейтральную или положительную коннотацию, а к рабочему классу – отрицательную. Вербально выраженные оценки наиболее неоднозначны относительно представителей среднего класса.

Высокая плотность лексических единиц вербальной сферы концепта CLASS является еще одним подтверждением его особого места в ценностной картине мира английского общества.

4. Результаты ноэматического анализа относительно установления ценностного коэффициента понятия «истеблишмент» в целом совпадают с результатами лексикографического обзора. Эмотивные конституенты, входящие в ноэматику феномена, в основном сконцентрированы на отрицательном полюсе: гнев, недовольство, раздражение, обида, чувство несправедливости, неуверенность, снобизм, ярость, негодование. Однако однородный английский истеблишмент выступает гарантом стабильности в обществе и выполняет сдерживающую функцию.

Базовыми семантическими признаками понятия «the Establishment» являются: «группа влиятельных людей», «власть/авторитет в обществе», «контроль над главными институтами страны/поли-

тикой», «закрытость/избранность/немногочисленность», «нежелание перемен/ консервативное мировоззрение».

Особое место понятия «the Establishment» в лингвокультуре подтверждает лексическая система английского языка. Наблюдаемая лексема не имеет эквивалентов в словарных составах других языков и была заимствована как специфическое английское понятие, она также не имеет лексических синонимов.

За исключением признака «консервативное мировоззрение», все семантические характеристики широко актуализированы в современной публицистике.

Три базовых признака «власть/влияние», «закрытость/избранность/немногочисленность», «группа влиятельных людей» находятся в стадии деинтенсификации значения.

Существенные ноэматические смещения произошли в концептуальных признаках «группа влиятельных людей», «закрытость» и «консервативное мировоззрение».

Этнокультурную специфику феномена «the Establishment» формируют концептуальные признаки, которые могут быть выявлены лишь путем рефлексии над текстами культуры: «образование», «общность взглядов представителей истеблишмента/солидарность».

Английскость феномена «the Establishment» состоит в том, что синкретичность границ данного субконцепта в рамках концептуального поля «class system» порождает неосознанность принадлежности к английской элите её представителей.

Большинство рассмотренных примеров из текстов публицистики реализуют негативное отношение к «the Establishment», это позволило определить статус данного конструкта как антиценности. Обнаружены и имплицитные положительные аксиологические признаки: *истеблишмент – гарант социальной стабильности → механизм, сдерживающий ярость и негодование.*

В XX веке ноэтическое наполнение субконцептов «the Establishment» и «upper class» во многом совпадало. На современном этапе генезиса английской лингвокультуры наблюдается расширение концептуальной структуры феномена «the Establishment», так как он частично охватывает ценности «upper-middle class» и «middle class». В то же время ноэмы ценностного поля «upper class» также остаются значимыми в рамках субконцепта «the Establishment».

5. В пословичной картине мира не признается триадичная концепция класса, она упрощается до двух полюсов – аристократов и рабочих, бедных и богатых, средний класс из нее исключен. Рассмотренные ФЕ распределились следующим образом: 31% апеллируют к высшему классу, 19% – к рабочему, и 50% посвящены межклассовым отношениям.

Исследованные пословицы в половине случаев демонстрируют имплицитный способ фразеологизации, то есть не содержат лексем, прямо указывающих на социальный статус. В качестве прямых индикаторов класса чаще всего выступали лексемы: *lord, beggar, gentleman, king*, а также устойчивые признаки классов: *poor, rich, manners, honor, poverty, workman, best families, money, power*.

Для высшего класса характерны следующие ноэматические признаки: *«титул, благородное происхождение, доброе имя, благородное поведение и манеры, честь, власть, богатство; скандалы»*. Аристократам в пословицах приписываются многочисленные положительные характеристики: хорошие манеры, смелость, честь, хорошая репутация, ответственность, но указываются и присущие пороки: пьянство, сквернословие, скандалы.

Рабочему классу соответствуют такие признаки, как: *«труд; бедность; незавидная тяжелая доля; зависимость от высших классов; результаты труда обусловлены мастерством; унижительное положение; неравенство перед законом; некоторое моральное превосходство безденежного существования»*.

Фразеологизация явлений, относящихся к рабочему классу, осуществляется преимущественно посредством конкретизации по профессиональному признаку и метафоризации посредством зоонимов.

Анализ фразеологических и паремиологических средств, касающихся отношений различных социальных групп английского общества, позволил выявить следующие ноэмы: *«осуждение перехода на более высокую социальную ступень при помощи денег; манеры выдают происхождение; подобострастное отношение бедных людей к вышестоящим классам; власть и могущество богатства; потеря высокого социального статуса – серьезная неудача; отношения людей разных социальных групп – отношения непонимания; призыв к общению с «себе подобными», закрытость социальных групп, влияние окружения на человека; неравенство представителей разных классов перед законом; неизбежность неравенства; неизменность классовой принадлежности (как происхождения); реальность опре-*

деления статуса человека; каждый полезен на своем месте; возможность социального роста и побуждение к проявлению активности в достижении целей».

Отношения различных социальных страт английского общества рассматриваются как отношения непонимания и неравенства, в пословицах дается совет вести коммуникацию с представителями своего окружения и указывается на невозможность «перекраивания» классовой системы, которая выполняет упорядочивающую функцию. Эта часть пословичной картины мира наиболее эксплицитно проявляет свойство антиномичности.

6. Концептуализация понятия «class» в английских публицистических произведениях осуществляется посредством реализации ноэм в следующих смысловых цепочках:

класс – анахронизм – призрак кастовой системы – несовпадение с экономическими различиями (Дж. Оруэлл);

класс – тщеславие, манипулируемый социальный инструмент, «схема устройства» общества – культурная форма, набор правил, не применяющихся в реальной жизни – стенография характера, естественный код, двигатель повествования – удобный, напоминание о лучших временах, сама структура жизни, удачное оправдание, предлог для праведного гнева – английский потертый гобелен – плохая, грубая, неприятная вещь; собственное дерьмо, сточные воды, мимолетный выбор в меню модного снобизма (А.Гилл);

класс – правила приличия – отдельная сфера принадлежности (Р. Скрутон);

класс – детерминируют индикаторы неэкономического характера, род занятий, речь, привычки, вкусы, образ жизни – реалия – совокупность едва уловимых признаков – нелепый и смехотворный предрассудок (К. Фокс).

К доминирующим ноэмам относятся следующие – *показатель не совпадающий с экономическими различиями; реалия; культурная форма; предрассудок.*

Исследование сущности концепта CLASS в английской публицистике позволяет указать на ноэму-основу – *отдельная сфера принадлежности.*

Эмоционально-оценочная рефлексия относительно феномена CLASS осуществляется посредством многочисленных эпитетов: «плохая, грубая, неприятная вещь», классовая система «такая удобная» (Гилл), «нелепый и смехотворный предрассудок» (Фокс).

Ценностная составляющая концепта CLASS отличается противоречивостью и варьируется от положительной до отрицательной оценки.

Ассоциативные и другие текстовые связи составляют основу национально-культурной специфики представления концепта CLASS. В его смысловой структуре актуализируются оппозиции: «сама структура жизни – мимолетный выбор в меню модного снобизма», «реалия – анахронизм», «манипулируемый социальный инструмент, «схема устройства» общества – нелепый и смехотворный предрассудок».

7. Анализ ноэматических свойств лексики, объективирующей концепт CLASS в английской художественной литературе, демонстрирует их большое разнообразие и смысловое богатство. Роман Джулиана Феллоуза «Снобы» позволяет судить о современной лингвокультурной специфике обсуждаемого феномена, так его действие происходит в наши дни и выпукло показывает классовые взаимоотношения героев.

В нашей выборке примеров выявлены следующие характеристики, свойственные рассматриваемому концепту в современной английской художественной литературе:

класс – одержимость, своеобразный предмет британской озадаченности; происхождение; презрение к выскочкам; старая иерархия теряет значимость; особенности отдыха;

высшие классы – отсутствие необходимости зарабатывать на жизнь; землевладение (загородный дом) и престиж; лицемерное отрицание необходимости богатых владений для статуса; притворная стыдливость богатства – желание доказать, что стиль и традиции для них важнее денег; очень большой клуб для избранных, членом которого они являются; укрощение классовых противников допуском их в элиту общества; позволение вливаться в аристократические круги людям нетитулованным, но богатым; сдержанность в проявлении эмоций и желание избежать скандальной известности; снобизм – проявление внешних форм феодализма;

средние классы – снобизм.

Из всего многообразия выраженных в художественном тексте ноэм к доминирующим ноэмам, воспроизводящим стереотипы и константы культуры, следует отнести следующие – *предмет озадаченности; происхождение; землевладение; желание доказать, что стиль и традиции важнее денег; сдержанность в проявлении эмоций; снобизм.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвокультурология как самостоятельная дисциплина с собственным научным предметом придала иную значимость вопросу соотношения языка и культуры, который издавна обсуждается в лингвистике. Изучая язык и культуру в их взаимосвязи, лингвокультурология дает основания строить семантические описания по-новому, рассматривая сущностную природу языковых явлений и их культурный статус.

Сферы языка, культуры и сознания пересекаются в концепте, который своей вербальной оболочкой обязан языку, своими смыслами – культуре и сознанию. Выделив и проанализировав доминирующие смыслы, описав лексику, привлекаемую для выражения соответствующих смыслов, мы получаем возможность охарактеризовать некоторую лингвокультуру, ибо каждой культуре принадлежит свой смысловой мир со своими смысловыми доминантами.

Лингвоконцептология – междисциплинарное направление, посвященное комплексному изучению языка, сознания и культуры, аккумулирует и согласовывает между собой основные постулаты хронологически предшествующих концептологических исследований в рамках различных направлений лингвистики.

Ключевая цель концептуальных исследований – исследование особенностей и признаков фрагментов картин мира в разных языках; изучение трансформации ценностных ориентиров в ходе динамического развития концептосферы. Концептосфера как результат концептуализации представляет собой многомерное ментальное образование, заполненное иерархически организованной системой концептов – квантов соответствующих элементов лингвокультуры. Представляя лингвокультуру в виде концептосферы, можно получить возможность исследовать ее как иерархическую гипо-гиперонимическую систему, требующую концептуального анализа, рассматривающего одни концепты – форманты лингвокультуры при помощи других.

Лингвокультурный концепт рассматривается нами как совокупность культурных смыслов и единица лингвокультуры, понятие же не столь «привязано» к культуре и составляет сумму языковых значений. Момент обрастания понятия культурными смыслами, ценностной составляющей, расширения и синкретизации ассоциативных векторов можно считать моментом зарождения концепта.

Наиболее эффективным способом изучения этноспецифики лингвокультуры представляется вербализованная ценностная картина мира, так как язык является мощным средством распространения ценностей культуры и, по сути, ее онтологией.

В рамках национальных культур состав значимых лингвокультурных областей варьируется, так как каждая национальная культура, как известно, есть совокупность ценностей определенной нации и аксиологических установок, вырабатываемых историей из системы естественных реалий, артефактов и ментефактов. Лингвокультурные области демонстрируют определенный тип мышления и адекватный ему язык.

Проведенное исследование позволило продемонстрировать специфику функционирования мировоззренческого концепта CLASS в английской лингвокультуре и, полагаем, выявило, что многие элементы концептосферы английской ценностной картины мира детерминируются классово-зависимым сознанием.

Высокий коэффициент дискуссионности феномена CLASS в публицистических изданиях и политических дебатах, живучесть предрассудков в обществе подтверждают большую значимость исследуемого концепта в английской лингвокультуре.

Многочисленные фрагменты английской картины мира обусловлены классовым мировоззрением. В самом широком смысле место британца в классовой иерархии определяют такие факторы, как: происхождение, акцент, образование, поведение, манера одеваться, особенности отдыха, тип жилья и стиль жизни.

Высшие классы остаются, как и прежде, законодателем образа жизни, поведения, речевой манеры. Низшие классы стремятся соответствовать эксцентричным фонетическим правилам «высших» и усваивать аристократическую лексику.

По нашим наблюдениям, в современном британском обществе усиливается тенденция к расслоению социальной действительности и соответственно к языковой дифференциации. Следует отметить появ-

ление большого количества новых терминов (таких, например, как: Sloane Ranger, Mondeo Man, Essex Man, Chav, Tweedy Man, White Van Man), номинирующих представителей различных страт общества и их преимущественно негативные коннотации.

Особое место в лингвокультуре Британии занимает понятие «the Establishment», что подтверждается лексической системой английского языка. Данная лексема не имеет лексических синонимов и эквивалентов в словарных составах других языков и была заимствована ими как специфическое английское понятие. Этнокультурную специфику феномена «the Establishment» формируют концептуальные признаки: «образование», «общность взглядов представителей истеблишмента/солидарность».

Вербализация понятия «the Establishment» в английской эмоциональной картине мира позволила определить статус конструкта «the Establishment» как антиценности, поскольку большинство рассмотренных примеров из текстов публицистики реализуют негативное отношение к данной социальной группе.

В XX веке ноэматическое наполнение субконцептов «the Establishment» и «upper class» во многом совпадало. На современном этапе генезиса английской лингвокультуры наблюдается расширение концептуальной структуры феномена «the Establishment», так как он частично охватывает ценности «upper-middle class» и «middle class». В то же время ноэмы ценностного поля «upper class» также остаются значимыми в рамках субконцепта «the Establishment».

Английской пословичной картиной мира не признается триадичная концепция класса, она упрощается до двух полюсов – аристократов и рабочих, бедных и богатых, средний класс из нее исключен. Рассмотренные ФЕ распределились следующим образом: 31% апеллируют к высшему классу, 19% – к рабочему, и 50% посвящены межклассовым отношениям.

Проанализированные пословицы в половине случаев демонстрируют имплицитный способ фразеологизации, то есть не содержат лексем, прямо указывающих на социальный статус.

Публицистика признается одной из важнейших лингвокультурных областей у англичан и отмечается разнообразием и полярностью суждений. Исследование сущности концепта CLASS в английской публицистике позволяет указать на ноэму-основу – *отдельная сфера принадлежности*. К доминирующим ноэмам в публицистических

текстах относятся следующие – *показатель, не совпадающий с экономическими различиями; реалия; культурная форма; предрассудок.*

Из всего многообразия выраженных в художественном тексте ноем к доминирующим ноемам, воспроизводящим стереотипы и константы английской культуры относительно концепта CLASS, мы относим следующие – *предмет озадаченности; происхождение; землевладение; желание доказать, что стиль и традиции важнее денег; сдержанность в проявлении эмоций; снобизм.*

Таким образом, нами была предпринята попытка выявить скрытые концептуальные смыслы в фактах языка, показать их развитие и изменения, зафиксированные в языке, формирующие, в общем, картину восприятия и понимания носителями языка культурного феномена CLASS, неотъемлемого фактора английской самобытности. Можно констатировать, что концептуальные характеристики определяются через значение языковых единиц, выражающих данный смысл, их словарные толкования, речевое употребление в значимых лингвокультурных областях. Сопоставление способов репрезентации концепта в языке позволило выделить основное содержание концепта CLASS: *отдельная сфера принадлежности; предмет озадаченности; происхождение; землевладение; реалия, культурная форма, предрассудок; желание доказать, что стиль и традиции важнее денег.*

Можно заключить, что мировоззренческий феномен CLASS в аксиологической системе британской лингвокультуры занимает одно из важнейших мест, что подтверждается семантической плотностью тематической группы слов, вербализующей концепт, детализацией наименований социальных страт британского общества, степенью репрезентативности данного концепта фразеологическим фондом языка, частотностью слов-репрезентантов концепта в текстах значимых лингвокультурных областей, частотностью сочетаемости номинаций концепта с оценочной лексикой.

Подводя итоги проведенного исследования, представляется важным подчеркнуть, что оно, на наш взгляд, вносит определенный вклад в разработку лингвокультурологической теории, в частности, в дальнейшее развитие методологии и категориального аппарата лингвокультурологии, создает предпосылки для дальнейшего изучения процесса концептуализации культурных феноменов в единицах языка, а также в разработку проблемы лингвокультурологического анализа. Наряду с концептуальной методикой, суть которой заключается

в том, что на основе анализа семантического пространства языка, репрезентирующего тот или иной концепт, становится возможным выявление содержания концепта, применяется анализ ноэматических свойств лексики в соответствии с ее статусом – принадлежностью к определенной лингвокультурной области и с уровнем рефлексии, приведшим к появлению той или иной ноэмы. Применение герменевтико-интерпретационного подхода в рамках лингвокультурологии с целью изучения этнокультурного своеобразия и аксиологического статуса концептов позволяет выявить первичные ноэматические компоненты концепта, фигурирующие как устойчивые ментальные установки, постоянно воспроизводимые в лингвокультуре.

Теоретические результаты исследования могут быть применимы в отношении других лингвокультур при изучении функционирующих в них концептов.

Разработанный комплексный подход к исследованию данного концепта позволяет провести анализ других мировоззренческих феноменов на предложенных основаниях.

Проведенное исследование британского мировоззренческого концепта CLASS не исчерпывает всего круга вопросов, заслуживающих специального изучения, ввиду объемности и многогранности этого сложного феномена. Но, полагаем, приоткрывает одну из важнейших категорий английской самобытности – мировоззренческую.

Представляется интересным попытаться определить тенденции дальнейшего развития феномена CLASS, так как структурирование смыслов, их отражение в традициях, поведении и языковых формах продолжаются; исследовать особенности формирования и развития других английских ключевых ментальных (мировоззренческих) репрезентаций (EMPIRICISM, EBYORISHNESS) путем их концептуального анализа в парадигме культуры; выявить доминанты вторичной ноэматики путем анализа концептосочетаний CLASS – EMPIRICISM, CLASS – EBYORISHNESS.

Несомненно, актуальным является сравнительно-типологическое исследование мировоззренческих концептов разных национальных систем, которое позволит определить смысловые и языковые универсалии, описать национальную специфику и особенности выразительных средств национальных языков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия / Сост. Модестов В. – М.: Худож. лит., 2000. – 415 с.
2. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.
3. *Базылев В.Н.* Мифологема скуки в русской культуре // RES LINGUISTICA: Сб. статей. – М., 2000. – С.130–147.
4. *Бахтин М.М.* Человек в мире слова. – М.: Рос. открытый ун-т, 1995. – 140 с.
5. *Богин Г.И.* Обретение способности понимать: Введение в герменевтику – М.: Рудомино, 1999. – 218 с.
6. *Богин Г.И.* Система смыслов в тексте как пространство значащих переживаний // Филология – Philologica (Краснодар). – 1995. – № 8. – С. 7–11.
7. *Богин Г.И.* Типология понимания текста. – Калинин: КГУ, 1986. – 86 с.
8. *Богин Г.И.* Филологическая герменевтика. – Калинин: Изд-во КГУ, 1982. – 86 с.
9. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.
10. *Брагина Н.Г.* Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 131–138.
11. *Брудный А.А.* Психологическая герменевтика: Учебное пособие. – М.: Лабиринт, 1998. – 336 с.
12. *Буряковская В.А.* Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 23 с.
13. *Бутенко Е.Ю.* Выявление соотношения концепта и понятия «страх» // Вопросы экономики и права: Сб. статей аспирантов и соискателей / Отв. ред. В.Ю. Наливайский. – Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2005. – Вып.3. – С.152-160.
14. *Бутенко Е.Ю.* Концептуализация понятия «страх» в немецкой и русской лингвокультурах: Дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. – Тверь, 2006. – 198 с.

15. *Бутенко Е.Ю.* Лингвоконцептология: становление исследовательского направления // Язык, текст и культура: лингвистические и методические аспекты изучения: Материалы региональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава 26 марта 2008 / Отв. ред. Т.В. Евсюкова; Ростовский гос. экономический ун-т «РИНХ». – Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ «РИНХ», 2008. – С. 55–66. (а)
16. *Бутенко Е.Ю.* Особенности концептуализации в различных лингвокультурных областях // Актуальные проблемы лингвистики и журналистики: Матер. Междунар. научно-практич.конфер. 12–15 октября 2008 / Отв. ред. Т.В. Евсюкова. – Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ «РИНХ», 2008. – С. 232–236. (б)
17. *Васильев С.А.* Синтез смысла при создании и понимании текста. – Киев: Наукова думка, 1988. – 238 с.
18. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Яз. рус. культуры, 2001. – 288 с.
19. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. словари, 1997. – 411 с.
20. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. – 84 с.
21. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
22. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
23. *Воркачев С.Г.* Концепт как зонтиковый термин // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 2003. – Вып.24. – С. 5–12. (а)
24. *Воркачев С.Г.* Культурные концепты и перевод: макаризмы в тексте Евангелия // Вестник МГОУ. – 2003. – № 4. – С. 88–93. (б)
25. *Воркачев С.Г.* Культурный концепт и значение // Труды Кубанского гос. техн. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Т. 17, вып. 2. – Краснодар, 2003. – С. 268–276. (в)
26. *Воркачев С.Г.* Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3. – Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – С. 79–95

27. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. Теория и методы. – М.: Изд-во Рос. ун-та Дружбы народов, 1997. – 331 с.
28. *Гартман Н.* Эстетика / Н. Гартман; Пер. с нем. А.С. Васильева. – Киев: Ника-Центр, 2004. – 640 с.
29. *Гачев Г.Д.* Взгляд из России. Англия, интеллектуальное путешествие. – М.: Воскресенье, 2007. – 688 с.
30. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Курс лекций. – М.: Academia, 1998. – 429 с.
31. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
32. *Джидарьян И.А.* Представления о счастье в российском менталитете. – СПб.: Алетейя, 2001. – 242 с.
33. *Евсюкова Т.В.* Словарь культуры как проблема лингвокультурологии. – Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2001. – 256 с.
34. *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 523 с.
35. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику: Учебник. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.
36. *Ивушкина Т.А.* Язык английской аристократии: социально-исторический аспект: Монография / МГУ, ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1997. – 157 с.
37. *Ищенко Н.* Элитная школа вернула власть в Великобритании // ВФМ.ru [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bfm.ru/articles/2010/05/17/devid-kameron-vernul-pravitelstvu-itionskij-akcent.html> (дата обращения 05.11.2011).
38. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград, Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3-16.
39. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166–205. (а)
40. *Карасик В.И.* О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3–16.
41. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. (б)
42. *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной

- лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75–80.
43. *Карасик В.И., Ярмахова Е.А.* Лингвокультурный типаж «английский чужак»: монография. – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.
44. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
45. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. – СПб: Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.
46. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: ЧеРО, 2003. – 349 с.
47. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Современный русский язык и культурная память // Этнокультурная специфика речевой деятельности. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 23–36.
48. *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
49. *Крючкова Н.В.* Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов (на материале русского, английского, французского языков): Автореф. ... доктора филол. наук. – Саратов, 2009. – 48 с.
50. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1986. – 336 с.
51. *Ларина Т.В.* Концепт «вежливость» в коммуникативном сознании русских и англичан // Człowiek Świadomość Komunikacja Internet. – Warszawa, 2004. – С. 284–293.
52. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.
53. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.
54. *Лихачев Д.С.* Очерки по философии художественного творчества / РАН, Ин-т рус. лит. – СПб.: Рус.-Балт. информац. центр БЛИЦ, 1996. – 159 с.
55. *Ляпин С.Х.* Концептология к становлению подхода // Концепты: Науч. труды Центрконцепта. – Архангельск, 1997. – Вып. 1. – С. 11–35.

56. *Майол Э., Милстед Д.* Эти странные англичане. – М.: Эгмонт Россия ЛТД, 2001. – 72 с.
57. *Маслов Г.* Бедным путь в топ-менеджмент закрыт. [Электронный ресурс]. – URL: http://infox.ru/business/career/2009/07/21/Vyednuum_put_v_top_m.html (дата обращения 11.04.2011).
58. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
59. *Мейер-Стабли Б.* Повседневная жизнь Букингемского дворца при Елизавете II. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 448 с.
60. *Опарина Е.О.* Лингвокультурология: методические основания и базовые понятия // Язык и культура: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – Вып. 2. – С. 27–48.
61. *Опарина Е.О., Сандомирская И.И.* Фразеология и коллективная культурная идентичность // *Profilowanie w jezyku i w tekscie.* – Lublin, 1998. – S. 373-379.
62. *Павленис Р.И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1986. – 286 с.
63. *Паксман Дж.* Англия: Портрет народа / Джереми Паксман; пер. с англ. И. Егорова. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2010. – 380 с.
64. *Погосова К.О.* Концепты эмоций в английской и русской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владикавказ, 2007. – 24 с.
65. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 7–9.
66. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
67. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 30 с.
68. Пословицы и поговорки. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.homeenglish.ru/Proverbs2.htm> (дата обращения 15.03.2014).
69. *Рейфилд Д.* Заметки об Англии. // Иностранная литература. – 1994. – № 6. – С. 222–236.
70. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: «Медиум», 1995. – 415 с.
71. *Розов Н.С.* Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. – Новосибирск: НГУ, 1998. – 292 с.

72. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
73. *Серебренников Б.А.* Как происходит отражение картины мира в языке // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 87–107 .
74. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 328 с.
75. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – 824 с.
76. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
77. *Сулейменова Э.Д.* Понятие смысла в современной лингвистике. – Алма-Ата: Мектеп, 1989. – 160 с.
78. *Тарасова И.А.* Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля // Вестник СамГУ. – 2004. – № 1. – С. 163–169.
79. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с.
80. *Труфанова И.В.* Значение и смысл лексемы в обыденной, научной и художественной речи // Тезисы докладов Междунар. научной конференции «Язык и культура». – М., 2001. – С. 72.
81. *Тхорик В.И., Фанян Н.Ю.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. 2-е изд. – М.: ГИС, 2006. – 260 с.
82. *Федосюткина Н.С.* Слова-ценности как средство доступа к ценностной картине мира: Экспериментальное исследование: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Курск. гос. ун-т. – Курск, 2005. – 22 с.
83. *Фокс К.* Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения / Пер. с англ. И.П. Новоселецкой. – М.: РИПОЛ классик, 2008. – 512 с.
84. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сборник. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
85. *Фрост Д., Джей Э.* Англии – с любовью // Иностранная литература. – 1972. – № 2. – [Электронный ресурс]. – URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/E_LESSON/FROST/WITHLOVE.HTM (дата обращения 07.11.2011)

86. *Халеева И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика). – М.: Высшая школа, 1989. – 240 с.
87. *Химшиашвили П.* Мы еще способны менять мир // *Ведомости*. – 20.05.2010, № 90 (2608).
88. *Хроленко А.Т.* Основы лингвокультурологии: учеб. пособие / Под ред. В.Д. Бондалетова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 184 с.
89. *Шаховский В.И.* Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // *Языковая личность: культурные концепты*: Сб. науч. тр. – Волгоград: Волг. гос. пед. ун-т, 1996. – С. 80–96.
90. *Шейгал Е.И., Арчакова Е.С.* Тезаурусные связи и структура концепта // *Язык, коммуникация и социальная среда*. – Воронеж: ВГТУ, 2002. – Вып.2. – С. 19–24.
91. *Шелер М.* Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения / Пер. Денежкина А.В., Малинкина А.Н., Филиппова А.Ф. – М.: Гнозис, 1994. – С. 299–318.
92. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995. – 800 с.
93. *Щедровицкий Г.П.* Методология и наука // *Философия. Наука. Методология*. – М.: Школа культурной политики, 1997. – С. 294–363.
94. *Щедровицкий Г.П.* Смысл и значение // *Проблемы семантики*. – М.: Наука, 1974. – С. 94–101.
95. *Щедровицкий Г.П.* Схема мыследеятельности: Системно-структурное строение, смысл и содержание // *Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986*. – М.: Наука 1987. – С. 124–146.
96. *Adonis A. & Pollard S.* A class act: The Myth of Britain's Classless Society. – London: Hamish Hamilton Ltd, 1997. – 308 p.
97. *Barnett C.* The Collapse of British Power. – London: Eyre Methuen, 1972. – 643 p.
98. *Cannadine, David.* The Rise and Fall of Class in Britain. – New York: Columbia University Press, 1999. – 293 p.
99. *Cannadine, David.* Class in Britain. – New Haven; London: Yale university press, 1998. – 242 p.
100. *Capek, Karel.* Letters from England, translated by Geoffrey Newsome. – Wilts.: Claridge Press, 2001. – 183 p.

101. *Cooper, Jilly*. *Class: A View from Middle England*. – London: Methuen, 1979. – 283 p.
102. *Crystal, David*. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 489 p.
103. *De Monplaisir H*. *Le Dossier of Hortense de Monplaisir or How to Survive the English / Translated by Sarah Long*. – London: John Murray (Publishers), 2007. – 266 p.
104. *Dimbleby, Jonathan*. *The Prince of Wales: A Biography*. – New York: William Morrow and Company Inc., 1994. – 620 p.
105. *Elias N., Martins H. and Whitley R.* (eds.) *Scientific Establishments and Hierarchies*. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1982. – 312 p.
106. *Elias N., Scotson, J.L.* *The Established and the Outsiders: A Sociological Enquiry into Community Problems*. – London: Frank Cass & Co., 1965. – 202 p.
107. *Fauconnier G., Turner M.* *Principles of conceptual integration// Discourse and cognition: bridging the gap*. – Stanford, Calif.: CSLI Publications, 1998. – P.269-284.
108. *Fellowes, Julian*. *Snobs*. – London: Phoenix, 2009. – 346 p.
109. *Fox, Kate*. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. – London: Hodder and Stoughton Ltd, 2005. – 424 p.
110. *Gill A.A.* *The Angry Island: Hunting the English*. – London: Phoenix, 2006. – 238 p.
111. *Gorer, Geoffrey*. *Exploring English Character*. – London: Cresset Press, 1955. – 328 p.
112. *Horden, John*. *Peacham, Henry // Oxford Dictionary of National Biography / Colin Matthew and Brian Harrison (ed.)*. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 480 p.
113. *Jennings, Charles*. *People Like Us: a season among the upper classes*. – London: Little, Brown, 1997. – 218 p.
114. *Jerome K. J.* *Three Men in a Boat*. – М.: «Менеджер», 1999. – 288 p.
115. *Kerr, Jane*. *IT'S ALTHORP, NOT ALTHRUP; A staggeringly important world announcement by Earl Spencer...(News)*. – *The Mirror* (London, England). – May 12, 2000. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.encyclopedia.com/doc/1G1-62047766.html> (дата обращения 14.05.2010).

116. *Kluckhohn F., Strodtbeck F.* Variation in Value Orientations. – New York: Row, Peterson & Co., 1961. – 316 p.
117. *Kuper, Simon.* The new British establishment. – The Financial Times, 2012. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ft.com/cms/s/2/1f05adc2-db70-11e1-be74-00144feab49a.html#axzz2OOEK3xWA> (дата обращения 10.01.2013).
118. *Lyall, Sarah.* A Field guide to the English. – London: Quercus, 2009. – 278 p.
119. *McDowall, David.* Britain in Close-up: An In-Depth Study of Contemporary Britain. – Harlow: «LONGMAN, Pearson Education, Pearson», 2008. – 208 p.
120. *Miall A., Milsted D.* The Xenophobe's Guide to the English. – London: Oval Books, 2001. – 64 p.
121. *Mikes, George.* How to be Inimitable: Coming of Age in England. – London: Hodder General Publishing Division, 1974. – 94 p.
122. 19th Century English Proverbs / Famous Proverbs. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.famous-proverbs.com/19th_Century_Proverbs.htm (дата обращения 26.02.2014).
123. *Noblesse oblige / Mitford, Nancy (ed.).* – London: Hamish Hamilton, 1956. – 114 p.
124. *Norton, Philip.* The British polity. – New York: Longman, 1984. – 386 p.
125. *Orwell G.* Collected Essays, Journalism and Letters. – London: Penguin, 1970. – 303 p.
126. PC, 2013: Political class. – 2013. – [Электронный ресурс]. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Political_class#Britain (дата обращения 14.11.2013).
127. Pearce, Edward. Terry Major-Ball. Long-struggling elder brother of John Major who serenely endured a brief unwanted celebrity. – Independent. – 2007. – Monday, 23 April. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.independent.co.uk/news/obituaries/terry-majorball-445861.html> (дата обращения 23.04.2010).
128. *Perkin H.* The Origin of Modern English Society, 1780-1880. – London: Penguin, 1976. – 465 p.
129. *Perry R.B.* General Theory of Value: Its Meaning and Basic Principle Construed in Terms of Interest. – New York: Longmans, Green and Company, 1926. – 702 p.

130. Proverbs and English sayings. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.english-sayings.com/category/english-proverbs> (дата обращения 07.04.2014)
131. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. – N. Y.: Free press, 1973. – P. 5.
132. Ross, Alan S. C. Linguistic class-indicators in present-day English // *Neuphilologische Mitteilungen* (Helsinki). – 1954. – vol. 55. – P.113-149.
133. Sampson, Anthony. Who Runs This Place? The Anatomy of Britain in the 21st Century. – London: John Murray, 2004. – 418 с.
134. *Scruton, Roger.* England: An Elegy. – London: Continuum, 2009. – 270 p.
135. *Shaw, Bernard.* Pygmalion. – М.: For. lang. publ. house, 1959. – 152 p.
136. The Establishment. – 2013. – [Электронный ресурс]. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/The_Establishment (дата обращения 19.02.2013).
137. *Thompson E.P.* The making of the English working class. – London: Victor Gollans, 1963 – 958 p.
138. *Waugh, Evelyn.* An Open Letter to the Honourable Mrs. Peter Rodd (Nancy Mitford) on a Very Serious Subject // *Noblesse oblige / Mitford, Nancy* (ed.). – London: Hamish Hamilton, 1956. – 114 p.
139. *Wheatcroft, Geoffrey.* It's the way Tony tells 'em...// *Independent*. – Sunday, 7 June 1998. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.independent.co.uk/opinion/its-the-way-tony-tells-em-163337.html> (дата обращения 05.06.2011).
140. *Wheatcroft, Geoffrey.* The Making of the English Middle Class // *The Atlantic Monthly*. – 1999. – Vol. 283. – № 6. – P. 128–134. (а)
141. *Wheatcroft, Geoffrey.* The Penumbra of Pedigree: A revived reference book offers a fanfare for the common aristo // *The Atlantic Monthly*; February 1999. – Volume 283, No. 2. – P. 14–16. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.theatlantic.com/issues/99feb/pedigree.htm> (дата обращения 17.05.2011). (б)
142. William is horrified at sneers about Kate's mum // *Daily mail*. – 2007. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-449071/William-horrified-sneers-Kates-mum.html> (дата обращения 19.03.2011).

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

143. БСИС: Большой словарь иностранных слов / Автор-составитель Булыко А.Н. Изд. 2-е, испр. – М.: «Мартин», 2008. – 704 с.
144. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
145. ЛЭС, 2002: Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцева В.Н. Изд. 2-е доп. – М.: Большая рос. энц., Дрофа, 2002. – 709 с.
146. ЛЭС, 1989: Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 752 с.
147. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1989. – 924 с.
148. Современный словарь иностранных слов. – М.: Рус. Яз., 1992. – 740с.
149. СЭС, 1980: Советский энциклопедический словарь. – М.: СЭ, 1980. – 1220 с.
150. CALD, 2008: Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – 3 edition – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 1852 p.
151. CED, 2003-2009: Collins English Dictionary. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2003-2009. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thefreedictionary.com> (дата обращения 15.03.2010).
152. COED, 2007: Compact Oxford English Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 1210 p.
153. CTEL, 2002: Collins Thesaurus of the English Language. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2002. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thefreedictionary.com/class> (дата обращения 17.03.2010).
154. CTEL, 2002: Collins Thesaurus of the English Language. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2002. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thefreedictionary.com/Establishment> (дата обращения 22.01. 2013).
155. DS, 2010: Dictionary of Slang. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.peevish.co.uk/slang/t.htm> (дата обращения 29.01.2010).
156. FEW: Free Encyclopedia Wikipedia. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 17.02.2010).

157. LDCE, 1995: Longman Dictionary of Contemporary English. – 3 ed. – Harlow: Longman Group Ltd, 1995. – 1668 p.
158. MFEW, 2012: Multilingual Free Encyclopedia Wictionary. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://en.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения 06.06.2012).
159. NPDE, 1987: The new Palgrave a Dictionary of Economics / Ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. – In vol. 4. – London: Macmillan Press Ltd., 1987. – V. 3. – 1044 p.
160. OALD, 2005: Oxford Advanced Learner»s Dictionary of current English / A.S. Hornby. – Seventh Edition, Editor Sally Wehmeier. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 1839 p.
161. OED, 2010: Online Etymology Dictionary. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.etymonline.com/index.php?term=toff> (дата обращения 17.02.2010).
162. OGBAC, 2005: Oxford Guide to British and American Culture (for learners of English). – 7th edition. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 536 p.
163. RHD, 2010: Random House dictionary of the English language // Editor Jess Stein. – New York: Random House Inc., 2010. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://dictionary.reference.com/browse/old-money?r=66> (дата обращения 26.02.2010).
164. SSB, 2010: Social structure of Britain. – 2010. – [Электронный ресурс]. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Social_structure_of_Britain (дата обращения 17.02.2010).
165. WD, 2010: WordNet Dictionary Online. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://net.bible.org/lexicon.php?word=mods> (дата обращения 19.02.2010).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Эпистемологические принципы лингвокультурологического подхода к изучению концептов ценностной картины мира	7
1.1. Базовые единицы лингвокультурологии	7
1.2. Лингвоконцептология как новое исследовательское направление	15
1.3. Становление метаязыка лингвокультурной концептологии	26
1.4. Проблема разграничения лингвокультурного концепта и понятия	39
1.5. Особенности концептуализации в различных лингвокультурных областях	50
1.6. Ноэтическая природа концепта	56
1.7. Ценностная картина мира как составная часть лингвокультуры	65
<i>Выводы по главе 1</i>	88
Глава 2. Британский мировоззренческий концепт CLASS: опыт лингвокультурологического анализа	95
2.1. Онтологические характеристики феномена CLASS в английской культурной традиции	95
2.2. Социальная стратификация языка как экспликатор английского феномена CLASS	109
2.3. Лингвокультурологический анализ терминов, номинирующих представителей различных страт английского общества	128
2.4. The Establishment как этноспецифическое явление английской классовой системы	153
2.5. Вербализация концепта CLASS в единицах фразеологического уровня английского языка	173
2.6. Концептуальные характеристики феномена CLASS в английской публицистической литературе	186
2.7. Репрезентация концепта CLASS в английской художественной литературе	193
<i>Выводы по главе 2</i>	201
Заключение	209
Библиографический список	214

CONTENTS

Foreword	5
Chapter 1. Epistemological principles of linguocultural approach to studying the concepts of axiological picture of the world	7
1.1. Basic units of language and culture science	7
1.2. Linguoconceptology as a new research area of focus	15
1.3. Formation of meta language of linguocultural conceptology	26
1.4. The problem of distinguishing a linguocultural concept from a notion ..	39
1.5. Specific features of concept representation in various linguocultural fields	50
1.6. Noematic essence of concept	56
1.7. Axiological picture of the world as a component of linguistic culture ..	65
<i>Summary of Chapter 1</i>	88
Chapter 2. The British ideological concept CLASS: experiment of linguocultural analysis	95
2.1. Ontological data on the phenomenon CLASS in the English cultural tradition	95
2.2. Social layering of language as an evidence of the English phenomenon CLASS	109
2.3. Linguocultural analysis of the terms referring to representatives of various strata in the British society	128
2.4. The Establishment as a specific cultural notion of the English class system	153
2.5. Verbalization of concept CLASS in the phraseological units of the English language	173
2.6. Conceptual characteristics of the phenomenon CLASS in the sphere of English journalism	186
2.7. Representation of concept CLASS in English fiction	193
<i>Summary of Chapter 2</i>	201
Conclusion	209
Reference list	214

Научное издание

Елена Юрьевна Бутенко

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА
МИРОВОЗРЕНЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА «CLASS»
В АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ**

Монография

Оформление обложки и титула *В.А. Селина*
Техническое редактирование
и компьютерная верстка *Л.Б. Галкиной*

Подписано в печать 10.11.2014.

Формат 60×90/16. Гарнитура Times

Усл. п.л. 14,25. Уч.-изд. л. 12.39.

Тираж 25 экз. Заказ № 579.

Финансовый университет

Ленинградский просп., 49, Москва, 125993 (ГСП-3),

Отпечатано в ООП (Ленинградский пр-т, д. 51)

Издательства Финансового университета